

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканович Мусаев (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Бабин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, независимый исследователь, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Когай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевра (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларуси, Минск, Беларусь).

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта—Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджио Де Маркус (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткин (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПМ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2024

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, independent researcher, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Nesevrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),
Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ (Тематический выпуск)

PHILOSOPHY OF CREATIVITY IN THE BECOMING OF THE CULTURE'S LANGUAGE (Special issue)

Язык культурного многообразия в перспективе обновленного синтеза <i>Киященко Л.П. (главный редактор)</i>	143	The language of cultural diversity from the perspective of updated synthesis <i>Larisa P. Kiyashchenko (editor-in-chief)</i>
Образные схемы как когнитивная основа языковой артикуляции <i>Смирнова Н.М.</i>	152	Image schemas as a cognitive basis of language articulation <i>Natalia M. Smirnova</i>
Язык, смысл, осознанность: аспекты обусловленности <i>Бескова И.А.</i>	160	Language, meaning, awareness: aspects of interdependence <i>Irina A. Beskova</i>
Наука и искусство в дизайн- проектировании: история и современность <i>Степанова Г.Б.</i>	170	Science and art in design development: history and modern times <i>Galina B. Stepanova</i>
Как насвистеть то, что нельзя высказать <i>Михайлов И.Ф.</i>	180	How to whistle something that can not be said <i>Igor F. Mikhailov</i>
Синтез знания как ценность науки <i>Сабанина Н.Р.</i>	192	Synthesis of knowledge as the value of science <i>Natalia R. Sabanina</i>
Концепция смерти автора и проблема посттворчества в цифровую эпоху <i>Малков С.М.</i>	205	The concept of the death of the author and the problem of post-creativity in the digital age <i>Sergey M. Malkov</i>
Метафоричность личного языка <i>Филипенко С.А.</i>	214	Metaphoricity of personal language <i>Stanislava A. Filipenok</i>
Язык искусства — язык образования (на основе русской философии и русского искусства) <i>Панова О.Б.</i>	223	The language of art is the language of education (based on Russian philosophy and Russian art) <i>Olga B. Panova</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Онтологические основания реального гуманизма и проблема аборт <i>Лоскутов Ю.В.</i>	230	The ontological foundations of real humanism and the abortion issue <i>Yuri V. Loskutov</i>
--	-----	---

Традиция во Вьетнаме: реальность или симулякр? <i>Гилл Е.В., Кранчунов Д.Е.</i>	241	Tradition in Vietnam: reality or a simulacrum? <i>Elena V. Gill, Daniil E. Krapchunov</i>
---	-----	--

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Чат-бот, как инструмент психологической поддержки: обзор исследований <i>Фрейманис И.Ф.</i>	250	Chatbot as a psychological support tool: research review <i>Inga F. Freimanis</i>
---	-----	---

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Социальные факторы академической прокрастинации <i>Стоянов А.С.</i>	260	Social factors of academic procrastination <i>Alexander S. Stoyanov</i>
Личностные и профессиональные качества руководителей, как элемент системы социального регулирования взаимодействия участников трудоого процесса <i>Левицкая А.Н., Борисов А.Ф., Шелонаев С.И.</i>	273	Personal and professional qualities of managers as an element of the system of social regulation of interaction between participants in the labor process <i>Alexandra N. Levitskaya, Alexander F. Borisov, Sergey I. Shelonaev</i>
Информация для авторов	286	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ
(Тематический выпуск)

УДК 130.2:316.7
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-143-151>
EDN: AJILV

Поступила: 01.05.2024
Принята: 24.05.2024
Опубликована: 04.07.2024

ЯЗЫК КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ
В ПЕРСПЕКТИВЕ ОБНОВЛЕННОГО СИНТЕЗА*

Киященко Лариса Павловна (приглашенный редактор)

Институт философии РАН (Москва)

Статья посвящена аналитическому разбору состоявшегося диалога по теме, не утратившей и сегодня своей актуальности, границ и взаимодействий между языками науки и языками искусства. В разделе собрана подборка статей участников секции, объединенных указанной тематикой. Разнообразие авторских трактовок убедительно демонстрирует сквозную интенцию на синтетическое построение в целом выделенных оппозиций. В его основе лежит «диалектика начал», которая предоставляет возможность построения типологии граничных условий с помощью особенностей опыта, фиксированного на преодоление пределов (перехода, перевода, преодоления установленной и становления новой, онтологической о-пределенности). Граница как феномен двойственен — это и понятие, фиксирующее представление о пространстве, реальности границы, в уме, и ее практическое воплощение субъекта действия в проведении границы. Она может быть маркирована как гипотетическая среда «между», как зона обмена (между тем, что «до нее» и «после»). Другими словами, речь идет о порождении срединной «территории» смысловой связи выделенных границ (пределов). В первом приближении по тематике статьи типология зоны обмена, перевода может выглядеть как диалектика начал взаимодействия, проблематизации «между»: 1) онтологической (сферой между техниками, умениями, практиками и иными формами антропологических представлений о реальности), 2) методологической (междисциплинарной и трансдисциплинарной зоной взаимодействия), 3) поисковой зоной рефлексивного оценивания возможностей языковой выразительности (например, соотношение между «о-пределениваем» и тем, что находится «по ту сторону пределов» как еще непознанного или в принципе непознаваемого). Предельный опыт находит свое применение в сфере проблемно ориентированных междисциплинарных исследований, выходящих на уровень философской рефлексии в трансдисциплинарной зоне персональной ответственности как интервал измерения диалектики начальных оппозиций.

Ключевые слова: языки искусства, языки науки, предельный опыт, междисциплинарность, трансдисциплинарность, зоны обмена, рефлексия, язык выразимости, событие, порождение смысла, интервальное измерение.

Для цитирования:

Киященко Л.П. Язык культурного многообразия в перспективе обновленного синтеза // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 143–151. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-143-151>.
EDN: AJILV

* По материалам Международного научно-практического форума «Синтез знания и красоты. К 150 со дня рождения Н.К. Рериха», секция «Языки науки – языки искусства» (Москва, Ин-т философии РАН, 20–22 марта 2024 г.).

THE LANGUAGE OF CULTURAL DIVERSITY FROM THE PERSPECTIVE OF UPDATED SYNTHESIS

Larisa P. Kiyashchenko (guest editor)

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

The article is devoted to analysis of the dialogue on a topic that has not lost its relevance today — the boundaries and interactions between the languages of science and those of art. The special issue contains a selection of articles written by the forum participants and united by the specified topic. The variety of interpretations proposed by the authors convincingly demonstrates the intention toward synthetic construction of the identified oppositions as a whole. It is based on the «dialectic of fundamentals», which provides the opportunity to build a typology of boundary conditions using the experience fixed on the overcoming of limits (transition, translation, overcoming of the established and establishing of a new, ontological limit). The boundary as a phenomenon is dual — it is both a concept that captures the idea of space, the reality of the boundary in mind and its practical embodiment by means of the subject's action to establish the boundary. It can be labeled as a hypothetical medium «between», as an exchange zone (between what is «before it» and «after»). In other words, we are talking about the creation of a median «territory» of semantic connection of the selected boundaries (limits). In the first approximation, according to the subject of the article, the typology of the zone of exchange, translation may look like the dialectic of the fundamentals of interaction, problematization «between»: 1) the ontological zone (the sphere between techniques, skills, practices and other forms of anthropological representations of reality), 2) methodological zone (interdisciplinary and transdisciplinary zone of interaction), 3) search zone of reflexive assessment of the possibilities of linguistic expression (for example, the relationship between «limit» and what is «beyond, on the other side of the limits» as yet unknown or ultimately unknowable). The ultimate experience finds its application in the field of problem-oriented interdisciplinary research reaching the level of philosophical reflection in the transdisciplinary zone of personal responsibility as the interval dimension of the dialectic of initial oppositions.

Keywords: languages of art, languages of science, ultimate experience, interdisciplinarity, transdisciplinarity, exchange zones, reflection, language of expressiveness, event, generation of meaning, interval measurement.

To cite:

Kiyashchenko L.P. [The language of cultural diversity from the perspective of updated synthesis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 143–151 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-143-151>, EDN: AJPLV

Диалектика начал в проведение предельного опыта: амбивалентность рефлексии на границах выразительности

Современного исследователя все более привлекают довольно часто встречающееся в современных интеллектуальных текстах и подходах к их интерпретации «сочетания несочетаемого». Имеется в виду противоречивые суждения об общем предмете рассмотрения. Суждения порой имеют характер парадоксов, антитетических

противопоставлений и иных форм vice versa. Стремление их разрешить, подчеркнуть, однозначно решить ко всеобщему согласию участвующих в обсуждении сторон, скорее всего, будет утопическим предположением по типу «не в этом месте и не сейчас». И все-таки разрешение допускается и, скорее всего, в модусе возможного, гипотетического, контингентно согласованного, преодолевая перманентное сомнение [Голубинская А.В., 2021]. Сомнение Декарта в новых междисциплинарных обстоятельствах обо-

гащается неизбежными подробностями учета одновременно разнонаправленного интереса, но единого субъекта трансцензуса глубинно телесно чувствующего проживания «изнутри» с возможностью осознания ситуации в целом «извне» [Динабург С.Р., 2021]. Речь идет о терминологическом и фразовом ресурсе концепирования, обладающем неаддитивным, синергетическим эффектом, который обеспечивает необходимую «избыточность» для обновленного смыслового образования. Последний совсем не всегда схватывается в однозначных дисциплинарных терминах, что влияет на возможное многообразие диалектики начал, что особенно важно для схватывания, концепирования в построении сложноорганизованных развивающихся систем. Однако, как можно видеть, между дисциплинарностью (включая мультидисциплинарность и междисциплинарность) и трансдисциплинарностью нет противопоставления, но вместо этого существует плодотворная взаимодополняемость. На самом деле трансдисциплинарности без дисциплинарности не бывает. Кроме того, если в 70-е гг. терминологически оформленное как трансдисциплинарное исследование было, как правило, связано со сферой образования, то теперь трансдисциплинарность ассоциируется с инициативами неакадемических сообществ, включая гражданскую науку, а также с проектами, которые призваны коллективно понимать и эффективно реагировать на сложные ситуации и перманентные проблемы¹ [Lawrence R.J., 2023].

Опыт преодоления пределов

Речь идет о переходе (с сохранением) от информативного способа отношения к миру к концептуальному. Рождение концептуализации в диалектике начала, в ситуации сочетания категориального, научно обоснованного и экзистенциально прожитого и проживаемого в регионе события здесь и сейчас, онтологически обосновываемого соответствующими способами выражения нарождающегося смысла в творческой лаборатории со-мнения по типу отрицательной диалектики. «Диалектика — это последовательное логическое осознание не тождественности.

Она не предпосылает концепции. К диалектике мысль толкает ее неизбежная недостаточность, погрешности в мыслимом» [Адорно Т.В., 2003]. Мы как бы продвигаемся к началам культуры. А по Далю «начало — [это то] чем начинается бытие или действие; один из двух пределов, между которыми заключено бытие, вещественное либо духовное; почин, зачин, искон, зачало, источник, корень, рождение, исход <...>. Первый источник или причина бытия; сила рождающая, производящая, создающая <...> первые и главные истины науки, основания ее, основы знания <...>. Стихия, одна из основных составных частей, принимаемых как бы за неделимое, за нечто целое, однородное...» [Даль В., 1881, с. 509–510] (цит. по [Киященко Н.И., Киященко Л.П., 2013, с. 288–289]).

Принцип предельного основания подразумевает смысловые подсказки понимания динамического сопряжения сторон рассматриваемой сферы. Эта сфера дает представления об автономном взаимодействии между артефактами — техникой (в широком смысле) и социокультурно обусловленной антропологической сферой. Философский ее компонент изначально строится, избегая традиционных противопоставлений материи и сознания. Он располагается «между ними» и выставляет свои представления, сопрягая их в особом, не всегда предсказуемом опыте преодоления пределов. Зона обмена чревата рисками, правовыми нарушениями, этическими нестыковками, зоной особой ответственности. И вместе с тем это полигон философской антропологии, где развивается интуиция, рефлексия сознания.

Любой регулятивный принцип неопределен, поскольку такие принципы не предлагают «алгоритмическую», линейную определенность правила. В свою очередь, настойчивое, догматическое следование его определенности чревато «диалектическим оборачиванием в антитезис» [Апель К.-О., 2001]. Опыт предельного реализуется в качестве «удержания» тезиса и антитеза в ситуационном синтезе. Опыт предельного — это, так сказать, «наглядный эксперимент» математиков, с помощью которого они удостоверяются в «возможности» некоторого понятия.

В свое время М. Шелер говорил о феноменологической установке — в дело вступает не метод, а именно «установка». По сути, речь идет о фактах нового типа, которые предшествуют логической фиксации, а также о процедуре созер-

¹ История трансдисциплинарности, ее теоретическое развитие и практическое применение на фоне ценностных представлений о реальности — смотри статью Н.Р. Сабаниной «Синтез знания как ценность науки» [Сабанина Н.Р., 2024].

цания, которая представлена в самом акте одно-моментного переживания и усмотрения².

Опыт предельного формируется знаками состоявшихся «встреч», «диалога», «событий», составляющих его суть — элементарное понимание (нерефлексивные основания рефлексии, первичный опыт, практическая деятельность «жизненных форм») с осмысляющими их рефлексивными действиями, придающую концептуальную определенность «опыту» (как формы бытия универсальных и особенных содержаний на уровне индивидуального) [Автономова Н.С., 1983, с. 25]. Опыт предельного может формироваться через освоение главным образом языковой способности действовать в экстремальной ситуации. Такая ситуация не позволяет реализовать прямое действие, но требует вместе с тем действия немедленного. Проговаривание (равно промысливание, прочувствование) подготавливает практическую деятельность в такой ситуации.

«Язык — единственная среда, в которой невидимое может явить себя в мире явлений, — гораздо хуже приспособлен для этой функции³, чем наши чувства — для своей задачи иметь дело с чувственным миром. И я высказала предположение, что метафора — единственный способ исправить этот недостаток. Однако этот способ таит в себе определенные опасности и никогда также не бывает полностью адекватен. Опасность скрывается в той исключительной наглядности, которую дает метафора за счет обращения к бесспорной очевидности чувственного опыта. Потому-то спекулятивный разум и использует метафоры, даже не может без них обойтись, но когда они вторгаются, как им свойственно, в область научных рассуждений, ими зачастую злоупотребляют, чтобы придать правдоподобие и очевидность теориям, которые на самом деле — всего лишь гипотезы» [Аренд Х., 2013, с. 114].

Выявляя такие случаи, мы фактически нарабатываем особого рода интуицию обращения с «естественными», но сложно организованными предметностями, которые расширяют понимание феноменологии современного знания. Диа-

лектика начала совершает трансцензус, удерживая в осознании метауровень (наддисциплинарный) в оппозиции с языком повседневного опыта — сутевая характеристика трансдисциплинарности, стимулируя процессы творчества, становления философского знания, развития науки и культуры [Буданов В.Г., 2009].

Диалектика начала в синергетике многообразия языков культуры

Как отмечал В.С. Библер, «культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих — культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур» [Библер В.С., 1991, с. 32]. Но тогда язык культуры есть специфицирующий ее языковый знак и общим для каждого из них является невозможность однозначного определения. «Существеннейшая, но на первый взгляд наименее заметная» черта языкового знака в том, что он «ускользает от воли как индивидуальной, так и социальной» [Соссюр Ф. де, 1977, с. 55]. Независимость конкретного языка мало заметна, поддерживается устойчивым равновесием в соотношении его изменчивости и непрерывности, обусловленное «структурной сопряженностью» [Матурана У.Р., Варела Ф.Х., 2019, с. 5, 13, 27], сложной системой его внутренних связей.

Независимость языка культуры, по Марксу, «самоговорящего бытия человеческого рода», представленного многообразием языков, становится явной при сбое и конфликте между ними. Здесь автономия языка оказывается под вопросом. Напряжение между устойчивостью и становлением может проявиться и внутри отдельного языка, так и может быть результатом внешнего воздействия со стороны другого языка культуры или того, что находится за пределами возможности описания этой культуры. И первое, и второе способно вызвать синергию совместного действия (различного конфликта и попыток взаимной адаптации) в языках культуры.

Диалектика начал, в свою очередь, амбивалентна: она есть и результат, и процесс, и в качестве результата она характеризуется непредсказуемостью. Мамардашвили отмечал, что фактически речь идет о конструировании особого оператора, обозначающего особую онтологическую реальность в концептуальном аппарате гуманитаристики. Это реальность превращен-

² О.Б. Панова, статья «Язык искусства — язык образования (на основе русской философии и русского искусства)» [Панова О.Б., 2024], в которой представлена одна из возможных форм реализации подобных возможностей.

³ Функции метафорического переноса.

ных объектов или «превращенных форм». Соответствующий оператор вводит эти объекты в число объектов любой теории, характеризующей реальность человеческой жизни. И как справедливо подчеркивается, свойства таких теоретических областей фундаментально неклассичны⁴. Диалектика начал выступает и как новое предельное основание, «ограничивающая причина» самоподдержания и воспроизводства всей системы предваряющих и перепроверяющих моделей («круговая причинность»). Круговая причинность в явлениях самоорганизации подразумевает взаимную обусловленность поведения элементов любых двух соседних уровней [Haken H., 2020].

Так, пребывание «между границами» замыкает «на себя» целостность культуры данной эпохи [Библер В.С., 1991], которая проявляется в выборе и способах решений в отношении сложнейшей сети увязанных друг с другом универсальных оппозиций культуры (истина-благо, всеобщее-частное, душа-тело, простое-сложное и др.). Отношения между ними в языках культуры формируются как результат прояснения ценностных предпочтений, интересов, выбора способа деятельности. Без их разрешения невозможно понять культуру этого времени. Да и сама она в таком случае лишается возможности понять «другую» культуру. Идея о важности влияния внеязыковой среды на понимание исходного текста была одним из первых сформулирована Михаилом Бахтиным: любое высказывание «обрамлено и отграничено сменой речевых субъектов, и оно непосредственно отражает внесловесную действительность (ситуацию)» [Бахтин М.М., 1986, с. 453]. Любое высказывание имеет определенный смысл, который интегрирует как собственно элементы языка, так и экстралингвистическую реальность. В итоге возникает уникальное, авторское произведение. И смысл этого произведения может быть понят лишь в определенной коммуникативной ситуации: как отмечал М. Бахтин, конкретное выска-

зывание есть звено в цепи речевого общения данной сферы⁵.

Наличие в данной культуре оппозиционных структур, с одной стороны, воспроизводит ее как целостность. Но с другой, оппозиции есть тот инвариант, который обуславливает перспективу понимания разноязычными людьми друга друга. Этот морфогенез культуры изоморфен давно отмеченной (Г. Хакен, Р. Том) полярности функционирования механизма головного мозга, а также явлению удержания оппозиций в структуре сознания (Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Стросс). Так формулируется и любая проблемная ситуация. Действительно, она фиксирует одновременно наличие противоречивых, альтернативных утверждений. Вспомним, например, парадоксально звучащие принципы неклассической физики. Диалектика начала в качестве проблемно-ориентированной исследовательской программы развивает потенциал проблематизации и воспроизводится в разнообразии языков культуры в незавершенности и неоднозначности предлагаемых решений.

Общим основанием всех культур, на котором они могут со-общаться, взаимодействовать, не теряя своих уникальных особенностей, является специфическое для каждой культуры «бесконечно возможностное бытие» [Библер В.С., 1991, с. 395–396], которое реализуется главным образом в синергетике языков культуры. Разрешение проблем с помощью синергетики языков культуры имеет различные степенные воплощения, одновременно присутствующие как возможности. Подразумеваются «ощупывающие» аппроксимации между договоренностями бесконфликтного согласования и контингентным (случайным) соглашением возможностей, когда налицо «отсутствие необходимости, субстанциональной устойчивости, бытие не через себя, а через иное» [Шелер М., 1994, с. 409].

Таким образом, культура воспроизводится в неполноте перевода, в невозможности перевода непереводаемого на иной язык культуры, язык иной культуры, «язык» некультурного. Под-

⁴ См.: в статье Бесковой И.А. «Язык, смысл, осознанность: аспекты обусловленности» [Бескова И.А., 2024] предлагается ракурс углубленного истолкования истоков возникновения образно-символических средств репрезентации опыта, который позволяет трансформировать оптику восприятия когнитивного потенциала человека в контексте более базовых ресурсов обновленного восприятия мира субъектом.

⁵ См.: более детальный анализ возможностей выбора начальных условий междисциплинарного исследования содержится в статьях Малкова С.М. «Концепция смерти автора и проблема посттворчества в цифровую эпоху» [Малков С.М., 2024] и Филипенко С.А. «Личностный язык в науке и искусстве» [Филипенко С.А., 2024].

черкнем, что в случае полного перевода нужда в данном языке просто отпала бы — он стал бы «избыточным», «дублирующим» для культуры в целом. Поэтому в основании любой культуры есть некая «невозможная возможность» [Мамардашвили М.К., 2011] — это невозможность ее полной реализации и «окончательного» порядка. А по сему рассматриваемая диалектика начала, по сути своей являясь проблемно ориентированной исследовательской программой, воспроизводящей и поддерживающей конструктивный потенциал самой проблематизации, устойчиво воспроизводится (в разнообразии языков культуры) в процессе становления культуры в определенной незавершенности и неоднозначности предлагаемых решений, следуя дизайнерской, проективной разработке⁶.

Но поскольку «все новые возможности имеют тенденцию воплощаться, чтобы создавать опять новые возможности» [Porrer K.R., 1990, p. 18], поддерживая неиссякаемым родник обновления культуры, то «перевод непереводаемого оказывается носителем информации высокой ценности» [Лотман Ю.М., 2000, с. 16] Язык культуры в этой ситуации, выходя за свои пределы в иную реальность, теряет свою устойчивость, колеблется между катастрофой своей актуальной недостаточности и утратой самого себя в избыточной потенциальности. Реальность возможного, иного сказания об основаниях и способах существования языков культуры образует реальность инициации напряжения между устоявшейся нормой, которая только и становится замечаемой при отходе от нее, и нарождающимся новым смыслом и устанавливающей его нормой. Движение в среде потенциально возможно тогда, когда имеется язык и нечто отличное от него — иной язык, или некая неязыковая реальность, как в самом языке (его нереализованная возможность выражения самого себя), так и вне его. Эта дуальность (как необходимый минимум) совместного содействия языков культуры создала стереотип культуры;

⁶ См.: Степанова Г.Б. в статье «Наука и искусство в дизайн-проектировании: история и современность» [Степанова Г.Б., 2024] основательно излагает и подчеркивает, что существенную роль в реализации методологии междисциплинарности в случае дизайнерского проектирования играет интенция на творчество, преобразования, поиск нового в зависимости от времени и авторского способа видения и возможностей его выражения.

например, текст литературы нуждается в иллюстрации, а картина — в подписи. То, что воспринимается всегда в двух языках [Лотман М.Ю., 2000].

Способность «к передаче непереводаемой информации» [Рикер П., 1999], способность сочетать в одно и то же время как минимум два языка (двух разных мыслей, взглядов, намерения, желаний), предоставление возможности «стереоскопического видения» (У. Биделл Стэнфорд), как было давно отмечено, принадлежит метафоре. Способность метафоры к такого рода семантическому движению (*phora*) делает ее ответственной за категориальный сдвиг, за сокращение расстояния противостояния между ее образующими оппозициями, помечает движения в результате совместного действия (синергетики), фиксирует смену норм.

Метафора — ключевой момент в понимании диалектики начал и проведения опыта предельного не только потому, что применение термина «синергетика» к взаимодействию языков культуры можно рассматривать одним из актуальных и ярких случаев проявления метафорической функции языка. Метафорическая функция языка, являясь одним из основополагающих конститутивных условий его существования, ответственна за изменчивость употребления старых понятий и образование новых. Рассмотрение метафоры как конкретного механизма сближения разнокачественных и разнонаправленных движений как внутри отдельного языка культура, так и между ними, дает возможность по-новому посмотреть в свете синергетики языков культуры на традицию рассмотрения соотношения языков естественнонаучного и гуманитарного знания, которая неявным образом «механику» проведения схему действия опыта предельного, порождающего творческую ситуацию обновленного смыслопорождения⁷.

Отметим в заключении, что идея о влиянии внеязыковой среды на понимание исходного текста была, в том числе, сформулирована еще нашим соотечественником М. Бахтиным: любое высказывание «обрамлено и ограничено смежной речевых субъектов, и оно непосредственно

⁷ См.: Смирнова Н.М. в статье «Образные схемы как когнитивная основа языковой артикуляции» [Смирнова Н.М., 2024] рассматривает конструктивный потенциал метафорических переносов в герменевтике толкования существующих образных схем в когнитивистике.

отражает внесловесную действительность (ситуацию)» [Бахтин М.М., 1986, с. 453]. Смысл высказывания объединяет как формальные элементы языка, так и экстралингвистическую реальность, роднит языки культуры и языки науки и тем самым указывает на многообразие форм начальной диалектики [Киященко Л.П., 2023].

Так появляется уникальное произведение, смысл которого можно понять лишь в конкретной коммуникативной ситуации, ибо всякое высказывание есть звено в цепи речевого общения и обращения в выбранной сфере взаимодействия, которая порождает эффекты творческих озарений⁸.

Список литературы

- Автономова Н.С.* Рефлексия в науке и философии // Проблема рефлексии в научном познании: межвуз. сб. / под ред. В.Н. Борисова и др. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1983. С. 19–25.
- Адорно Т.В.* Негативная диалектика / пер. с нем. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
- Апель К.-О.* Трансформация философии / пер. с нем. В.А. Куренного, Б.М. Скуратова. М.: Логос, 2001. 344 с.
- Арендт Х.* Жизнь ума / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
- Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи / сост. С.Г. Бочаров, В.В. Кожин. М.: Худ. лит., 1986. 545 с.
- Бескова И.А.* Язык, смысл, осознанность: аспекты обусловленности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 160–169. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-160-169>
- Библер В.С.* От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 415 с.
- Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. 3-е изд., доп. М.: ЛКИ, 2009, 240 с.
- Голубинская А.В.* Сомнение как механизм смены эпистемических состояний (на материалах философии прагматизма и нейропсихологии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 367–371. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-367-371>
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881. 814 с.
- Динабург С.Р.* Трансдисциплинарное изучение человека: опоры и коллизии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 326–332. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-326-332>
- Киященко Л.П.* Critical thinking studies (CTS) как проблема трансдисциплинарности (TR) // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного макросдвига / отв. ред. В.Г. Буданов, Л.П. Киященко. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2023. С. 472–517. DOI: <https://doi.org/10.29039/lpk-472-517>
- Киященко Н.И., Киященко Л.П.* Культура: диспозиция и композиция поэзиса (интервальный опыт истолкования) // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 4. С. 288–293.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000, 704 с.
- Малков С.М.* Концепция смерти автора и проблема посттворчества в цифровую эпоху // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 205–213. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-205-213>
- Мамардашвили М.К.* Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. С. 243–262.
- Матурана У.Р., Варела Ф.Х.* Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: ЛЕНАНД, 2019. 316 с.
- Михайлов И.Ф.* Как насвистеть то, что нельзя высказать // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 180–191. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-180-191>
- Панова О.Б.* Язык искусства — язык образования (на основе русской философии и русского искусства) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 223–229. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-223-229>
- Рикер П.* Парадигма перевода / пер. с фр. М. Эдельмана. 1999. URL: <http://belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> (дата обращения: 10.05.2024).

⁸ Свою версию толкования проблемы взаимоотношения грамматики языка и внеязыковой реальности предлагает Михайлов И.Ф. в своей статье «Как насвистеть то, что нельзя высказать» [Михайлов И.Ф., 2024] в этом разделе журнала. В качестве возможного решения предлагается концепция «показывания», которую как альтернативу «высказыванию» предложил в свое время Л. Витгенштейн.

Сабанина Н.П. Синтез знания как ценность науки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 192–204. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-192-204>

Смирнова Н.М. Образные схемы как когнитивная основа языковой артикуляции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 152–159. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-152-159>

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Степанова Г.Б. Наука и искусство в дизайн-проектировании: история и современность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 170–179. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-170-179>

Филипенко С.А. Метафоричность личностного языка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 214–222. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>

Шелер М. Феноменология и теория познания // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина и др. М.: Гнозис, 1994. С. 195–258.

Haken H. Synergetics: basic concepts // Synergetics / ed. by A. Hutt, H. Haken. N.Y.: Springer, 2020. P. 5–30. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-0716-0421-2_533

Handbook of Transdisciplinarity: Global Perspectives / ed. by R.J. Lawrence. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2023. 696 p. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781802207835>

Popper K.R. A World of Propensities. Bristol, UK: Thoemmes, 1990. 51 p.

References

Adorno, T.V. (2003). *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Moscow: Nauchnyy Mir Publ., 374 p.

Apel', K.-O. (2001). *Transformatsiya filosofii* [Transformation of philosophy]. Moscow: Logos Publ., 344 p.

Arendt, H. (2013). *Zhizn' uma* [The life of the mind]. St. Petersburg: Nauka Publ., 517 p.

Avtonomova, N.S. (1983). [Reflection in science and philosophy]. *Problema refleksii v nauchnom poznanii: mezhhuzovskiy sbornik* [The problem of reflection in scientific cognition: interuniversity collection of articles]. Kuibyshev: KSU Publ., pp. 19–25.

Bakhtin, M.M. (1986). *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 545 p.

Beskova, I.A. (2024). [Language, meaning, awareness: aspects of interdependence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 160–169. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-160-169>

Bibler, V.S. (1991). *Ot naukoucheniya — k logike kul'tury. Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From the science of science to the logic of culture. Two philosophical introductions in the twenty-first century]. Moscow: Politizdat Publ., 415 p.

Budanov, V.G. (2009). *Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoy nauke i v obrazovanii* [Methodology of synergetics in postnonclassical science and education]. 3rd ed. Moscow: LKI Publ., 240 p.

Dal, V. (1881). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 2: I–O* [Explanatory dictionary of the living great Russian language. Vol. 2]. St. Petersburg, Moscow: Wolf Printing house, 814 p.

Dinaburg, S.R. (2021). [Transdisciplinary human study: pillars and collisions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 326–332. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-326-332>

Filipenko, S.A. (2024). [Metaphoricity of personal language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 214–222. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>

Golubinskaya, A.V. (2021). [Doubt as a mechanism of the change of epistemic states (on the materials of the philosophy of pragmatism and neuropsychology)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 21, iss. 4, pp. 367–371. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-367-371>

Haken, H. (2020). Synergetics: basic concepts. Hutt A., Haken H. (eds.) *Synergetics*. New York: Springer Publ., pp. 5–30. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-0716-0421-2_533

Kiyaschenko, L.P. (2023). *Critical thinking studies (CTS) kak problema transdistsiplinarnosti (TR)* [Critical thinking studies (CTS) as a problem of transdisciplinarity (TR)]. *Nauka i fenomen cheloveka v epokhu tsivilizatsionnogo Makrosdviga, otv. red.*

V.G. Budanov, L.P. Kiyaschenko [V.G. Budanov, L.P. Kiyashchenko (eds.) Science and the phenomenon of human in the era of civilizational Macroshift]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., pp. 472–517. DOI: <https://doi.org/10.29039/lpk-472-517>

Kiyaschenko, N.I. and Kiyaschenko, L.P. (2013). [Culture: Disposition and composition of poezis (interval experience of interpretation)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. Vol. 1, no. 4, pp. 288–293.

Lawrence, R.J. (ed.) (2023). *Handbook of transdisciplinarity: Global perspectives*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 696 p. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781802207835>

Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 704 p.

Malkov, S.M. (2024). [The concept of the author's death and the problem of post-creativity in the digital age]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 205–213. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-205-213>

Mamardashvili, M.K. (2011). [Converted forms (On the need of irrational expressions)]. *Mamardashvili M.K. Formy i sodержaniye myshleniya* [Mamardashvili M.K. Forms and Content of Thinking]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ., pp. 243–262.

Maturana, H.R. and Varela, F.J. (2019). *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The tree of knowledge: the biological roots of human understanding]. Moscow: LENAND Publ., 316 p.

Mikhailov, I.F. (2024). [How to whistle what cannot be said]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 180–191. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-180-191>

Panova, O.B. (2024). [The language of art is the language of education (based on Russian philosophy and Russian art)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 223–229. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-223-229>

Popper, K.R. (1990). *A World of Propensities*. Bristol, UK: Thoemmes Publ., 51 p.

Riker, P. (1999). *Paradigma perevoda* [The paradigm of translation]. Available at: <http://belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> (accessed 10.05.2024).

Sabanina, N.R. (2024). [Synthesis of knowledge as the value of science]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 192–204. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-192-204>

Saussure, F. de (1977). *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow: Progress Publ., 695 p.

Scheler, M. (1994). [Phenomenology and theory of knowledge]. *Sheler M. Izbrannye proizvedeniya* [Scheler M. Selected works]. Moscow: Gnozis Publ., pp. 195–258.

Smirnova, N.M. (2024). [Image schemas as cognitive basis of language articulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 152–159. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-152-159>

Stepanova, G.B. (2024). [Science and art in design development: history and modern times]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 170–179. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-170-179>

Об авторе

Киященко Лариса Павловна

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: larisakiyashchenko@gmail.com
ResearcherID: J-4925-2018

About the author

Larisa P. Kiyashchenko

Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: larisakiyashchenko@gmail.com
ResearcherID: J-4925-2018

УДК 165:81'23
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-152-159>
EDN: AMLJRV

Поступила: 01.05.2024
Принята: 24.05.2024
Опубликована: 04.07.2024

ОБРАЗНЫЕ СХЕМЫ КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ АРТИКУЛЯЦИИ

Смирнова Наталья Михайловна

Институт философии РАН (Москва)

Встроенность ценностно-смысловых характеристик субъекта в корпус научного знания в парадигме постнеклассической рациональности объективно способствует размыванию жестких границ между философией сознания и когнитивными науками. Подобная размытость границ проявляется в процессах конвергенции, обусловившей сходство (или сродство) средств образной и символической манифестации их когнитивных продуктов. В данной статье речь пойдет о когнитивных функциях *воображения*, точнее, о влиянии его схематизированных продуктов на формирование концептуальных метафор в процессах ментального развития. В свою очередь, изучение онтогенетических оснований мышления способствует прояснению дискуссионных моментов современной теории образных схем. Методологической основой их изучения является установка *конструктивного реализма* (В.А. Лекторский), концептуально развернутая в современной телесно-ориентированной эпистемологии. Продемонстрировано, каким образом телесно-ориентированная эпистемология ассимилирует и философски обогащает концептуальные наработки когнитивной лингвистики и девелопментальной психологии, опровергая ранее сложившееся в лоне когнитивных наук представление о том, что философия вполне заменима их наиболее общими абстрактными разделами. Областью применения результатов исследования служат общие разделы теории познания, посвященные когнитивным функциям воображения, а также семиотические исследования, направленные на изучение интенциональных актов порождения смысла в трансформационных когнитивных процессах от перцепта к концепту. Результатом исследования является демонстрация того, каким образом современная телесно-ориентированная эпистемология взаимодействует с когнитивными науками (когнитивной лингвистикой, психологией развития) в постижении тайн смыслообразования, в частности, построения языковых метафор из изначального опыта доречевого схватывания природного и социокультурного миров. Сформулирован вывод, что образная схематизация предшествует концептуальной метафоризации и развивается, испытывая ее определяющее воздействие.

Ключевые слова: телесно-ориентированная эпистемология, когнитивная лингвистика, психология развития, воображение, образные схемы, перцептивный смысл, концепт, метафора.

Для цитирования:

Смирнова Н.М. Образные схемы как когнитивная основа языковой артикуляции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 16–23. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-152-159>. EDN: AMLJRV

IMAGE SCHEMAS AS A COGNITIVE BASIS OF LANGUAGE ARTICULATION

Natalia M. Smirnova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

A subject's meanings and values embedded in the present corpus of scientific knowledge within the paradigm of post-nonclassical rationality contribute to the diffusion of strict boundaries between philosophy of mind and cognitive sciences. Such diffusion manifests itself in convergent processes, which determine similarity of imaginative and symbolical manifestations of their cognitive products. This paper deals with cognitive functions of *imagination*, more precisely, with the influence of its schematic products on the formation of conceptual metaphors during the processes of mental development. The study of ontogenetic foundations of conceptual thinking, in its turn, clarifies some debatable aspects of the modern theory of image schemas. Methodologically, the paper is based on the conception of *constructive realism* (V. Lectorsky), developed in contemporary embodied epistemology. The study demonstrates how embodied epistemology assimilates and philosophically enriches some conceptual findings of cognitive linguistics and developmental psychology, in contrast to the assumption, previously developed in cognitive sciences, that philosophy might be successfully replaced by general, most abstract divisions of cognitive sciences themselves. The findings of the study can be applied in general divisions of theory of knowledge dealing with cognitive functions of imagination as well as in semiotic research focusing on meaning formation in the processes of cognitive transition from percept to concept. The result of the study may be formulated as demonstration of how contemporary embodied epistemology interacts with cognitive sciences (cognitive linguistics and developmental psychology) in comprehending the mystery of the meaning constitution process, particularly language metaphor formation from initial pre-language conceptualization of natural and social worlds. The paper concludes that image schematization precedes conceptual metaphor formation.

Keywords: embodied epistemology, cognitive linguistics, developmental psychology, imagination, image schemas, perceptual meaning, concept, metaphor.

To cite:

Smirnova N.M. [Image schemas as a cognitive basis of language articulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 152–159 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-152-159>, EDN: AMLJRV

Введение

Когнитивные функции воображения являются предметом изучения не только философской теории познания. Их активно исследуют в рамках «нового эмпиризма» когнитивных наук, плодотворно взаимодействующих с философией в постижении тайн сознания и творчества. Но, в отличие от прозрений Канта о схематизирующей роли продуктивного воображения, в парадигме современной телесно-ориентированной эпистемологии воображение предстает не

архетипом способности чистого разума к формообразованию, но структурным аспектом многомерного процесса функционирования нашего опыта. Телесные детерминанты разума неразрывно связаны в перцептивных и моторных паттернах нашего взаимодействия со средой и обеспечивают когнитивный базис нашего понимания и мышления. В настоящей статье я обращусь к данным когнитивной лингвистики и психологии развития, содружество которых проливает свет на то, каким образом формирование образной составляющей нашего мышле-

ния воздействует на последующие процессы метафоризации и символической презентации в языке и мышлении.

1. Образные схемы в структуре телесно-ориентированной эпистемологии

Конвергентное взаимодействие телесно-ориентированной эпистемологии и когнитивной лингвистики позволяет пролить свет на важнейший вопрос современной теории познания: как наш телесновоплощенный разум, эволюционно сформированный как инструмент адаптации организма к его экологической нише, обрел способность порождать высокоуровневые абстракции и системы символической манифестации, далеко отстоящие от потребностей природной адаптации?

Напомню, что когнитивной презумпцией телесно-ориентированной эпистемологии является представление о том, что человеческие смыслы, процессы мышления и символической манифестации в культуре имеют глубокие неотрефлексированные корни в устойчивых образцах (когнитивных паттернах) чувственного восприятия и телесного движения. Каков же в свете подобных представлений когнитивный механизм порождения идеализированных объектов науки и идеальных предметностей культуры из изначальных данных перцептивного и моторного опыта?

Поиск достоверных данных для ответа на поставленный вопрос выводит за рамки (телесно-ориентированной) эпистемологии в область когнитивных наук, в частности, к когнитивной лингвистике, обращенной к изучению естественного языка — материнского лона процессов смыслообразования. Ее предметные пересечения с философской эпистемологией состоят в экспликации роли воображения и его схематизированных продуктов в процессах лингвистической референции, функциях фундаментального для когнитивной лингвистики понятия *образных схем* в осмыслении процессов создания концептуальных метафор.

В когнитивной лингвистике зародилась теория, согласно которой необходимым посредствующим звеном в процессе перехода от перцепта к концепту является *образная схема* [Lakoff G., Johnson M., 1980; Talmy L., 2005, 2018; Gibbs R.W., 2005; Hampe B., 2005; Grady J.E., 2005; Szwedek A., 2019], стягиваю-

щая разнородные данные различных органов чувств в единый когнитивный контур — *эмпирический гештальт*. В свете телесно-ориентированной эпистемологии подобный когнитивный контур мыслится ре-энаktivацией следов сенсомоторного опыта с его последующим преобразованием в устойчивые обобщенные паттерны воображения. Образные схемы более абстрактны, чем обычные визуальные образы, и состоят из динамических пространственных паттернов, лежащих в основе пространственных отношений в реальных конкретных образах [Gibbs R.W., 2005]. Их можно трактовать и как переописание перцептивных событий, генерализирующих перцептивные сходства наличных концептуальных структур. Подобные схематизированные продукты воображения наделены статусом изначального когнитивного синтеза: локусом человеческого смысла, мышления и рационального суждения [Grady J.E., 2005].

Основатели когнитивной лингвистики Дж. Лакофф и специалист в области когнитивной семантики М. Джонсон развили понятие образных схем в теорию концептуальных метафор. Написанная в соавторстве книга «Метафоры, в которых мы живем» [Lakoff G., Johnson M., 1980] оказала огромное влияние не только на лингвистическое сообщество, но и на философские представления о познании в целом. Ее авторы забили последний гвоздь в крышку гроба классической (объективистской) теории значения, согласно которой пропозиции, если они верны, выражают свойства объективного мира, независимые от сознания. Дж. Лакофф и М. Джонсон констатировали *непропозициональную природу концептов, провозгласив их аналоговыми продуктами сенсомоторного и социокультурного опыта, воплощенного в образных схемах*. Проще говоря, высказывание ничего не значит, пока оно никем не понято, т.е. не выражает типичных образцов опыта природного и социокультурного взаимодействия. Таким образом, теория образных схем бросает вызов объективистской парадигме, в рамках которой понятия трактуются как символы, конституирующие пропозиции, указывающие на реальность, независимую от сознания. И если в естественных науках принципы неклассической научной рациональности

изначально воплотились в квантовой механике, впервые теоретически артикулировавшей субъектное измерение теоретического знания, то образом неклассической рациональности в когнитивной лингвистике можно считать антропологически центрированную теорию концептуальных метафор. Отцы-основатели когнитивной лингвистики артикулировали социальные и культурно-антропологические измерения в понимании лингвистического значения, положив неосознаваемые образные схемы в основу языковых метафор как своего рода телесную «подложку» из структур нашего опыта, образующих нечто вроде «когнитивного бессознательного» естественного языка.

Основатели теории концептуальных метафор исходят из презумпции телесно-ориентированной эпистемологии, что укорененность разума в телесных и социокультурных практиках конститутивна для понимания его природы и модусов функционирования. Способы человеческого понимания и содержание концептуальных метафор непосредственно зависят от опыта восприятий, движений и взаимодействий с физическими объектами и артефактами культуры. Образные схемы изначально осмыслены, т.е. наделены *перцептивным смыслом*¹. Искра смысла вспыхивает еще до этапа языковой артикуляции, на стадии образного схватывания и последующего синтеза разнородных сенсомоторных данных в опытный гештальт.

Наши понятия и способы понимания основаны на телесной и социокультурной воплощенности и обусловлены типологически заданными паттернами воображения. Проще говоря, образные схемы мыслятся как когнитивный ин-

струмент «возгонки» разрозненного материала чувственного опыта к первичным перцептивным обобщениям — эмпирическим гештальтам. Образные схемы образуют когнитивное основание языковой артикуляции как укорененные в эн активации паттернов сенсомоторного опыта, контуры которого улавливаются образными схемами. Подобное понимание наделяет образные схемы статусом конститутивного фактора обретения смысла телесного опыта².

Образные схемы, хотя и уводят в «когнитивное бессознательное», всегда активированы и соответствуют абстрактному мышлению³. Наслаиваясь, а также сложным образом взаимодействуя друг с другом, образные схемы способны порождать последующие причудливые смысловые конфигурации, характер которых обусловлен языком и культурной традицией.

Однако образно-схематическая структура сама по себе не в состоянии схватить всех качеств, составляющих плоть и кровь нашего опыта. Анализ эвристического потенциала понятия образных схем свидетельствует, что ему присущи определенные когнитивные границы. Они очерчены отчасти свойственным «новому эмпиризму» *натуралистическим детерминизмом*, оставляющем в слепом пятне историко-культурные опосредования природных детерминант⁴. Натуралистический детерминизм

¹ Это утверждение теории образных схем представляется мне пока что теоретически наименее проработанным. Ее авторы не артикулируют характеристики самого процесса наделения перцептивным смыслом, т.е. интенционального акта перцептивного смыслообразования, полагая, что смысл образной схемы, например контейнера, изначально задан его структурой, т.е. разделением на внутреннее и внешнее, и уже само это разделение является неотъемлемой частью его предметного смысла. Здесь, на мой взгляд, наиболее уязвимая черта не только теории образных схем, но и «нового эмпиризма» как такового, имплицитно предполагающего, что предметный смысл задан самой структурой объекта. Поэтому ряд авторов противопоставляют теории образных схем теоретико-деятельностный подход [Müller U; Overton W.F., 1998].

² К числу основных образных схем относят: вертикаль (верх–низ), центр–периферия (по всей видимости, навеянную рассуждениями М. Полани о функциях фокусного и периферического познания), контейнер, исходный пункт–путь–назначение, а также непосредственно не связанные с чувственным опытом схемы причинности, процесса, скалярную схему и схему модальности.

³ Однако широкое применение идеи образных схем в различных областях современного знания не могло не повлечь за собой и определенных проблем в толковании содержания понятия образных схем в различных когнитивных науках. Они естественным образом возникают в результате встраивания понятия образных схем в сложившийся концептуальный аппарат той или иной области знания. Определенные сложности в использовании понятия образных схем в междисциплинарных взаимодействиях вносит и различное толкование базового понятия «embodiment» в различных когнитивных науках (напр., в лингвистике и нейронауках), а также неодинаковые представления об уровнях обобщения и схематизации эмпирического материала.

⁴ Ссылки на значимость социокультурных детерминант, конечно же, присутствуют, но носят характер оговорок и концептуально не развернуты.

склонен игнорировать то, что на одном и том же природном основании может произрастать (расцветать, развиваться) бесчисленное множество миров культуры, многообразие которых обусловлено языком, традициями и историческим опытом. В реальности оба набора детерминирующих факторов (разделимых лишь в абстракции) сложным образом взаимодействуют друг с другом, и экспликация превалирующего из них каждый раз требует конкретного анализа отдельных случаев.

2. Онтогенетические основания теории образных схем

Теория образных схем — существенный шаг в продвижении к пониманию важнейших аспектов работы разума. Однако к числу ее недостатков следует отнести тот факт, что до недавнего времени она развивалась без надлежащего рассмотрения того, каковы онтогенетические истоки концептуального разума, как он развивается и изменяется в языке. Дабы уяснить происхождение образных схем как оснований языковой артикуляции, необходимо обратиться к данным девелопментальной психологии, раскрывающей основные принципы доречевого понимания мира в раннем детстве. Изучение доречевых оснований концептуального мышления имеет исключительное значение, поскольку последующие продукты ментального развития, возникающие на их когнитивной основе, будут неизбежно испытывать их влияние. Поэтому современные исследования когнитивных функций воображения сфокусированы на попытках соотнести теорию образных схем с изучением раннего концептуального развития.

Сегодня налицо значительный корпус исследований по истории формирования доречевых представлений [Gibbs R.W., 2005; Mandler J.M., 1992, 2000, 2010; Mandler J.M., Cánovas C.P., 2014], которые в состоянии пролить свет и на дискуссионные вопросы теории образных схем, а также на их роль в познавательной деятельности человека. Они свидетельствуют о том, что представления Ж. Пиаже об исключительно сенсомоторном интеллекте детей в возрасте 6–7 месяцев не соответствуют современному уровню психологии развития. Именно в этом возрасте, как свидетельствуют данные эмпирических исследований [Mandler J.M., 1992, 2000], закладывается фундамент

концептуальной системы: постигаются общие сведения о живых существах, средствах манипуляции, окружающей среде, тогда как детализированные представления о них складываются значительно позднее и впоследствии обогащаются языком и культурой [Mandler J.M., Cánovas C.P., 2014]. И понимание того, что приходит раньше или позже, имеет огромную важность для анализа последующего конструирования смысла. Ведь если мы хотим понять телесную воплощенность в языке и мышлении, мы должны видеть их как неотъемлемую составляющую истории их развития.

Изучение истории развития ментальных навыков в раннем детстве дает основания предполагать, что большинство образных схем формируется у ребенка путем внимания к движению в пространстве совместно с некоторыми пространственными отношениями [Mandler J.M., 2010, p. 21]. Проще говоря, накопленный эмпирический материал позволяет сделать вывод, что вся схватываемая информация о мире в доречевом возрасте является *пространственной по природе*⁵. Дети этого возраста более всего интересуются тем, как нечто движется и как участвует в событиях [Mandler J.M., 2010, p. 22]. Первые образные схемы формируются из присущих ребенку пространственных и двигательных примитивов, обеспечивая способ понимания и припоминания событий без отягощения его обременяющими деталями. Впоследствии они могут быть комбинируемы с внутренними чувствами, ощущением силы и другими элементами, создавая более сложные концептуальные структуры — схематические интеграции.

Основанная на пространственных примитивах (исходных концептуальных схватываниях) способность создавать образные схемы позволяет развивать ментальные симуляции пространственных событий. Затем развивается способность соединять одни разнородные виды опыта с другими и интегрировать их в новые

⁵ Отдельные авторы, однако, полагают, что в основе образных схем лежит по меньшей мере одна независимая сущность, репрезентирующая физический объект, данный в опыте посредством касания и обладающий ограниченной пространственной формой и размером [Szwedek A., 2019, p. 7]. Однако эта точка зрения представляется менее обоснованной.

целостные продукты первых схематических интеграций, постепенно инкорпорирующих все большее число непространственных элементов [Mandler J.M., Cánovas C.P., 2014].

Схематическая интеграция позволяет концептуализировать непространственный опыт, например, осмысленные аспекты организованных непространственных действий, а также опыт восприятия времени. Следовательно, образные схемы являются мощными инструментами уменьшения огромного многообразия восприятий и чувств до обобщенных типов событий, которые человеческий разум в любом возрасте может легко себе представить.

Анализ истории формирования когнитивных навыков побуждает к изучению того, как следы пространственного перемещения, привлекающие наибольшее внимание в раннем детстве, впоследствии представлены в языке. Существует множество языковых метафор, где объект, помещаемый в контейнер, превышает его по размерам («эта страна в моем сердце», «весь мир как на ладони» и т.п.). По мнению исследователей, это указывает на то, что образная схема контейнера, сохранившаяся во взрослом возрасте, аккумулирует следы детских образных схем, и что наши наиболее ранние концептуализации опыта контейнера более релевантны процессам метафоризации, чем последующие абстрактные генерализации, представленные в языке взрослого человека [Mandler J.M., Cánovas C.P., 2014].

Изучение истории ментального развития имеет выраженные эпистемологические импликации. Они свидетельствуют о том, что *самые ранние концепты носят более обобщенный характер*: животное, средство передвижения, мебель, контейнер, а вовсе не собака, машина, кресло, посуда. И каждый раз новое животное или предмет понимается в свете концептов более высокого уровня. Именно так, по данным психологии развития, формируется иерархическая система концептов [Mandler J.M., 2010, p. 23]. Иными словами, изучение истории формирования когнитивных навыков бросает вызов классической теории абстракций, согласно которой общие понятия формируются путем отбора релевантных признаков у класса сходных объектов и вызывает к более антропологически ориентированным представлениям о формировании абстрактных понятий в языке и мышлении.

3. Концептуализация времени и внутренних чувств

По имеющимся эмпирическим наработкам до-речевое схватывание информации берет свое начало с рождения (а, возможно, и в пренатальный период). Основания, ее структурирующие, формируются на ранних этапах жизни. И хотя впоследствии различные языки по-своему видоизменяют изначальную концептуальную систему, их вариации не столь значительны, как может показаться. Например, в корейском языке слова, обозначающие контейнер, всегда артикулируют его размеры (большой-маленький), тогда как в русском языке подобное указание на пространственные характеристики вместилища не является обязательным. Но само слово, означающее контейнер, есть в обоих языках. В одних языках глаголы более приспособлены к выражению пути, в других же — к способу передвижения. В большинстве индоевропейских языков движение по умолчанию репрезентируется как перемещение по горизонтальной траектории, в диалектах же китайского — по вертикальной. В первом случае движение чаще всего воображают/изображают как перемещение слева направо, тем не менее, сама образная схема движения как в случае горизонтального, так и вертикального перемещения неизменно присутствует.

Концептуализация времени осуществляется на основе сложившихся пространственных примитивов. Это означает, что изначальное схватывание времени требует использования пространственных метафор. Мы привычно прибегаем к ним в обыденной речи, говоря: длительное время, короткое время, тянуть время, близится час, обернуть время вспять и т.п., не задумываясь об их пространственной аналогии в повседневном мышлении. Однако философски значимо то, что базис понимания времени в пространственных терминах не является исключительно языковым: пространственная информация предшествует языковой артикуляции. Феноменальный опыт длительности онтогенетически первичен по отношению к концептуализации времени — невозможно игнорировать пространственную аналогию, когда говорят о длительности. Иными словами, концепт времени имеет пространственные корни и является спаренным с не анализируемым сенсор-

ным опытом длительности. И хотя у детей опыт длительности не отчетлив, есть данные, что они имеют представление о ней.

До сих пор мы рассматривали образные схемы как эмерджентные свойства нашего телесновоплощенного взаимодействия с миром без учета роли внутренних чувств. Между тем, более широкий междисциплинарный взгляд на образные схемы вызывает к рассмотрению их как аттракторов в сложной самоорганизующейся системе человеческих взаимоотношений не только с миром, но и с самим собой.

Ответить на вопрос о концептуализации внутренних чувств гораздо сложнее, поскольку эмоции представляют собой совсем другой чувственный опыт, трудно сопоставимый с опытом пространственного отношения. Связь между пространством и эмоциями не поддается воображению, в отличие от той, что рассмотрена выше для времени. Предположительно, именно по этой причине метафоры играют столь важную роль в выражении человеческих чувств, а роль внутренних чувств в мышлении так слабо изучена.

Определенные чувственные состояния ассоциируются с тем или иным событием, но одного лишь этого недостаточно для их концептуализации. Эмоции не имеют структуры — лишь различия в интенсивности, и их невозможно уподобить различиям в пространстве. Внутренние чувства не только не имеют привязки к пространственным примитивам, таким как путь и контакт, но их нелегко и отличить друг от друга иначе, как по шкале интенсивности. Трудно выявить общность между событиями, которые заставляют одинаково бояться или негодовать. Но требуются годы, чтобы найти подходящие слова для эмоциональных реакций, испытываемых в различных ситуациях.

Набор образных схем для выражения эмоционального опыта крайне ограничен: контейнер, движение из/в, появление и исчезновение — вот, пожалуй, и все. Поэтому для выражения эмоциональных состояний чаще всего прибегают к использованию языковых метафор, которым все же присущи те или иные пространственно-моторные коннотации (например, «вышел из себя», «изошел гневом», «расплылся в улыбке»). И, судя по всему, так происходит потому, что именно в таком виде эмоции явля-

ются нам в образах раннего детства. Со временем дети учатся различать эмоции и оценивают их символические манифестации и метафорические выражения. И в их основе отнюдь не абстрактные концепты, которым нужны метафоры для привязки к чувственному опыту, но концептуальные метафоры, сформированные в раннем детстве. К 18 месяцам дети по выражению лица осознают, что кому-то не нравится то, что он ест, а к 3 годам они оказываются в состоянии отличать и выражать ощущения счастья, печали и гнева. И лишь к 4–5 годам они научаются различать большинство эмоций взрослого человека. Иными словами, концептуализация аффективного опыта очень сложна, и для своего выражения нуждается в многоцветье различных метафор. Не удивительно, что детям требуются годы, чтобы обучиться способам выражения эмоций в языке.

Заключение

Приведенный выше анализ раннего концептуального развития предполагает, что образные схемы могут быть изначальным источником телесных метафор в языке. Дети должны интерпретировать метафоры, которые описывают время и эмоции, и их понимание в раннем детстве почти всегда включает пространственную симуляцию событий.

Большинство «детских» концептуальных метафор структурированы пространственно-моторными образными схемами в большей мере, чем непространственным материалом опыта, такими как, например, сила или интенсивность, которые для понимания сами по себе нуждаются в схематической интеграции с пространственно-описываемыми событиями. В какой мере аналоговые расширения пространственной информации остаются значимыми, и какие последствия это имеет для формирования культурно-языкового опыта взрослого человека, остается предметом последующих исследований.

References

- Gibbs, R.W. (2005). The psychological status of image schemas. *Hampe B., Grady J.E. (eds.) From perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Berlin, DE: Mouton de Gruyter Publ., pp. 113–136. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110197532.2.113>

Grady, J.E. (2005). Image schema and perception: Refining a definition. *Hampe B., Grady J.E. (eds.) From perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Berlin, DE: Mouton de Gruyter Publ., pp. 35–57. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.35>

Hampe, B. (2005). Image schemas in cognitive linguistics: Introduction. *Hampe B., Grady J.E. (eds.) From perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Berlin, DE: Mouton de Gruyter Publ., pp. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110197532.0.1>

Lakoff, G. and Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001>

Mandler, J.M. (1992). The foundations of conceptual thought in infancy. *Cognitive Development*. Vol. 7, iss. 3, pp. 273–285. DOI: [https://doi.org/10.1016/0885-2014\(92\)90016-k](https://doi.org/10.1016/0885-2014(92)90016-k)

Mandler, J.M. (2000). Perceptual and conceptual processes in infancy. *Journal of Cognition and Development*. Vol. 1, iss. 1, pp. 3–36. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327647jcd0101n_2

Mandler, J.M. (2010). The spatial foundations of the conceptual system. *Language and Cognition*. Vol. 2, iss. 1, pp. 21–44. DOI: <https://doi.org/10.1515/langcog.2010.002>

Mandler, J.M. and Cánovas, C.P. (2014). On defining image schemas. *Language and Cognition*. Vol. 6, iss. 4, pp. 510–532. DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2014.14>

Müller, U. and Overton, W.F. (1998). How to grow a baby: A reevaluation of image-schema and Piagetian action approaches to representation. *Human Development*. Vol. 41, iss. 2, pp. 71–111. DOI: <https://doi.org/10.1159/000022570>

Szwedek, A. (2019). The image schema: A definition. *Styles of Communication*. Vol. 11, no. 1, pp. 7–28.

Talmy, L. (2005). The fundamental system of spatial schemas in language. *Hampe B., Grady J.E. (eds.) From perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Berlin, DE: Mouton de Gruyter Publ., pp. 199–234. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110197532.3.199>

Talmy, L. (2018). *Ten lectures on cognitive semantics*. Leiden, NL; Boston, MA: Brill Publ., 474 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004349575>

Об авторе

Смирнова Наталья Михайловна

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник, руководитель сектора
философских проблем творчества

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: nsmirnova17@gmail.com
ResearcherID: L-6686-20218

About the author

Natalia M. Smirnova

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher, Head of the Department
of Philosophical Problems of Creativity

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: nsmirnova17@gmail.com
ResearcherID: L-6686-20218

УДК 130.2:159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-160-169>

EDN: BDUOGQ

Поступила: 01.05.2024

Принята: 24.05.2024

Опубликована: 04.07.2024

ЯЗЫК, СМЫСЛ, ОСОЗНАННОСТЬ: АСПЕКТЫ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Бескова Ирина Александровна

Институт философии РАН (Москва)

Проблему соотносительности языков науки и искусства следует рассматривать в контексте решения более общего вопроса о связи языка, смысла и когнитивного статуса реализации восприимчивости в процессе индивидуации организма. Анализ предпосылок языковой компетенции на стадии онтогенетически более ранней, чем этап функционирования изолированно бытийствующих когнитивных агентов, позволяет выявить новые аспекты сопряжения выразительных ресурсов и обуславливающего их опыта. Реконструкция ряда методологически значимых параметров стадии становления когниции в пренатальный период вводит в исследовательское пространство эпистемологии инновационные по своей структуре пласты смыслов, принципиально отличающиеся от структуры тех содержаний, которыми оперирует субъект как завершившая свое становление индивидуальность (постнатальный период). На основе учета недурального формата реализуемой когнитивности обосновывается возможность особого рода перцептивно-коммуникативных процедур (расширение сознания, скачок осознанности, «претворение в сознание»), способных порождать принципиально иные содержательные схемы, чем те, которыми человек оперирует в рамках персонифицированного бытия-в-мире. Преобразования модуса осознанности оказываются различимы в призме логико-методологического анализа стадии недурального формирования когнитивного потенциала языковой компетенции. Подобные небанальные ресурсы соотносены с состоянием целостности субъекта познания, когда диссоциация на мысль и чувство, знание и красоту не просто отсутствует, но является невозможной. Это состояние неделимой сплавленности впечатлений, проявляющееся как предпосылка, условие, исток формирования синкретичных, симультанно-слитых смыслов, модальная принадлежность которых не определена, поскольку феномен модальной отнесенности на стадии зарождения, формирования и функционирования подобных содержаний не актуализируем. Предлагаемый ракурс углубленного истолкования истоков возникновения образно-символических средств репрезентации опыта позволяет трансформировать восприятие когнитивного потенциала человека в контексте более базовых ресурсов обуславливания.

Ключевые слова: язык, осознанность, смысл, недуральность, целостность, когниция, сознание, язык науки, язык искусства, знание, красота, инновация, опыт, восприятие.

Для цитирования:

Бескова И.А. Язык, смысл, осознанность: аспекты обусловленности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 160–169. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-160-169>. EDN: BDUOGQ

LANGUAGE, MEANING, AWARENESS: ASPECTS OF INTERDEPENDENCE

Irina A. Beskova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

The question of correlation between languages of science and art should be considered in the context of solving a more general problem of connection between language, meaning, and the cognitive status of the receptivity realization in the process of a human's individuation. An analysis of the prerequisites for the linguistic competence formation at the stage being ontogenetically earlier than the stage of isolated cognitive agents' functioning, reveals new aspects of the contiguity of expressive resources and the experience that determines them. Reconstruction of some methodologically significant points of perceptive prenatal development introduces into epistemological discourse some layers of meanings that are innovative in their structure, fundamentally different from the structure of the contents that the subject manipulates in the postnatal period. Based on a logical-and-methodological analysis of the non-dual format of the implementation of cognition, the paper substantiates the possibility of a special kind of perceptual-communicative procedures (expansion of consciousness, leap of awareness, «coming into being as a consciousness») that are capable of generating fundamentally new meaning schemas than those that a person uses in his individuated being-in-the-world. The mode of awareness leap as a basis of the linguistic competence formation becomes distinguishable in the optics of logical-and-methodological analysis of the non-dual stage of the perception coming into being. Such peculiar resources are correlated with the state of the subject's cognitive integrity, when dissociation into thought and feeling, knowledge and beauty is not just absent, but is impossible. This is a state of indivisible mix of impressions, manifesting itself as a prerequisite, condition, source of formation of simultaneously fused meanings. Modal affiliation of these is not determined since the phenomenon of modal attribution at the stage of formation and functioning of such contents is not actualized. The proposed perspective of a deeper interpretation of the origins of the emergence of figurative and symbolic means of representing experience allows us to transform the optics of perception of a person's cognitive potential in the context of more basic conditioning resources.

Keywords: language, awareness, meaning, non-duality, integrity, cognition, consciousness, language of science, language of art, knowledge, beauty, innovation, experience, perception.

To cite:

Beskova I.A. [Language, meaning, awareness: aspects of interdependence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 160–169 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-160-169>, EDN: BDUOGQ

Введение

Когда рассматривают проблему соотносительности языков науки и искусства в аспекте синтеза знания и красоты, как бы неявно подразумевают, что языки науки репрезентируют формат «знание», а языки искусства — формат «красота», но так ли это? Не будет ли правильнее исходить из того, что знание и красота — глубоко — одно целое, и являются собой не разные ин-

станции, разные форматы принимаемости опыта, а всего лишь разные *ипостаси, грани* изначальной целостности? Последняя, на мой взгляд, представима как всецело пробужденная полнота осознанности, рождающаяся в момент стопроцентно сконцентрированного присутствия познающего субъекта в ситуативности разворачивающегося процесса. Ведь именно в этом формате вовлеченности в происходящее человек оказывается способен по-настоящему,

глубинно взаимодействовать с миром сущего. Думается, подобного рода обусловленность объясняется тем, что в основе знания нередко лежит красота (так, фрактальная геометрия Мандельброта дает особенно яркие, зримые образцы этой связи), а в основании искусства может лежать знание, но не столько как модус «исчисляющей *о-с-вед-ом-ленности*», сколько как формат прямой, непосредственной, невыводной и не умозрительной регистрации впечатлений в контексте всецелой отождествленности когнитивного субъекта с воспринимаемым. Отождествленности, полностью захватывающей все внимание индивида, провоцирующей его всемерную поглощенность «впечатываемым» в органы чувств содержанием в момент первой встречи с воспринимаемым. Подобное переживание — как непосредственное схватывание/усмотрение глубинной природы постигаемого — может рождать в человеке как мысли, так и чувства, что в первую очередь и бросается в глаза аналитику-методологу познавательных интеракций из-за своей очевидности, кажущейся не требующей ни обоснования, ни дополнительного исследования. Но насколько совершенна подобная призма анализа?

Модус синкретичной сплавленности опыта как источник формирования языка

Думается, упомянутыми форматами представленности репрезентативного потенциала перцептивно-коммуникативных систем не исчерпывается спектр возможных реакций организма. Очень важно, что это может быть и некий более фундаментальный, онтогенетически более ранний пласт содержаний-ответов распознающей системы на ситуативную специфичность осуществившегося коммуникативного взаимодействия. В частности, при определенных условиях достигим формат представленности «отклика» распознающей системы, в рамках которого актуализируется состояние, *предшествующее* стадии индивидуации организма (термин «индивидуация» здесь и далее используется в контексте воззрений Жильбера Симондона). И это будет нечто принципиально иное, чем отклик, модулированный дихотомиями *состоявшейся* индивидуированности. Он представляет собой вариант ответного «звучания» перцептивно-коммуникативного аппарата в виде целостно откликающегося инструмента

регистрации и репрезентации воспринятого. Его можно представить как эхо изначальной адресации: если она была осуществлена из перспективы целостности, недואльной сплавленности «человек \equiv предмет его всепоглощающего интереса», то и резонансно отзывающимся такому обращению окажется ответное «всецелое звучание» распознающей системы. В результате становится возможной стилистика ответного «звучания», диктуемая не изолированно той или иной гранью человеческой способности знать-постигать («мысль vs чувство», категоризация «знание vs красота»), а всей объемом и богатством неделимой интегральной экзистенции. В таком случае репрезентация воспринимаемого осуществляется в пространстве синкретичной сплавленности впечатлений, представляющем собой универсум не распадающегося на составные части опыта.

В контексте подобных преобразений пространства когниции актуализируемым становится модус недвойственности: режим функционирования разума вне фрагментации переживаемого на модально изолированные инстанции, когда *в принципе* были бы возможны дихотомии типа «знание vs красота». Можно сказать, это режим, в котором модус диссоциации не актуализирован, а значит и *формат дихотомически разделенного и противопоставленного выражения опыта не работает*. Данное пространство коррелирует с особым стилем активности распознающей системы, реализующимся в формате *додиссоциативного* модуса функционирования ресурсов переработки впечатлений: в синкретичном а/модальном универсуме мысли-образа-чувства.

Если опираться на предложенное понимание, то, как представляется, мы имеем основания заключить, что анализ соотнесенности языков науки и искусства, раскрытие логики их взаимосвязи в контексте дихотомии «знание/красота» можно осуществить, пусть и более сложным — в каком-то смысле «кружным» — путем, чем простая регистрация поверхностных проявлений их различности, но зато обеспечив более тонкое восприятие настройки исследования. А именно, рассматривая интересующий вопрос сквозь призму того состояния сознания, которое — наряду с привычным диссоциированным модусом дихотомически ориентированного функционирования разума — также когнитив-

но достижимо. Это состояние актуализированной осознанности как модуса пробужденного присутствия в момент разворачивающегося опыта, стопроцентной поглощенности взаимодействием, когда все ресурсы внимательности познающего субъекта оказываются отданы коммуникативному процессу. При этом эгоцентрические мотивы, изолирующие личность от всего универсума сущего как от «не-Я»-осуществленности, оказываются спонтанно преодолены.

Воззрение «Живой этики» в истолковании модуляций сознания

Нетрудно заметить, что данная пертурбация, по сути, представляет собой ресурс изменения когнитивного статуса субъекта познания, потенциально чреватый расширением сознания, что в качестве цели эволюции разума неоднократно упоминается в трудах Н.К. и Е.И. Рерихов. По сути, задача расширения сознания в их учении предстает как ключевая и насущная не только для отдельного индивида, но и для человека как вида. В частности, констатируется, что цель состоит в том, чтобы «претвориться в сознание»: «Сознание подобно пониманию духа, оно растет, обнимая все существо, как пламя <...> Место нахождения человечества, чтоб напомнить претвориться в сознание» [Рерих Е.И., 2003, с. 9]. Но как происходит подобное «претворение»?

В «Учении живой этики» подчеркивается, что отследить рост и расширение сознания напрямую невозможно, поскольку сам инструмент отслеживания принадлежит той сфере, относительно которой и осуществляется наблюдение: «Много раз мы беседовали о расширении сознания и об овладении многими полезными свойствами. Как же происходит это нарастание? Если трудно усмотреть рост волоса, то много труднее уловить рост сознания. Ошибочно думать, что можно следить за нарастанием сознания. Ведь следящий аппарат претерпевает то же напряжение <...> На действиях и на следствиях познается правильное направление» [Рерих Е.И., 2004, с. 190].

Таким образом, рост осознанности можно определить «по плодам его». Но каковы же плоды обозначенной модуляции сознания? Полагаю, это творческие продукты в наивысшем «градусе» их представленности, выраженные в

формате языков науки, искусства, в творчестве духа и в творчестве о трансформациях духа. При этом наивысший статус проявления продуктивности в познавательно-эмоционально-духовной сфере, в моем понимании, и есть тот плод, который рождается из перспективы всецелой концентрации сознания на предмете интереса, представимой как режим полноты пробужденного присутствия субъекта познания в реализующемся опыте.

Говоря о параметрах подобного выражения, думается, можно заключить, что если опыт, лежащий в основании порождения соответствующих инновационных продуктов, синкретичен, целостен, как синкретично и целостно то состояние, в котором он был актуализирован, то языки его выражения в глубинной своей основе, пусть и в снятой форме, *сохраняют эту особенность*. В различных форматах выраженности (язык науки, язык искусства) лишь появляется специфицирующий акцент, новый ракурс в репрезентации исходного синкретично-целостного контекста. В результате акцентуируемыми оказываются те или иные грани, стороны, ипостаси изначального единства-целостности, пережитого субъектом в процессе консолидации и седиментации результирующего содержания/смысла. Однако это не делает подобные языки (как ресурсы репрезентации интегрального состояния) противостоящими друг другу, поскольку произросли они из единого модуса до-индивидуированного состояния изначальной восприимчивости в постижении сущего.

Разумеется, преобладание того или иного «измерения» выраженности (мысль, чувство, пластическое искусство, кинестетическая практика) накладывает ограничение на одни грани репрезентации целостности, делая при этом другие паттерны выражения более выпуклыми. Но это не значит, что «ушедшее в тень» содержание (вместе с конгруэнтными ему модусами оперирования) исчезло, утрачено: заняв подчиненное положение, оно, с одной стороны, высветляет, выдвигает на первый план то, что видоспецифично для избранного формата выраженности, с другой, составляет «тыл», богатый и разнообразный, мультимодальный (а подчас и а/модальный) контекст появления на свет смыслов, модальная идентичность которых оказалась более специфицированной. Например, задавая содержание, воспринятое как от-

носящееся к сфере науки или к сфере искусства, заслуживающее статус знания или оцениваемое в контексте красоты представленного образа, регистрируемое как мысль или же в большей мере соответствующее переживанию «чувство», воспринимаемое как ощущение или же «прочитываемое» как понимание и пр. Смыслы, в таких форматах выраженные, остаются происшедшими, «выросшими» из недифференцированного, синкретичного опыта, в основе которого — модус непосредственной регистрации нечленимой целостности экзистенциально пережитого.

Абрис «планов» расширения сознания в их совмещенности

Полагаю, признание двух регистров потенциально возможного «звучания» всплывающих впечатлений (целостного и модулированного дихотомиями), а также консолидация и седиментация произрастающих на этой почве содержаний/смыслов реализуется на практике как особого рода *методологический прием: одновременное удержание в сознании воспринимающего, допущение им как потенциально возможных и практически значимых обеих плоскостей регистрации опыта*. По сути, это равносильно признанию и принятию в качестве допустимых и практически ценных обеих граней представленности пережитого: синкретично-сплавленной и модально специфицированной, т.е. сферы обусловливания опыта и сферы его выражения. Подобный двусоставный формат регистрации впечатлений делает достижимым особый алгоритм размыкания контуров сознания. Ведь если в своей познавательной интендированности субъект удерживает в сознании сразу две грани, две плоскости регистрации воспринимаемого, сохраняя осознанность в отношении обеих границ проживаемого, он тем самым преодолевает пределы **ограничивающего** миропонимания, выходя в пространство трансграничности сущего.

О подобном модусе восприятия говорил в свое время М.М. Новоселов, разрабатывая интервальный подход к истолкованию процесса формирования и функционирования абстракций [Новоселов М.М., 2017]. Эти идеи получают развитие в исследованиях Л.П. Киященко, подчеркивающей, что когда в сознании мы удерживаем оба предела интервала абстракции,

в контексте которой седиментированное содержание регистрируется, мы преодолеваем границы исходной интервальности, выходя из сферы ограниченно известного в пространство трансцендированной граничности [Киященко Л.П., 2022].

Интересно, что в «Учении живой этики» можно найти идею, созвучную описанной метаморфозе разума: «Работа над расширением сознания происходит на двух планах. Каждый план не сливается с прочими явлениями жизни, как ход подземный не затрагивает растительность и как метеор не зависит от погоды. Люди трудно понимают эти наслоения двух планов. *Требуется настороженность сознания*, но мало кто владеет ею (курсив наш. — И.Б.)» [Рерих Е.И., 2008, с. 464]. Именно эту особую «настороженность сознания», на мой взгляд, можно считать коррелятом состояния осознанности, превращающей человеческий опыт из видоспецифически локализованного, модулированного дихотомиями противоречивого членения универсума когниции в несоставно-целостный, в котором противоречивость и взаимоисключительность выражения невозможна, поскольку сама «опция» противопоставленности чего-то чему-то в нем отключена.

Каковы же эти планы?

Один из них, безусловно, есть уровень непосредственного физического функционирования индивида в модусе самостоятельного независимого агента действия: тот формат самовыражения личности, который каждому человеку современного социума прекрасно знаком. Но второй план, как представляется, есть нечто, гораздо реже практикуемое и еще реже осознаваемое в статусе практикуемого. А именно, уровень *наблюдателя за* реализующимся поведением, за теми выборами, которые сам он, опираясь на свое **видение** мира и свое понимание отношений человека и мира, практически осуществляет. Это формат «отдавания себе отчета» в истинных мотивах своих мыслей-слов-действий (ключевая триада проявления субъектности, согласно концепции «Учения живой этики»), которые человек воплощает.

Когда между этими планами представленности сознания в структуре разворачивающегося опыта устанавливается созвучие, согласуя между собой разные позиции адресации, последние, становясь когерентными, оказываются

синхронизированны. Именно в это мгновение и происходит скачок сознания, знаменующий собой действительное его расширение. Подобная когнитивно-экзистенциальная пертурбация делает возможной спонтанную трансформацию понимания субъектом *глубинного* смысла происходящих событий. В результате то, что изначально могло быть воспринято как извне интендируемое, по отношению к субъекту постороннее и случайное, обнаруживает под собой еще один пласт обусловливания, более глубокий, чем исходное поверхностное восприятие. А именно, изначальная «случайность» предстает как неузнанное выражение глубинной необходимости разворачивающегося процесса, призванного пробудить осознанность субъекта, заставить его быть более ответственным, став всецело осознающим в экзистенциальном пространстве жизненности («претвориться в сознание»).

Думается, именно в подобной динамике скрыт исток эмерджентного скачка осознанности, проявляющегося как расширение сознания: это процесс, корни которого следует искать в сфере сопряженного, согласованного функционирования *со-зна-*ния как, с одной стороны, потенциала адаптивной эффективности индивида в роли независимого агента действия в мире физически реального, и с другой, — его же, но в ипостаси стороннего наблюдателя, не вовлекающегося в процесс лично, но сохраняющего отстраненную регистрирующую позицию. Регистрирующий модус восприятия позволяет незамутненным эмоциональной вовлеченностью взором следить за подлинными, глубинными мотивами и движущими силами происходящих изменений, отдавая себе полный отчет в реализующемся.

Обсуждение результатов

На сегодняшний день в литературе доминирует установка, согласно которой языки науки и искусства хотя и имеют точки соприкосновения, тем не менее, представляют собой не просто разные, но — в определенных отношениях — противоположные форматы репрезентации опыта. Независимо от конкретной занимаемой позиции (считаются ли языки существенно противоположными или видятся взаимопроникающими), авторы исходят из их как бы само собой разумеющейся категориальной противо-

поставленности [Языки науки..., 2004; Aladyshkin I. et al., 2023; Dominiczak M.H., 2012; Stefaner M. et al., 2020]. Например, указывается, что тенденция сближения в ходе эволюции познавательно-выразительных ресурсов человека проявляет парадоксальные аспекты их соотносительности. В числе последних упоминаются *большая эмоциональная выразительность языка науки, чем лаконичность языка искусства, апелляция ученых к языку образного выражения при обосновании научных прозрений, и, напротив, обращение к языку науки, практикуемое людьми искусства при обосновании своих концепций* [Марцинковская Т.Д., 2018].

Однако сама регистрация подобного феномена (парадоксальных проявлений взаимосвязи языков науки и искусства) свидетельствует о том, что преобладающее *видение* их соотносительности, сформированное под воздействием ожиданий, продиктованных стереотипами здравого смысла, опрощает истинный характер их взаимосвязи. Поэтому задача изучения феноменологии формирования языка как фундаментального ресурса выражения опыта остается актуальной.

Я исхожу из их генеративной связности, которую вижу в логике формирования языка вообще как ресурса интегральной репрезентации опыта. В моем понимании, языки науки и искусства *глубинно слиты, сплавлены*, поскольку в их основе — целостный пласт состояний/смыслов, модальная специализация которых не просто не осуществлена, но невозможна в силу специфичности того периода становления организма, в котором основания для седиментации подобных содержаний закладываются.

Наиболее глубокие и на данный момент, возможно, наиболее дисциплинарно фундированные исследования формирования языковых ресурсов соотносены с разработкой теории образных схем в когнитивной лингвистике. Исследования призваны установить «посредствующее звено» в переходе от перцептивных форматов регистрации опыта к абстрактным, образно-символическим ресурсам. В частности, предпринимается попытка ответить на вопрос, как же происходит выработка абстрактных схем выражения информации в стиле развитых образно-символических языков [Бородай С.Ю., 2019; Смирнова Н.М., 2022; Johnson M., 2005]. Подобные исследования чрезвычайно интерес-

ны и перспективны, однако, на мой взгляд, не свободны от одного существенного ограничения. А именно, свое внимание они концентрируют на стадии развития языка, соотнесенной с *индивидуированным* форматом функционирования организма. Это может быть и детский язык, и язык взрослых, но всегда — это выражение опыта носителя, который «состоялся» в статусе завершенной, *ставшей* индивидуальности; упрощенно говоря, это организм, действующий в мире как самостоятельный агент относительно независимого профиля: в ипостаси *ставшей* индивидуировавшейся сущности. Тогда как, на мой взгляд, не менее значимым должно быть осмысление и реконструкция того, как формируется опыт *становящегося* организма на *до*-индивидуальной стадии развития. Принципиально значимо в подобном изменении ракурса рассмотрения то, что в период внутриутробного формирования плод растет и развивается в условиях принципиально другого формата представленности его бытия-в-мире, чем тот, что характерен для состояния завершенной, состоявшейся индивидуальности.

Пренатальная стадия становления организма, в соответствии с воззрениями современной психологии, это самостоятельный, принципиально важный этап когнитивного развития человека и ресурсов освоения реальности [Петросьян С.Н., 2016]. Сама стилистика перцептивной деятельности в пренатальный период не может не быть фундаментально иной, чем стилистика и ресурсы стадии постнатальной сформированности — пусть даже и детской [Бескова И.А., 2023]. В частности, способность восприятия и регистрации впечатлений во внутриутробный период реализуется в модусе *недуального* мироощущения. Сам этот формат с необходимостью обусловлен той реальностью бытия-в-мире, которая определяется состоянием беременности: мать и дитя — одно целое, их организмы функционируют не изолированно, а слито, причем степень сопряженности столь всеобъемлюща, что малейшая угроза ее расторжения приводит к риску прерывания самого этого состояния.

Ни в коем случае не принимая на себя ответственность за фактологию изучения соответствующего периода (это дело профильных дисциплин), я адресуюсь к страту *логикометодологического* исследования потенциала

пренатального формирования когниции. Это позволяет ввести в поле рассмотрения те аспекты данного опыта, которые *не могут не отличаться* его от обычно изучаемых параметров функционирования **сформированного** организма, формат бытия-в-мире которого индивидуализирован и изолирован. Формирующиеся из недуальной перспективы паттерны восприятия и регистрации опыта с рождением организма не исчезают, но просто уходят в тень, продолжая влиять на характер и течение когнитивно-перцептивных процессов индивидуированной субъектности. Поэтому, когда данный этап складывания предпосылок будущей языковой способности не принимается в расчет, картина получается неполной, а возможно, и искаженной, — в этом я вижу слабость данного, в целом весьма перспективного, подхода.

Именно по этой причине я предлагаю при выявлении аспектов взаимосвязи разного формата языков проникнуть глубже индивидуированного уровня реализации опыта и задуматься над тем, чем же, в сущности, отличается состояние когнитивного становления на *до*-индивидуальной стадии. Пренатальный формат развития когнитивности теснейшим образом соотнесен с состоянием «*внутриположенности*» будущей индивидуальности по отношению к материнскому организму, что естественным образом оборачивается полным отсутствием оснований для формирования изолирующей Я-позиции эгоцентрически модулированного мировидения. Это, в свою очередь, влечет абсолютную недоступность модуса диссоциированного восприятия происходящего из перспективы «мое/чужое». Поэтому онтогенетически более ранним, изначальным, первичным является формат регистрации впечатлений из перспективы недуального (вне диссоциаций на «мой опыт» vs «опыт другого человека») и а/модального схватывания/регистрации впечатлений (вне дихотомий образно/символического фреймирования универсума восприимчивости). А значит, в поле внимания эпистемологии появляются синкретичные симультанные содержания, которые не могут быть отнесены ни к одной из категорий дихотомически члененного универсума категоризированного опыта, поскольку их формирование относится к периоду становления, когда категоризация как формат ментального упорядочения впечатлений нереализуема.

Заключение

Языки выражения пережитого состояния в снятой форме несут в себе, аккумулируя как собственную глубинную предпосылку, потенциал своего порождения. И поскольку самым фундаментальным — более фундаментальным, чем модус разделенности и противопоставленности содержаний на мысли и чувства, ментальное и физическое, идеальное и реальное — является модус синкретичной слитости, сплавленности отзвуков-реакций-впечатлений, то в глубинной основе *любого* формата выраженности состояний-переживаний лежит именно этот целостный, неделимый, дихотомиями не фреймируемый пласт смысловой наполненности опыта. В такого рода впечатлениях мысли и чувства — это не просто одно, но это то, в своей основе единое, что на противоположные составляющие не распадается, а будучи разбито, утрачивает исконную специфичность. И это формат целостности переживаемого состояния и целостности отклика на него: вне дуального членения универсума репрезентации переживаемого, вне модальной привязки впечатлений, вне противопоставления воспринимаемого в формате «мое/чужое».

Диссоциация на противоположные составляющие в этом модусе невозможна хотя бы потому, что подобного рода пласт содержаний/смыслов *из составляющих не состоит*, как не состоит из частей или элементов никакая целостность, являя собой, прежде всего, модус воплощенной несоставности. В подобном модусе пережитое не есть готовый, завершённый, ставший формат выраженности опыта в языке — будь то в символической или в образной форме, — а непрерывно меняющееся, флуоресцирующее разными оттенками, гранями смыслов состояние, в котором репрезентация в виде «в каком бы то ни было языке выраженного» — это не более чем другая грань, другая ипостась изначального единства-целостности «человек ≡ переживаемое им целостное состояние».

В представленном модусе регистрации впечатлений нет изолированных инстанций «человек» и «его опыт», как нет вообще каких бы то ни было инстанций, поскольку «инстанция» — это продукт/формат завершившегося, состоявшегося эпизода реализованной индивидуации, тогда как состояние — это всецелая текучесть,

ежесекундная изменчивость, сияющая разными отблесками смыслов в зависимости от того, из какой перспективы осуществляется обращение к подобной незавершенности.

Список литературы

- Бескова И.А.* Парадигмальный сдвиг, проявляющий природу человеческого разума // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного макросдвига / отв. ред. В.Г. Буданов, Л.П. Киященко. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2023. С. 267–311. DOI: <https://doi.org/10.29039/iab-267-311>
- Бородай С.Ю.* Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 106–136. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0373658x0005709-8>
- Киященко Л.П.* Парадокс целостности человека: критика способности быть // Человек как открытая целостность / отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>
- Марцинковская Т.Д.* Язык искусства и язык науки: парадоксы сближения // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 59. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/287/566> (дата обращения: 22.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.287>
- Новоселов М.М.* О тождестве и отождествлениях (интервальный аспект) // Философия творчества: ежегодник. Вып. 3: Творчество и жизненный мир человека / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой; Ин-т философии РАН. М.: ИИНТЕЛЛ, 2017. С. 211–219.
- Петросьян С.Н.* Пренатальный и перинатальный периоды развития ребенка как кризисный этап становления личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. Вып. 3(183). С. 114–122.
- Рерих Е.И.* Агни Йога (Знаки Агни Йоги). М.: Междунар. Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2008. 600 с.
- Рерих Е.И.* Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. М.: Междунар. Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2003. 328 с.
- Рерих Е.И.* Община (Урга). М.: Междунар. Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2004. 304 с.
- Смирнова Н.М.* Образ и смысл: опыт когнитивной лингвистики // Философия творчества: ежегодник. Вып. 8: Философско-методологический анализ творческих процессов /

под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой; Ин-т философии РАН. М.: Голос, 2022. С. 150–178.

Языки науки — языки искусства: сб. науч. тр. / ред.-сост. З.Е. Журавлева. М.; Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2004. 448 с.

Aladyshkin I., Anosova N., Noskova O. Prospects for the Synthesis of the Language of Art, Science and Technology in Russian Science Art // *Technologies in a Multilingual Environment: Proceedings of the XXII International Conference on Professional Culture of the Specialist of the Future (St. Petersburg, Russia, 24–26 November, 2022)*. Cham, CH: Springer, 2023. P. 135–145. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-26783-3_13

Domiciczak M.H. Languages of Art and Languages of Science // *Clinical Chemistry*. 2012. Vol. 58, iss. 8. P. 1270–1275. DOI: <https://doi.org/10.1373/clinchem.2012.182014>

Johnson M. The Philosophical Significance of Image Schemas // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* / ed. by B. Hampe. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.15>

Stefaner M., Daston L., Christiansen J. The Language of Science: How the Words We Use Have Evolved over the Past 175 Years // *Scientific American*. 2020. Vol. 323, iss. 3. P. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0920-26>

References

Aladyshkin, I., Anosova, N. and Noskova, O. (2023). Prospects for the synthesis of the language of art, science and technology in Russian science art. *Technologies in a Multilingual Environment: Proceedings of the XXII International Conference on professional culture of the specialist of the future (St. Petersburg, Russia, 24–26 November, 2022)*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 135–145. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-26783-3_13

Beskova, I.A. (2023). [Paradigmatic shift revealing the nature of the human mind]. *Nauka i fenomen cheloveka v epokhu tsivilizatsionnogo Makrosdviga*, *otv. red. V.G. Budanov, L.P. Kiyashchenko* [V.G. Budanov, L.P. Kiyashchenko (eds.) Science and the phenomenon of human in the era of civilizational Macroshift]. Moscow: Institut obshchegumantarnykh issledovaniy Publ., pp. 267–311. DOI: <https://doi.org/10.29039/iab-267-311>

Boroday, S.Yu. (2019). [Language and cognition: A postrelativist research program]. *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 4, pp. 106–136. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0373658x0005709-8>

Domiciczak, M.H. (2012). Languages of art and languages of science. *Clinical Chemistry*. Vol. 58, iss. 8, pp. 1270–1275. DOI: <https://doi.org/10.1373/clinchem.2012.182014>

Johnson, M. (2005). The philosophical significance of image schemas. B. Hampe (ed.) *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter Publ., pp. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.15>

Kiyashchenko, L.P. (2022). [The paradox of human integrity: a critique of the ability to be]. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost', otv. red. L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova* [L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova (eds.) Man as an opened integrity]. Novosibirsk: Akademizdat Publ., pp. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>

Martsinkovskaya, T.D. (2018). [The language of art and the language of science: the paradoxes of convergence]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 11, no. 59. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/287/566> (accessed 22.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.287>

Novosyolov, M.M. (2017). [On identity and identification (an interval aspect)]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 3: Tvorchestvo i zhiznenny mir cheloveka*, *pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 3: Creativity and the life world of man]. Moscow: IntelL Publ., pp. 211–219.

Petros'yan, S.N. (2016). [Prenatal and perinatal periods of child development as a crisis stage of personality formation]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [The Bulletin of the Adyge State University. Series: Pedagogy and Psychology]. Iss. 3(183), pp. 114–122.

Roerich, H. (2003). *Listy Sada Morii. Kn. 2. Ozaranie* [Leaves of Morya's Garden. Book Two: Illumination]. Moscow: ICR Publ., Master-Bank Publ., 328 p.

Roerich, H. (2004). *Obschina (Urga)* [Brotherhood (Urga)]. Moscow: ICR Publ., Master-Bank Publ., 304 p.

Roerich, H. (2008). *Agni Yoga (Znaki Agni Yogi)* [Agni Yoga]. Moscow: ICR Publ., Master-Bank Publ., 600 p.

Smirnova, N.M. (2022). [Image and meaning: Experience's framework of cognitive linguistics]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 8: Filosofsko-metodologicheskiy analiz tvorcheskikh protsessov*, *pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of

Creativity: yearbook. Iss. 8: Philosophical and methodological analysis of creative processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 150–178.

Stefaner, M., Daston, L. and Christiansen, J. (2020). The language of science: How the words we use have evolved over the past 175 years. *Scientific*

American. Vol. 323, iss. 3, pp. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0920-26>
Zhuravleva, Z.E. (ed.) (2004). *Yazyki nauki — yazyki iskusstva: sbornik nauchnykh trudov* [Languages of science — languages of art: collection of scientific papers]. Moscow: ICI Publ, 448 p.

Об авторе

Бескова Ирина Александровна

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: irina.beskova@mail.ru
ResearcherID: N-3719-2018

About the author

Irina A. Beskova

Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: irina.beskova@mail.ru
ResearcherID: N-3719-2018

УДК 130.2+721.012
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-170-179>
EDN: BHWVIK

Поступила: 01.05.2024
Принята: 24.05.2024
Опубликована: 04.07.2024

НАУКА И ИСКУССТВО В ДИЗАЙН-ПРОЕКТИРОВАНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Степанова Галина Борисовна
Институт философии РАН (Москва)

Дизайн является одной из значимых областей профессиональной деятельности человека, в которой в разных формах взаимодействуют языки науки и языки искусства. Проблемы такого взаимодействия ставились отечественными учеными и дизайнерами еще в 60–70-х гг. XX в. Это время характеризуется появлением целого ряда теоретических и методологических работ в области художественного проектирования, философии и психологии, посвященных новому пониманию дизайна как взаимодействия человека с его предметным миром. В самых разных трактовках отмечались общие позиции — это междисциплинарность и проектность дизайна. При разработках теории и методологии дизайна подчеркивалось особое место проектирования в художественно-конструкторской деятельности. Проектирование требует как знаний о вещах, их свойствах, способах действий с ними человека, месте и роли в его жизнедеятельности, так и о способах производства этих вещей. Концепция дизайн-мышления как современный подход к проектированию делает акцент на удовлетворении человеческих потребностей и потребительских запросов — это красота и удобство, облаченные в эстетичную форму. Общими принципами для рассматриваемых подходов в дизайне является ориентация на человека, его потребности, удобство пользования вещами, технологиями, реализацию его способностей и возможностей в самых разных областях жизнедеятельности, в том числе профессиональной, социальной, творческой. Дизайн-мышление может применяться в бизнесе, медицине, транспортной отрасли, и особенно в информационной и творческой области. Как в прошлом, так и в современности такой подход с необходимостью приводит к появлению междисциплинарных взаимодействий, разработке концептуальных основ методологии междисциплинарности. Имеет смысл отметить, что с точки зрения методологических оснований междисциплинарности в отечественном дизайне и эргономике эта методология была с необходимостью востребована, отрефлексирована и включена в принципы организации исследований и разработок. Существенную роль в реализации методологии междисциплинарности несет в себе проективность как состояние, интенция на творчество, преобразования, поиск нового.

Ключевые слова: дизайн, проектирование, междисциплинарность, красота, удобство, человек, творчество, проективность, вещи, технологии, предметный мир.

Для цитирования:

Степанова Г.Б. Наука и искусство в дизайн-проектировании: история и современность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 170–179. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-170-179>. EDN: BHWVIK

SCIENCE AND ART IN DESIGN DEVELOPMENT: HISTORY AND MODERN TIMES

Galina B. Stepanova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Design is one of significant areas of human professional activity, in which the languages of science and the languages of art interact in different forms. The problems of such interaction were posed by Russian scientists and designers back in the 1960-70s. That time was characterized by the emergence of a number of theoretical and methodological works in the field of design, philosophy, and psychology devoted to a new understanding of design as the interaction of a person with his objective world. In a variety of interpretations, it is possible to note the common positions — interdisciplinarity and project-based nature of design. The special place of project development in design activities was emphasized in theory and methodology of design. Project development requires knowledge about things, their properties, about how a person can act with them, about their place and role in his life as well as about the methods of producing these things. The concept of design thinking as a modern approach to project development focuses on the need to meet human needs and consumer demands, i.e., beauty and convenience, dressed in an aesthetic form. The general principles for the considered approaches in design are orientation toward the person, his needs, ease of use of things and technologies, fulfilment of his potential in a variety of areas of life, including professional, social, creative. Design thinking can be applied in business, medicine, transport industry, and especially in information and creative fields. Both in history and in modern times, this approach necessarily has led to the emergence of interdisciplinary interactions and the development of conceptual foundations for the methodology of interdisciplinarity. In terms of the methodological bases of interdisciplinarity, this methodology was in demand in design and ergonomics in our country, and it was included in the principles of organizing research and development. A significant role in the implementation of the methodology of interdisciplinarity is played by projectivity as a state, an intention toward creativity, transformation, and the search for something new.

Keywords: design, project development, engineering, interdisciplinarity, beauty, convenience, person, creativity, projectivity, things, technology, objective world.

To cite:

Stepanova G.B. [Science and art in design development: history and modern times]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 170–179 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-170-179>. EDN: BHWVIK

История и методология советского дизайна в 60–70-х гг. XX в.

В 1962 г. был основан Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики, в котором предполагалась совместная работа дизайнеров и ученых самых разных научных дисциплин — антропологов, медиков, психологов, специалистов в области гигиены и охраны труда. Методологическую проработку такой совместной работы проводили философы.

Одним из первых исследователей, который начал теоретическую проработку дизайна в этом институте, был К.М. Кантор [Кантор К.М., 1966, 1967]. Он подчеркивал общественную природу дизайна, необходимость реализации его социально-экономической функции. С точки зрения Кантора, теоретической и методологической основой для художественного конструирования, подготовки и организации дизайнерских коллективов должна стать техническая эстетика. Дизайнер выступает в роли ко-

ординатора деятельности различных специалистов, представителем потребителя на производстве. Он должен учитывать требования человека не только к проектируемому предмету, но и ко всей предметной среде его жизнедеятельности. Кантор ввел термин тотального проектирования, на основе которого может строиться теория дизайна. Художественное конструирование таким образом становится самостоятельной сферой человеческой социальной практики, которая складывается на интеграции многих наук — гуманитарных, естественных, технических — и получении новых знаний. Карл Моисеевич задался вопросом о взаимоотношениях красоты и пользы в дизайнерских разработках. Он писал, что «дизайн отвечает не только за эстетическое, но и за функциональное совершенство промышленных изделий» [Кантор К.М., 1967, с. 14] По его мнению, именно техника и продукты техники в современном мире выступают как «средства удовлетворения эстетической потребности, эстетического незаинтересованного наслаждения» [Кантор К.М., 1967, с.15].

Г.П. Щедровицкий и О.И. Генисаретский в 1965 г. писали, что «анализ общественной природы дизайна и построение его теории не могут быть осуществлены без опоры на широкий круг философских, социальных, гуманитарных и технических наук. Практика дизайнерской работы объединяет разнообразные элементы социальной действительности и должна учитывать весьма разнородные требования, идущие от человека, его культурных ценностей и эстетических отношений, от деятельности потребления вещей, ее временных и прочих рамок, от производства с его техническими и технологическими требованиями, от особенностей организации проектировочной работы и так далее» [Щедровицкий Г.П., 1994]. Разрабатывая теорию и методологию дизайна, эти авторы подчеркивают особое место проектирования в художественно-конструкторской деятельности. Проектирование требует как знаний о вещах, их свойствах, способах действий с ними человека, месте и роли в его жизнедеятельности, так и о способах производства этих вещей. «Проектирование (и производство) вещей составляет особую область человеческой социальной деятельности. Как очень большое, глобальное подразделение человеческой деятельности, оно находится в одном ряду с наукой — как произ-

водством идеальных предметов, научных знаний и систем знаний, обучением и воспитанием — как производством и “изготовлением” людей, искусством — как производством художественных ценностей» [Щедровицкий Г.П., 1994, с. 318].

Такой подход с очевидностью показывает, что дизайн является междисциплинарной областью исследований и разработок. «Важным аспектом научной разработки дизайна будет анализ организации проектировочной деятельности, определение основных нормативов и правил организации проектных групп, определение точного места и функций дизайнера как члена такой группы» [Щедровицкий Г.П., 1994, с. 325].

Проектирование деятельности самих разработчиков промышленных изделий также являлось насущной проблемой того времени. Проблема отношения художественного конструирования к искусству, науке и технике формировала поле для дискуссий как среди самих дизайнеров, так и инженеров, конструкторов, специалистов гуманитарного и естественно-научного профиля. Стоит обратить внимание на тот факт, что при создании нового вида техники инженер-проектировщик и дизайнер решают совершенно разные задачи. Инженер видит своей задачей создание экономичного, максимально эффективного изделия, а дизайнер видит продукт своей деятельности в качестве его отношения к человеку, его удобству, а в более широком смысле как элементу системы «продукт — человеческая среда». Что касается специалистов, изучающих взаимодействия человека с проектируемой техникой, то их деятельность осуществлялась в основном в разнообразных исследованиях, результаты которых в той или иной степени учитывались дизайнерами.

М. Бобнева так описала процесс совместной работы художника-конструктора с психологом, рассматривая деятельность специалиста по промграфике: «Все, что ему необходимо, — так по крайней мере он полагает, — это выяснить некоторые психологические особенности с этими (*форма, плоскость, контур* — Г.Б. Степанова), с элементами графического объекта, объекта его работы» [Бобнева М., 1970, с. 264]. Психологу выдается задание — проанализировать особенности восприятия художественного образа. Далее этот автор приводит два возможных варианта развития сотруд-

ничества. В первом случае заказчику-художнику выдаются конкретные данные, полученные в эксперименте, психология выполняет служебную роль, а возможности дизайнера неочевидны. Автор увидел решение этой проблемы в изменении характера отношений между разработчиками. «Психолог в эксперименте с помощью графика-дизайнера выявляет элементы графического образа, которые оказывают влияние на протекание процесса восприятия, а затем с помощью графика-дизайнера создается графический образ с использованием таких элементов, которые обеспечат протекание процесса в заданном или требуемом виде, то и психолог, и дизайнер оказываются включенными в действительный процесс проектирования» [Бобнева М., 1970, с. 265]. Возникла проблема соединения предметных знаний о возможностях и особенностях человека с методами проектирования техники, технологий и промышленных изделий. Появилась необходимость в разработке комплексной междисциплинарной методологии в понимании человеческих факторов в технике для ее использования в проектировании и использовании машин, оборудования, технически сложных потребительских изделий.

Такая методология была разработана во ВНИИТЭ в 60–70-х гг. XX-го столетия. Был образован отдел эргономики — новой научно-проектировочной дисциплины. У истоков ее развития стояли такие выдающиеся психологи, как В.П. Зинченко, В.М. Мунипов, Г.М. Зарковский, Л.Д. Чайнова, философы К.М. Кантор, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин, художники и искусствоведы Г. Минервин, М. Федоров, другие ученые разных специальностей. В их трудах были заложены теоретические и методологические основы этой новой отрасли знания. Одной из важнейших задач при проектировании техники стали исследования по изучению восприятия и других познавательных процессов с целью применения их результатов при построении информационных моделей в сложных человеко-машинных системах. Эксперименты В.П. Зинченко по изучению процессов опознания и формирования образа с применением анализа глазодвигательной активности внесли существенный вклад в эргономические и инженерно-психологические разработки того времени. В первую очередь это касается особенно-

стей анализа информации при построении образно-концептуальной модели оператора.

Интеграция средств дизайна и эргономики реализовалась в процессе организации специальных междисциплинарных исследований, проектов и разработок с участием специалистов разных областей знания, изучающих человека, в процессе которых происходил синтез представлений различных дисциплин. Формировалось коммуникативное пространство, в котором определялись специфические для каждой конкретной проблемной ситуации предметные области дисциплинарных знаний, содержание и методы их соединения, а также новые исследовательские направления.

Современные подходы к проектированию на примере концепции дизайн-мышления

Сегодня существует множество определений дизайна. Если рассматривать дизайн в широком смысле, то, по мнению В.Э. Стрельниковой, философской и емкой является формулировка Б. Арчера: «Дизайн — это перевод мысли в действие» [Стрельникова В.Э., 2019, с. 13]. Дизайн — это своего рода проекция определенных образов в существующие формы с ориентацией на определенную группу. Последний фактор немаловажен, т.к. именно он определяет отличительную особенность дизайна. Хотя первоосновой дизайна является искусство, следует заметить, что цели профессионалов этих областей разнятся: цель художника — передать посредством художественного образа свое мировосприятие, дизайнер ориентируется на восприятие других людей. Прежде всего, дизайн направлен на удовлетворение человеческих потребностей и потребительских запросов, которые можно выразить в лаконичных формулах. Это — красота и удобство, облаченные в эстетичную форму. Однако для успешного воплощения дизайнерских идей недостаточно знания техники и наличия навыков. В основе современного дизайн-проектирования лежит особое мировоззрение, называемое дизайн-мышлением [Богомолова И.С., 2023].

Дизайн-мышление — это процесс достижения консенсуса между пожеланиями клиента и технологическими возможностями, а также экономической целесообразностью с точки зрения бизнеса. Идеологию процесса дизайн-мышления связывают с разработками Дэвида

Келли, профессора Стэнфордского университета, и Тима Брауна, автора книги «Дизайн-мышление в бизнесе». Тим Браун раскрывает сущность этого метода: «Это модель мышления, которая ставит людей в центр решения проблем, основана на трех китах: сопереживание, сотрудничество и проба» [Brown T., 2008]. Дизайн-мышление, по Т. Брауну, основано на способности человека к интуитивному чувствованию, распознаванию паттернов, созданию идей, несущих не только функциональный, но и эмоциональный компонент, к выражению себя не только словами или символами.

Дизайнеров, работающих в данной парадигме, характеризует:

Эмпатия. Это представление мира с точки зрения разных людей — коллег, клиентов, конечных пользователей и покупателей (текущих и потенциальных). Помещая людей в центр решения проблем, дизайн-мыслители могут разрабатывать продукты, которые по своей сути желательны и отвечают явным или скрытым потребностям.

Интегративное мышление. Использование не только аналитических процессов, но и способности выделять значимые, а также противоречивые аспекты сложной проблемы и создавать новые нестандартные решения.

Оптимизм. Вера в возможности позитивного решения проблемы, несмотря на ее сложности и ограничения.

Важность экспериментирования. Значительные инновации возникают не из постепенных улучшений. Дизайн-мыслители ставят вопросы и творчески исследуют ограничения, двигаясь в совершенно новых направлениях.

Сотрудничество. Организация междисциплинарного поля деятельности. Командный способ работы с привлечением специалистов, многие из которых имеют значительный опыт работы в нескольких областях. В команду привлекаются инженеры и маркетологи, антропологи и промышленные дизайнеры, архитекторы и психологи. Проекты дизайна в конечном итоге должны пройти через три пространства: вдохновение, генерация идей, реализация. *Вдохновение* мотивирует на поиск решений в ситуациях наличия проблемы, выявления возможностей; *генерация идей* — процесс генерации, разработки и тестирования идей, которые

могут привести к решениям; *реализация* — организация пути к рынку. Проекты будут возвращаться в эти пространства по мере уточнения идей и выбора новых направлений.

На примере разработки дизайна сайта показаны этапы его проектирования.

На **первом этапе** необходимо определить проблему и целевую аудиторию. Другими словами, формулируется задача.

На **втором этапе — исследовании** — собирается и анализируется информация по истории и проблемах проектирования продукта, основных потребителей, проводятся опросы общественного мнения, выявляются потенциальные проблемы. Исследование проводится для четкого понимания продукта или компании. Строится портрет целевой аудитории, затем на основании полученной информации анализируется продукция конкурентов.

Существуют первичное и вторичное исследование. В первичном исследовании анализируются результаты, полученные на этапе тестирования проектов, ранее выполненных с теми же или подобными клиентами. Таким образом выявляются эффективные стратегии проектирования и успешность разработанных решений. Вторичное исследование — это информация, полученная из отчетов об исследованиях потребительского рынка. Эта информация представляет данные о различных показателях определенных рынков и сегментов рынка, а также о его структурных особенностях.

Этап разработки идеи — это этап, на котором создаются потенциальные решения. На этом этапе формируется замысел. Команда разработчиков, используя полученную на этапе исследования информацию, методы мозгового штурма, анализа выдвигаемых идей и предыдущих удачных разработок, формулирует несколько перспективных идей, которые затем будут положены в основу принятых решений.

Прототипирование. Для дальнейшей проработки наиболее перспективных из этих решений может потребоваться создание прототипа, который дает возможность как проектировщикам, так и клиентам визуализировать будущий продукт, проработать дизайн. Здесь утверждается расположение визуальных элементов, текста, шрифтов, размеров, графики и т.п., формирующих фирменный стиль. Анализируется визуаль-

ное решение каждого блока сайта для удовлетворения потребности пользователей.

Визуальное оформление. На этом этапе подбираются конкретные иллюстрации, фотографии, графические объекты, иконки и выполняется так называемая отрисовка макета. Происходит коррекция цели проекта, анализ эмоций, которые должен вызывать продукт.

Этап выбора, на котором рассматриваются предлагаемые решения в соответствии с инструкцией по проектированию. Некоторые решения могут быть практичными, но не самыми лучшими с эстетической точки зрения.

Тестирование. Осуществляется обратная связь, анализируется мнение заказчика о деталях, которые возникли в процессе проработки и визуализации проекта. Тестирование осуществляется на протяжении всего процесса проектирования, т.к. необходимо оценивать, что достигнуто, направление дальнейшей работы, выявлять удачные или неудачные аспекты решения. «Очень важно получать обратную связь от компании и клиента, для которого делается работа, это помогает лучше ориентироваться в потребностях и делать какие-либо прогнозы на будущее» [Стрельникова В.Э., 2019, с. 13].

Плюсы такого подхода этот В.Э. Стрельникова видит в том, что «дизайн-мышление предполагает междисциплинарный подход к решению проблем путем обучения на практике.... Дизайн-мышление — это преимущественно дизайн-делание. Здесь поощряется постоянное движение и метод эксперимента» [Стрельникова В.Э., 2019, с. 14].

Концептуальные основы дизайна как профессиональной деятельности

Дизайнерская деятельность — это в первую очередь деятельность профессиональная, трудовая. Б.М. Кедров связывал мыслительное действие с трудовым, с появлением «в уме» идеализированного проекта того реального продукта, который и является результатом трудового процесса. Происходит мысленная трансформация, преобразование исходного образа в соответствии с идеальным проектом в тот или другой идеализированный предмет. Так, для понимания мышления важно, что его существенным компонентом является преобразование и трансформация образа. Результатом

манипулирования образами является порождение нового образа, в котором обнаруживаются новые свойства предметов, и который несет определенную смысловую нагрузку.

С точки зрения В.П. Зинченко и В.М. Мунипова, «образ — это целостное, интегральное отражение действительности, в котором одновременно представлены основные перцептивные категории (пространство, движение, цвет, форма, фактура и т.д.), причем, как хорошо известно из психологии восприятия, воздействие этих категорий на наблюдателя не является независимым. По мере формирования пространственного образа он наполняется предметными свойствами, облекается чувственной тканью и совместно с ней локализуется во внешнем пространстве» [Мунипов В.М., Зинченко В.П., 2001]. Как применить эти психологические научные знания об образе в реальной проектировочной деятельности? По мнению М. Бобневой, психологи могут «получать в своих исследованиях данные, которые позволяли бы им формировать образ будущей технической установки, лепить этот образ на основе знаний особенностей и возможностей человека, который будет включаться в систему» [Бобнева М., 1970, с. 299].

«Мысль, независимо от ее истинности или ложности, проявляет себя то в слове, то в образе, то в действии или в поступке, то во всем вместе и еще в чем-то неуловимом, таинственном» [Зинченко В.П., 2003]. Начало разработки дизайнерского проекта можно определить как принятие решения в проблемной ситуации. Каждый акт мысли вызывает изменение проблемной ситуации, а всякое изменение проблемной ситуации вызывает дальнейшее движение мысли. Так, еще классик отечественной психологии С.Л. Рубинштейн основу процесса решения видел в том, что «объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, ... из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание, он как бы поворачивается каждый раз другой стороной, в нем выявляются все новые свойства...» [Рубинштейн С.Л., 1958, с. 98–99].

В результате наблюдается перевод условий на предметный субъективный код, который, по-видимому, обеспечивает возможность транс-

формации, дополнения и преломления информации, поступающей в виде задачи, в соответствии с информацией, хранящейся в памяти. Такое видение условий проблемной ситуации можно классифицировать как образ проблемной ситуации. Об участии «образного» кода в процессе мышления пишут многие авторы. Д.Б. Богоявленская подчеркивает то, «что образный код не является однородным на выделяемых этапах овладения условиями задачи. На первом этапе он выступает как собственно предметный код, и с его помощью строится образ проблемной ситуации; на втором — как знаковый код, позволяя выделить собственно условия; на третьем — как знаково-символический код, с помощью которого осуществляется схематическое построение системы отношений данной проблемной ситуации» [Богоявленская Д.Б., 2008, с. 20].

В дизайне образ — это наглядное представление чего-либо, конечный продукт деятельности художников, архитекторов, дизайнеров. Как результат такого рода человеческой деятельности являются кодирующими самую разнообразную информацию знаками. Образ также можно представить как знак. Знак не тождественен слову. «Знаком являются связанные между собой три логических элемента: смысл (значение), слово (имя), предмет (вещь). Причем они образуют две отдельные стороны — умозрительный план содержания и материальный план выражения» [Шутимова Е.А., 2020]. Шутимова также считает, что в каждом конкретном проекте процесс генерирования дизайн-идеи индивидуален, единичен и создается методом смыслообразования тем дизайнером, который способен говорить на художественном языке. В.П. Зинченко отмечает, что смысл не столько является структурным компонентом двигательных, перцептивных, мнемических структур или соответствующих действий, направленных на решение тех или иных задач, сколько пронизывает перечисленные структуры. Выражаясь языком Л.С. Выготского, смысл обеспечивает их единство, порой достаточно противоречивое. При этом смысл входит в качестве направляющей их деятельности силы. И решение двигательных, равно как и мыслительных, задач состоит в том, чтобы реализовать, воплотить, выразить его.

Сравнительный анализ этапов творческого процесса и дизайн-проектирования

Интересен приведенный В.П. Зинченко [Зинченко В.П., 2010, с. 368–369] собирательный образ процесса творчества, в создании которого участвовали А. Пуанкаре, А.Бергсон, М.Вертегеймер, Б.М. Кедров, Д.Ю. Панов, Я.А. Пономарев, В.Н. Пушкин, В.М. Гордон и многие другие. В этом процессе выделяются следующие основные стадии:

- Возникновение темы — возникновение чувства неопределенности, напряженности, вызванные незнанием, как решить проблему. Эта стадия мобилизации творческих сил.
- Восприятие темы, анализ ситуации, осознание проблемы — попытки создания целостного образа проблемной ситуации и появление предчувствия будущего смыслового целого, смыслообраза. Другими словами, на этой стадии происходит кристаллизация проблемы, подлежащей решению.
- Решение проблемы — предпринимаются осознаваемые и неосознаваемые усилия. В результате происходит выдвижение идей и замыслов, формирование гипотез, а также создание специальных средств для решения проблемы. Это может быть визуализация проблемы, создание новых вариантов образно-концептуальных и знаково-символических моделей проблемной ситуации.
- Возникновение продуктивной идеи, образа — эйдоса решения, который осуществляется в процессе инсайта, озарения, механизмы которых до сих пор не определены.
- Исполнительная часть, которая реализуется как с помощью имеющихся в наличии технологических средств, так и с помощью соответствующего математического аппарата.

В.П. Зинченко подчеркивал, что «эта схема — не столько результат изучения, сколько экстракт, собирательный образ или обобщение того, что рассказано о собственной работе создателями произведений в сферах искусства, науки, техники» [Зинченко В.П., 2010, с. 370].

Если сравнивать этапы разработки дизайн-проекта и творческого процесса, можно увидеть много общего. Особенностью в первом случае является наличие конкретной задачи, которая формулируется, как правило, заказчиком с той или иной степенью определенности.

А во втором, как раз неопределенность диктует начало работы, проблема не лежит на поверхности, и надо приложить усилия, чтобы она стала осознанной.

* * *

Отечественный дизайн не случайно был включен в анализ взаимодействия языков науки и языков искусства в данной работе. Сравнение концептуальных и методологических подходов к дизайн-проектированию в нашей стране во второй половине прошлого века и современных, в том числе дизайн-мышления, показало, что в отечественном художественном конструировании были заложены многие идеи, которые сейчас используются в различных представлениях о реализации проектов.

В советском дизайне впервые было осуществлено участие в проектировании техники, промышленных изделий и другой продукции специалистов различных научных дисциплин. Таким образом, междисциплинарный подход стал реальностью, а также вошел в понятийный аппарат научной общественности. Преимущества командного подхода, коллективного регулирования, или *cooperation* в терминологии Тома Брауна, были показаны Г.П. Щедровицким. В качестве основного методологического приема организации деятельности дизайнеров он предлагал организационно-деятельностные игры, в основе которых лежала бы проблематизация. Он полагал, что проблематизация является основой для решения задач в самых разных видах исследовательской и проектной деятельности.

Существенным поворотом в современных представлениях о дизайне является отсутствие каких-либо деятельностных концепций. Особенности проектирования не рассматриваются в связи с деятельностью и даже с профессиональной активностью, как механизмом ее реализации, в то время как отечественный дизайн и эргономика, а в дальнейшем эргодизайн, был построен на системно-деятельностном подходе, который позволял рассматривать в единстве, в совокупности взаимосвязей деятельность субъекта труда, комплекс его самых разнообразных качеств, характеристики технических средств и среды [Эргодизайн промышленных изделий..., 2009].

Дизайн, несомненно, относится к творческим видам деятельности, для которых необхо-

димы, по мнению отечественных психологов того времени (Зинченко, Дружинин, Небылицин), развитая способность к ассоциативному мышлению и интуиции, воображение и эмпатия. Для концепции дизайн-мышления также важны интуиция и эмпатия, и, кроме того, вдохновение, способность к генерации идей, экспериментированию.

Общими принципами для рассматриваемых подходов в дизайне является ориентация на человека, его потребности, удобство пользования вещами, технологиями, реализацию его способностей и возможностей в самых разных областях жизнедеятельности, в том числе профессиональной, социальной, творческой. Рассуждая об эргодизайне, В.М. Мунипов отмечал в свое время, что он охватывает практически весь предметный мир человека, его окружение дома и в административных помещениях, во время отдыха, занятий спортом, учебе, любых других видах деятельности, имеет отношение к тому, с чем взаимодействуют люди и что их окружает, т.е. всей предметно-пространственной средой обитания людей [Мунипов В.М., 1997]. В концепции дизайн-мышления к этапу исследования привлекаются специалисты самых разных областей как науки, так и технологий. Дизайн-мышление может применяться в бизнесе, медицине, транспортной отрасли, и особенно в информационной и творческой области.

Такой подход с необходимостью приводит к появлению междисциплинарных взаимодействий, разработке концептуальных основ методологии междисциплинарности. Имеет смысл отметить, что с точки зрения методологических оснований междисциплинарности в дизайне и эргономике эта методология была с необходимостью востребована в 70-е гг. прошлого века, отрефлексирована и включена в принципы организации исследований и разработок [Степанова Г.Б., 2017].

Существенную роль в реализации методологии междисциплинарности несет в себе проективность как состояние, интенция на творчество, преобразования, поиск нового. Проективность рассматривается в разных контекстах, в том числе как характеристика направленности и включенности в поиск нестандартных решений разного рода неопределенных проблемных ситуаций, как способность к выработке новых целей, моделированию и, в конечном случае,

проектированию. Распространен взгляд на проективность в широком смысле как на все виды действий, связанных с созданием образов, моделей, прототипов будущих объектов (процессов) или их состояний. Это возможный вариант будущего состояния реальности. В этом смысле проект основан не только на анализе наличной ситуации и возможных вариантах ее преобразования, но и побуждении к деятельности по изменению реальности, созданию другой, новой действительности, удовлетворяющей потребности человека.

Список литературы

Бобнева М. Инженерная психология и дизайн // Вопросы технической эстетики: сб. ст. / под ред. Г.Б. Минервина и др. М.: Искусство, 1970. Вып. 2. С. 254–302.

Богомолова И.С. Дизайн-мышление: от названия к сути метода // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2023. № 4(65). С. 92–102. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/06_bogomolova.pdf (дата обращения: 21.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2023-4-92-102>

Богоявленская Д.Б. От образа к мысли // Теоретическое наследие Л.М. Веккера: на пути к единой теории психических процессов: материалы науч. симпоз., посвящ. 90-летию со дня рождения Л.М. Веккера / отв. ред. М.А. Холодная, М.В. Осорина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С. 16–25.

Зинченко В.П. Мысль и слово: подходы Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета (часть 1) // Психологическая наука и образование. 2003. Т. 8, № 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2003_n4/Zinchenko (дата обращения: 21.04.2024).

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.

Кантор К.М. Красота и польза. Социологические вопросы материально-художественной культуры. М.: Искусство, 1967. 279 с.

Кантор К.М. Пути изучения дизайна // Техническая эстетика. 1966. № 1. С. 2–4.

Мунипов В.М. Теория и практика эргодизайна: программа спецкурса // Психология труда и организационная психология. М., 1997. 200 с.

Мунипов В.М., Зинченко В.П. Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды: учебник. М.: Логос, 2001. 356 с. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/MZE-2001/MEC-001.HTM#p1> (дата обращения: 20.05.2023).

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 148 с.

Степанова Г.Б. Эргономика в СССР: опыт междисциплинарных исследований // Человек. 2017. № 1. С. 94–103.

Стрельникова В.Э. Дизайн-мышление как современный метод проектирования // Бизнес и дизайн ревью. 2019. № 4(16). URL: <https://obe.ru/journal/vypusk-2019-g-4-16-dekabr/strelnikova-v-e-dizajn-myshlenie-kak-sovremennuyj-metod-proektirovaniya/> (дата обращения: 21.04.2024).

Шутемова Е.А. Метод смыслообразования в дизайнпроектировании. 2020. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/257420/1/45-52.pdf> (дата обращения: 21.04.2024).

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1994. 800 с.

Эргодизайн промышленных изделий и предметно-пространственной среды: учеб. пособие / под ред. В.И. Кулайкина, Л.Д. Чайновой. М.: Владос, 2009. 311 с.

Brown T. Design Thinking // *Harvard Business Review*. 2008. June. URL: <https://readings.design/PDF/Tim%20Brown,%20Design%20Thinking.pdf> (accessed: 21.04.2024).

References

Bobneva, M. (1970). [Engineering psychology and design]. *Voprosy tekhnicheskoy estetiki, pod red. G.B. Minervina i dr.* [G.B. Minervina et al. (eds.) Issues of Technical Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., iss. 2, pp. 254–302.

Bogomolova, I.S. (2023). [Design thinking: from the name to the essence of the method]. *Architecture and Modern Information Technologies*. No. 4(65), pp. 92–102. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/06_bogomolova.pdf (accessed 21.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2023-4-92-102>

Bogoyavlenskaya, D.B. (2008). [From image to thought]. *Teoreticheskoe nasledie L.M. Vekкера: na puti k edinoy teorii psikhicheskikh protsessov: Materialy nauchnogo simpoziuma, posvyaschennogo 90-letiyu so dnya rozhdeniya L.M. Vekкера* [The theoretical heritage of L.M. Wecker: On the Way to a Unified Theory of Mental Processes: Proceedings of a Scientific Symposium Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of L.M. Wecker]. St. Petersburg: SPbU Publ., pp. 16–25.

Brown, T. (2008). Design thinking. *Harvard Business Review*. June. Available at:

<https://readings.design/PDF/Tim%20Brown,%20Design%20Thinking.pdf> (accessed 21.04.2024).

Kantor, K.M. (1966). [Ways of studying design]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics]. No. 1, pp. 2–4.

Kantor, K.M. (1967). *Krasota i pol'za. Sotsiologicheskie voprosy material'no-khudozhestvennoy kul'tury* [Beauty and benefit. Sociological issues of material and artistic culture]. Moscow: Iskusstvo Publ., 279 p.

Kulaykin, V.I. and Chaynova, L.D. (eds.) (2009). *Ergodizayn promyshlennykh izdeliy i predmetno-prostranstvennoy sredy* [Ergodesign of industrial products and subject-spatial environment]. Moscow: Vldos Publ., 311 p.

Munipov, V.M. (1997). [Theory and practice of ergodesign: special course program]. *Psikhologiya truda i organizatsionnaya psikhologiya* [Labor psychology and organizational psychology]. Moscow: MSU Publ., 200 p.

Munipov, V.M. and Zinchenko, V.P. (2001). *Ergonomika: chelovekoorientirovannoe proektirovanie tekhniki, programmnykh sredstv i sredy* [Ergonomics: Human-centered design of technology, software and environment]. Moscow: Logos Publ., 356 p. Available at: <http://psychlib.ru/mgppu/MZE-2001/MEC-001.HTM#p1> (accessed 20.05.2023).

Rubinstein, S.L. (1958). *O myshlenii i putyakh ego issledovaniya* [About thinking and ways of its research]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 148 p.

Shchedrovitsky, G.P. (1994). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Shkola Kul'turnoy Politiki Publ., 800 p.

Shutemova, E.A. (2020). *Metod smysloobrazovaniya v dizaynproektirovanii* [Method of meaning formation in design]. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/257420/1/45-52.pdf> (accessed 21.04.2024).

Stepanova, G.B. (2017). [Ergonomics in the USSR: the experience of multidisciplinary research]. *Chelovek* [Human Being]. No. 1, pp. 94–103.

Strel'nikova, V.E. (2019). [Design thinking as a modern design method]. *Biznes i dizayn rev'yu* [Business and Design Review]. No. 4(16). Available at: <https://obe.ru/journal/vypusk-2019-g-4-16-dekabr/strelnikova-v-e-dizajn-myshlenie-kak-sovremennyyj-metod-proektirovaniya/> (accessed 21.04.2024).

Zinchenko, V.P. (2003). [Thought and word: Approaches of L.S. Vygotsky and G.G. Shpeta (part 1)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 8, no. 4. Available at: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2003_n4/Zinchenko (accessed 21.04.2024).

Zinchenko, V.P. (2010). *Soznaniye i tvorcheskij akt* [Consciousness and the creative act]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 592 p.

Об авторе

Степанова Галина Борисовна
кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: gbstepanova@gmail.com
ResearcherID: B-9066-2018

About the author

Galina B. Stepanova
Candidate of Psychology, Senior Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: gbstepanova@gmail.com
ResearcherID: B-9066-2018

УДК 111.85

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-180-191>

EDN: DGAGVY

Поступила: 01.05.2024

Принята: 24.05.2024

Опубликована: 04.07.2024

КАК НАСВИСТЕТЬ ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ ВЫСКАЗАТЬ

Михайлов Игорь Феликсович

Институт философии РАН (Москва)

Языки искусств непросты для исследования, поскольку, даже если их синтаксис поддается анализу, их семантика составляет сложную проблему. Естественный дескриптивный язык с его семантикой как референцией к внешней предметности не работает в качестве модели для этой области, поскольку, во-первых, в этом случае теряется специфика искусства как такового, а во-вторых, такая модель не применима к музыке, сюрреалистической живописи и авангардной поэзии. Понимание художественных символов как напрямую отсылающих к человеческим эмоциям также не может лечь в основу семантической теории искусств, поскольку связь между выразительными средствами и эмоциями может оказаться естественной, а не конвенциональной, что противоречит самой идее знака-символа. Правильный путь может указать концепция экземплификации, предложенная в свое время Нельсоном Гудманом, в рамках которой некоторый объект, имеющий некоторую естественную общность с обозначаемым — например, цвет, — находится в отношении обратной референции с термином или понятием, семантически указывающим на этот предмет. Однако такое семантическое решение не выглядит достаточным в случае «беспредметных» искусств, например, музыки, поскольку не отвечает на вопрос о характере самого обозначаемого. В качестве возможного решения предлагается концепция «показывания», которую в качестве альтернативы «высказыванию» предложил Людвиг Витгенштейн в «Логико-философском трактате». Высказывание и показывание рассматриваются там как взаимоисключающие: то, что показывается в знаках языка, не может быть выражено посредством языка. Помимо логической формы, предметом показывания может быть «граница мира», понимаемая Витгенштейном как синоним «метафизического субъекта». Общим в показывании логической формы и границы мира является «способ проекции». Таким образом, музыкальная фраза как образец в рамках отношения экземплификации указывает на способ проекции мира, сдвигающий его границу и соответствующим образом изменяющий «переживание мира как целого».

Ключевые слова: язык, искусство, семантика, экземплификация, символ, образец.

Для цитирования:

Михайлов И.Ф. Как насвистеть то, что нельзя высказать // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 180–191. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-180-191>. EDN: DGAGVY

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-180-191>

Received: 01.05.2024

Accepted: 24.05.2024

Published: 04.07.2024

HOW TO WHISTLE SOMETHING THAT CAN NOT BE SAID

Igor F. Mikhailov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Art languages are not easy to study because, even if their syntax can be analyzed, their semantics poses a difficult problem. Natural descriptive language with its semantics as a reference to external objectivity

does not work as a model for this area because, firstly, in this case the specificity of art as such is lost, and secondly, such a model is not applicable to music, surrealist painting, and avant-garde poetry. Understanding artistic symbols as directly referring to human emotions also cannot form the basis of a semantic theory of art since the connection between expressive means and emotions may turn out to be natural and not conventional, which contradicts the very idea of a sign-symbol. The right path can be indicated by the concept of exemplification, proposed by Nelson Goodman. Within this concept, some object that has some natural commonality with the signified — for example, color — is in a relationship of back reference with a term or concept that semantically refers to this object. However, such a semantic solution does not seem sufficient in the case of such «non-objective» arts as music since it does not answer the question about the nature of the signified itself. As a possible solution, the concept of «showing» is proposed, which, as an alternative to «saying», was put forward by Ludwig Wittgenstein in his *Tractatus Logico-Philosophicus*. Saying and showing are seen there as mutually exclusive: what is shown in the signs of language cannot be expressed through language. In addition to the logical form, the object of showing can be the «limit of the world», understood by Wittgenstein as a synonym for the «metaphysical subject». What is common in showing the logical form and the limit of the world is the «method of projection». Thus, a musical phrase as an example within the relation of exemplification indicates a way of projecting the world that shifts its limit and accordingly changes the «experiencing of the world as a whole».

Keywords: language, art, semantics, exemplification, symbol, pattern.

To cite:

Mikhailov I.F. [How to whistle something that can not be said]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 180–191 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-180-191>, EDN: DGAGVY

В ситуации стандартного «интеллигентного» общения, когда речь заходит об искусстве, мы иногда (а кто-то и часто) высказываем суждения, претендующие на общезначимость: что-то является «истинной» музыкой-литературой-живописью, а что-то только притворяется ими, рассчитывая на публику с не до конца сформированным вкусом. Строго говоря, истина — категория семантическая, и, следовательно, предметы наших суждений должны обладать некоторой семантикой, чтобы обнаруживать свойство истинности хотя бы в некоторых своих проявлениях.

При этом мы легко можем впасть в заблуждение в случае с вербальными видами искусств — литературой, театром, кино, поскольку там используется естественный язык, обладающий семантикой по определению. Тогда возникает искушение предположить, что «истинными» произведениями в этих жанрах должны считаться те, в которых авторы или персонажи изрекают истинные суждения. Причем, коль скоро мы говорим об искусстве, а не о науке, то речь не может идти об описательных истинах о мире: что куда впадает, сколько народу живет в городе N и т.п.

Наивный читатель или зритель будет ждать важных, «смысложизненных», «экзистенциальных» истин, мостя тем самым короткий путь к банальностям и морализаторству. Напротив, зритель или читатель, наделенный вкусом, будет ожидать чего-то такого, что в случае вербальных искусств, за недостатком более точных слов, мы назовем «поэтичностью» (она встречается и в кино, как мы знаем), в изобразительных искусствах назовем «живописностью», а в аудиальных — «музыкальностью». Моя интуиция подсказывает, что все три ипостаси являют собой нечто одно, ради чего, собственно, и существует всякое искусство.

Это нечто относится не к предмету, а к способу выражения. Редко удается художнику создать принципиально новую предметность — литературная фантастика и сюрреалистическая живопись суть немногие примеры такой возможности. И музыка — особая история с особой предметностью. Но во всех искусствах художественный эффект достигается именно мастерски выбранным или найденным способом отображения иногда самых привычных предметов и расхожих фактов или нестандартного применения ранее многократно использован-

ных тональных последовательностей. Ввиду сравнительно меньшей чувствительности автора к художественным достоинствам изобразительных искусств, далее кратко будут рассмотрены вопросы поэтичности и сравнительно подробно — вопросы музыкальности. И то, и другое — как свойства семантики соответствующих художественных языков.

1. Поэтичность

У каждого из нас, наверно, есть некое интуитивное представление о том, чем настоящее искусство отличается от всего остального: от ненастоящего искусства или от не-искусства. У меня тоже есть определенное представление на этот счет, которое связано с тем, что в произведениях настоящего искусства — может быть, за исключением музыки, которая являет собой особую реальность, — в подлинно художественных произведениях обычные средства выражения, такие как, например, естественный язык, используются немного иным способом, в рамках, быть может, несколько иной семантики — или, лучше сказать, в рамках несколько иных семантических правил. И интересно было бы рассмотреть, в чем заключаются эти правила. У меня нет окончательного ответа, но есть некоторые догадки относительно того, какими путями могло бы идти такое исследование.

Начну с примера. Мы все со школьных лет знаем это стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...

Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?..

А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... Но кого же?.. На время — не стоит труда,

А вечно любить невозможно.

В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:

И радость, и муки, и все там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг

Исчезнет при слове рассудка;

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —

Такая пустая и глупая шутка...(1840)

У кого-то эти строки находят душевный отклик, у иных, возможно, в меньшей степени. Но возможно ли спросить: являются ли эти строки *настоящей* поэзией? Для меня ответ очевиден. И он отрицателен. При всем уважении к Михаилу Юрьевичу, именно этот рифмованный текст поэзией в собственном смысле слова в моем представлении не является. Поэзия — это то, что должно быть поэтично. Но никакой поэтики я в этом тексте не нахожу. Я вижу перечисление фактов мира, движений души лирического героя, описанных в констатирующем ключе, и более ничего. Без ритма и рифм это было бы одномерное прозаическое рассуждение не самого глубокого свойства.

В качестве контраста я предложил бы рассмотреть другое стихотворение, Осипа Мандельштама:

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных. (1930)

Понятно, что переключка «детских припухлых желез» и «рыбьего жира» — это аллюзия к детской болезни, известной в прошлом как «свинка», лечением и профилактикой которой и был рыбий жир. Протагонист вернулся в Ленинград, потому что «глотает рыбий жир» его речных фонарей, грея себя воспоминаниями детства. Эти фонари — влекущий воспоминаниями о семейных завтраках: «желток» на фоне «зловещего дегтя», таящего смертельную опасность. Но о том, что он не хочет умирать, протагонист сообщает Петербургу. Более того, именно в Петербурге он слышит «мертвецов

голоса». Оппозиция «Ленинград – Петербург» — это очевидное противопоставление земли живых и царства Аида. Ну и, наконец, последняя концептуальная пара: «вырванный с мясом звонок» и «кандалы цепочек дверных». С одной стороны, в первом случае метафора «мяса» описывает входной звонок, который от времени повис на проводах, поскольку за ним давно не ухаживали. Но сравнение дверной цепочки с кандалами уточняет аллюзию: речь идет об арестах и пытках, следующих за ночным визитом «дорогих гостей».

Мандельштам, следуя методу Лермонтова, мог бы написать просто: я вернулся в Ленинград, но вокруг репрессии, людей сажают и убивают, и уже никого не осталось из моих знакомых — одни только телефонные номера в устаревших телефонных книгах, и меня ждет та же судьба. Будучи зарифмован, этот текст почитался бы некоторыми за поэзию и даже больше пришелся бы по вкусу, чем актуальная версия.

2. Музыкальность

Хотя мы видим многочисленные эмпирические подтверждения глубокой взаимосвязи между музыкой и языком (см., напр., [Brown S. et al., 2006; Slevc L.R. et al., 2009; Tillman B., 2012]), нам до сих пор не хватает удовлетворительной концептуальной основы, которая помогла бы увидеть проблему должным образом. В новаторской книге «Языки искусства» Нельсон Гудман строит теорию «музыки как языка» вокруг ключевой концепции референции, которая представляет собой ситуацию, когда одна вещь «замещает» другую. Гудман рассматривает два основных способа референции, один из которых представляет собой денотацию, а другой — то, что он называет экземплификацией. По его словам, «экземплификация — это обладание (свойством) плюс отсылка (к предмету). Иметь, не символизируя, — значит просто обладать, а символизировать, не имея — значит обозначать по-иному, нежели путем приведения примеров» [Goodman N., 1976, p. 53]. Денотация определяется как отношение между меткой, например, «стол» или «доска для приема пищи», и обозначаемым предметом. Экземплификация демонстрирует более сложное отношение, в рамках которого, скажем, образец ткани от портного участвует в своего рода об-

ратной референции к метке «красный», которая, в свою очередь, указывает на красный цвет. Только в этом случае можно сказать, что образец ткани экземплифицирует красный цвет или, другими словами, является его токеном. Образцы оказываются избирательными в том смысле, что они представляют не все свойства объекта, а только те, для которых устанавливается референциальное отношение — например, цвет и текстура, но не размер и форма. Свойства, выбранные для образца, зависят от контекста: так, цвета и текстуры предопределены в системе индивидуального пошива, в отличие от размера и формы [Goodman N., 1976, p. 52–57].

По Гудману, синтаксические правила любой конкретной знаковой системы составляют ее *символическую схему*, поскольку ясно указывают, какие комбинации знаков приемлемы. Что касается семантических правил, то они определяют *символическую систему* путем указания соответствующих способов отсчета. Исходя из этих определений, Гудман формулирует два синтаксических правила для обозначения схемы:

(1) Все компоненты знака должны быть несвязанными и взаимозаменяемыми. Например, в партитуре любой символ четвертной ноты можно заменить на любой другой [Goodman N., 1976, p. 132–134].

(2) Чтобы быть проверяемой, несвязанность должна обеспечить *конечную дифференцируемость* знаков, что означает, что между любыми двумя знаками всегда существует определенное и счетное число других знаков. В этом отношении нотационные системы противопоставляются *плотным*, хорошим примером которых является живопись. В плотных системах любые два символа могут иметь бесконечное количество других символов между ними. Легко видеть, что нотационные системы, по существу, напоминают цифровые репрезентации¹.

Еще одно важное аналитическое различие, которое вводит Гудман, — это различие *автографического* и *аллографического* искусства. Это различие основано на важности истории произведения искусства. Если личность создателя, время и обстоятельства его создания

¹ См. [Goel V., 1991], где представлено интересное применение этой части теории Гудмана к некоторым проблемам когнитивной науки.

имеют существенное значение для идентификации какого-либо произведения как уникального и подлинного, тогда оно относится к автографическому типу. Это свойство лучше всего представлено в живописи и скульптуре, где только один экземпляр произведения может быть идентифицирован как настоящий. Напротив, если произведение искусства сохраняется как сценарий или партитура, допускает более одного экземпляра, каждый из которых считается подлинным образцом одного и того же произведения, то оно аллографично, как, например, музыка, танец, театр, литература и архитектура.

Здесь мы видим существенную связь между тем или иным способом идентификации произведения искусства с его нотационностью: музыкальная партитура, отличающаяся ясными и конечными символическими схемами, позволяет создавать несколько экземпляров одной и той же работы без потери ее подлинности.

В этой части нашей дискуссии представляется привлекательной трактовка музыки как своеобразного языка с довольно сложным синтаксисом, проанализированным Гудманом и его критиками, но без функции денотата. Отсутствие семантики в традиционном значении термина компенсируется функцией выразительности, т.е. способностью вызывать феноменальные переживания определенных видов, тем самым экземплифицируя их. Именно это роднит музыку с выразительными словесными искусствами, такими как, например, авангардная поэзия.

Может показаться интересным, что некоторые критики Гудмана [Voertz B., 1970; Pearce D., 1988] отмечали, что его теория референции ничего не говорит о выразительности в музыке. Признавая актуальность некоторых частей его анализа, особенно различие между аллографией и автографией, они утверждали, что ее интеграция с его теорией экземплификации лишает музыку любой выразительной силы.

Но в чем состоит разница между обозначением и выражением? Слово «грусть» обозначает определенную эмоцию, а грустная мелодия выражает ее. Можем ли мы заменить одно на другое в соответствующем контексте? Да, мы можем представить себе игру, где все термины, относящиеся к эмоциям, заменены музыкальными фразами. Но нечто решительно важное для ги-

потезы «музыки как языка» показывает тот факт, что такое общение рассматривается как игра с неизбежными догадками и ошибками. Она не гарантирует надежной коммуникации.

В книге, которую многие считают классикой когнитивных исследований музыки, Лердал и Джекендофф утверждают, что «теория музыки занимает место среди традиционных областей когнитивной психологии, таких как теории зрения и языка» [Lerdahl F., Jackenoff R.S.A., 1996, p. 2]. Тем не менее, они, похоже, весьма скептически относятся к тому, что может привести к отождествлению языка с музыкой: «что бы музыка ни “значила”, ее ни в коем случае нельзя сравнивать с лингвистическим деятельностью значением; в мире нет музыкальных явлений, сравнимых со смыслом и референцией, или с таким семантическими категориями, как синонимия, аналитичность и следование» [Lerdahl F., Jackenoff R.S.A., 1996, p. 5]. По их мнению, музыка не имеет очевидной семантики, что затрудняет ее анализ средствами лингвистики.

И в самом деле, мы не должны ограничиваться эмоциями как предполагаемым денотатом музыкального знака. Как отметила Дженнифер Робинсон, теория экземплификации Гудмана позволила теоретикам гуманитарных наук концептуализировать выражение качеств, которые метафорически выражаются произведениями искусства, но не являются именно эмоциональными [Robinson J., 2000, p. 216]. Действительно, то, что можно показать с помощью музыки, — это не только аффекты и эмоции. Мы часто сталкиваемся с разного рода иллюстративными музыкальными произведениями (ср. «Петя и волк» Прокофьева или саундтреки к старым кинофильмам).

Сложный синтаксис музыки позволяет имитировать различные природные или социальные процессы, где ритм и темп определяют скорость, а мелодия и гармония — знаки настроения имитируемой сцены. Но все же эта «эмоциональная» интерпретация музыкальной семантики представляется наиболее очевидной, заманчивой и, что особенно важно, достаточной для наших целей. Актуальность этой интерпретации зависит от того, определена ли сама связь между музыкальной фразой и эмоцией по своей природе или установлена соглашением. Мы должны принять во внимание, что ре-

зультатов когнитивных исследований пока недостаточно, чтобы определить, что является врожденным, а что — культурно приобретенным в восприятии музыки.

Концептуально следует различать два варианта: в рамках одного из них семантическая связь устанавливается по соглашению; в рамках другого она вызывается естественными причинами. В первом случае едва ли возможно сохранить эту связь устойчивой, поскольку «что бы ни показалось мне правильным, будет правильным»² [Wittgenstein L., 2009, §257], что опровергает идею «музыки как языка», если она основана на эмоциональной семантике. Во втором случае эмоция есть прямое следствие музыкального высказывания, выступающего его причиной. Как я уже отмечал ранее, этот вариант разрушает саму концепцию значения применительно к этим обстоятельствам, поскольку никакой естественный эффект высказывания не должен пониматься как его семантика. Но сильная причинно-следственная связь между мелодией и эмоцией может помочь первой служить образцом, согласно теории экземпляфикации Гудмана. Этот тип семантического отношения отчасти естественен — поскольку образец должен быть физически связан с тем, что он экземплифицирует, и мы не можем изменить это сходство по соглашению, — но отчасти произвольным, т.к. человек выбирает, какие свойства образца и объекта являются важными частями референции, и какие из них можно игнорировать. Как представляется, этот подход сохраняет правильный баланс между естественным и конвенциональным, поскольку семантические связи должны быть установлены в какой-то степени произвольно.

3. От письменной партитуры к озвучиванию нот

Хотя теория музыкальной референции Гудмана интересна и детально разработана, она все еще удерживает нас от достижения цели нашего исследования, т.е. от понимания самой музыки как своего рода языка. Во-первых, точка зрения Гудмана предполагает, что именно музыкальная партитура рассматривается как символиче-

ская система, а реальные звуковые волны суть ее смысловое поле. Рассматривать партитуру как язык, семантика которого обнаруживается в сфере реальных музыкальных звуков, — это все равно, что воспринимать буквы как язык, который интерпретируется на области устной речи.

Во-вторых, схема Гудмана предполагает, по крайней мере, частичное наличие естественной причинно-следственной связи, поскольку образец, чтобы участвовать в семантическом отношении, должен или разделять обозначаемый признак с денотатом (как образец ткани от портного), или вызывать его как естественное следствие (как грустная или веселая мелодия). Но если бы эмпирическое исследование пришло к выводу, — что вполне возможно, — что связь между мелодией и эмоцией исключительно условна, то такая схема не была бы достаточно надежной, чтобы быть моделью языка.

Я бы предложил простой выход, позаимствованный из витгенштейновской аналогии музыкальных партитур, реальных звуков и канавки граммофонной пластинки [Wittgenstein L., 1974, 4.014]. Как мы знаем, он использовал эту аналогию, чтобы проиллюстрировать то, называл «логической формой» — то, что обще всем трем указанным средам. Я бы уточнил, что, будучи структурно изоморфными друг другу, партитура, звуки и канавки граммофонных пластинок находятся в разных отношениях: написанные знаки относятся к звукам в том же смысле, что и любая символическая система, но физическая форма граммофонной канавки вызывает звуки естественным образом и не может рассматриваться как средство обозначения. Но для нас достаточно самого факта логического, а следовательно, нотационного изоморфизма партитуры и звуковых волн. Это означает, что мы можем рассматривать сами конечным образом структурированные звуки музыки как символическую систему с определенным синтаксисом и потенциально заданной семантикой, при этом письменная партитура может быть рассмотрена как своего рода язык второго порядка. Существует очевидный логический изоморфизм между обеими средами, позволяющий однозначно идентифицировать звуковые символы и их интерпретацию на том или ином семантическом поле. Другими словами, если партитура является

² Это часть известного аргумента Витгенштейна против возможности «приватного» языка.

языком (а по мнению Гудмана, это так и есть), то тот факт, что партитура и музыкальные звуки обладают нотационностью и, более того, нотационно изоморфны, позволяет звуковому материалу также рассматриваться как язык, при этом весь аналитический аппарат Гудмана применим в рамках этой точки зрения.

Таким образом, не только партитуру, но и само звучание музыки можно рассматривать как вид языка. Приписывая ему нотационность, мы утверждаем, что как язык оно может иметь некоторую семантику. Итак, теперь нам необходимо выделить тот или иной вид семантического отношения к миру для музыки.

4. Высказывание и показывание

Некоторые намеки, которые, возможно, помогут нам справиться с возражениями против Гудмана, как представляется, могут быть обнаружены «Трактате» Витгенштейна. Я имею в виду его ясное различие «высказывания» и «показывания» применительно к языку. Иронизируя над витгенштейновским понятием невыразимого, Фрэнк Рэмзи однажды заметил: «То, что мы не можем сказать, мы не можем сказать, но мы не можем и насвистеть это» [Ramsey F.P., 1931, p. 238], явно намекая на известную способность автора «Трактата» насвистывать сложные мелодии. Это одно из многих «случайных» упоминаний музыки в дискуссиях о семантике за пределами эстетики, что позволяет нам сосредоточиться на предполагаемых семантических различиях между языком и музыкой.

В известной модели Витгенштейна элементарные знаки языка связаны с объектами в мире посредством референции, а предложения ставят элементарные знаки в такие отношения друг с другом, которые каким-то образом «соответствуют» конкретным отношениям объектов в мире; такие отношения представляют собой факты. Вот почему элементарные знаки (например, слова) относятся к объектам, а предложения «изображают» факты (положения дел): «Предложение *показывает* свой смысл. Предложение *показывает*, как обстоят дела, если оно истинно. И оно *говорит*, что они обстоят именно так» [Wittgenstein L., 1974, 4.022].

Витгенштейн здесь очень точен терминологически. Он нигде не говорит о предложении, что оно «отсылает» к факту или даже «обозна-

чает» его. Семантически отношение предложения к факту не имеет ничего общего с референцией или даже значением: «*der Sinn*» переводится на английский как «*sense*» с присущей этому слову двусмысленностью, указывая не только на некий смысл, но и на некое непосредственное усмотрение.

По Витгенштейну, смысл предложения схватывается без всякого рассуждения или объяснения, в отличие от значения знака [Wittgenstein L., 1974, 4.021, 4.026]. Если значения знаков, составляющих предложение, изучаются или объясняются, смысл предложения виден непосредственно. Таким образом, логический изоморфизм предложения и факта напоминает сходство между картиной и изображенным объектом: и то, и другое самоочевидно — в этом и состоит суть «картинной» теории языка [Wittgenstein L., 1998] Витгенштейна. Поэтому понимание языка, как оно изображено в «Трактате», требует хотя бы некоторых экстралингвистических способностей.

То, что предложение говорит что-то истинное или ложное относительно релевантного факта, является функцией его составляющих, которые относятся к объектам, которые, в свою очередь, составляют факт. Между предложением и фактом, таким образом, существует корреспондентное отношение.

Референция является предметом соглашения: не существует естественной силы, которая связывала бы воедино слово и вещь. Но когда все эти обычные настройки выставлены, и мир сегментирован на объекты и их отношения, нам просто нужно увидеть, что эти самые объекты находятся в этом самом отношении, и принять этот факт во внимание. Этот означает, что мы не можем произвольно избежать этой связи или переустановить ее.

Насколько я могу судить, знаменитое «показывание» Витгенштейна по существу похоже на экстралингвистическое восприятие положения дел: то, что предложение логики является тавтологией, изображается его знаками и воспринимается наглядно таким же образом, как некто воспринимает тот факт, что данная река впадает в данное море. В терминах Гудмана можно было бы сказать, что предложение — это своего рода образец факта: как образцу приписывается то же качество, что и соответствующему рулону ткани, так и предложение

содержит то же самое отношение, что и факт. Но формулировка Витгенштейна значительно тоньше, потому что если бы это было не так, мы могли бы считать, что предложение «Иван — брат Петра» имело смысл только в том случае, если бы слова «Иван» и «Петр» стояли в таком же братском отношении друг к другу, как и их денотаты. Вместо этого он говорит: «Конфигурация объектов в ситуации *соответствует* (выделено нами. — И.М.) конфигурации простых знаков в пропозициональном знаке» [Wittgenstein L., 1974, 3.21].

Это важное различие. Потому что, по мнению Гудмана, образец имеет некоторую естественную общность с тем, что он иллюстрирует: мы бы не сказали, что красный цвет образца *соответствует* цвету ткани. Это их общее естественное свойство. Но соответствие может быть установлено и по соглашению. Возможно, здесь можно увидеть прямой путь от «раннего» Витгенштейна к «позднему»: соответствие предложения факту может быть определено внутри языковой игры как социальный институт.

На мой взгляд, теория Витгенштейна богаче теории Гудмана, поскольку она опирается на понятие «проекции» [Wittgenstein L., 1974, 3.11–3.13], включающее в себя ее метод (правила или способ), причем этот метод определяет то, что называется «мыслью», стоящей за предложением. Возьмем картину — в буквальном смысле слова — как пример. Тот факт, что мы воспринимаем образ как похожий или напоминающий определенную сцену, — это эмпирический вопрос, которым занимаются когнитивные и нейронауки, чьи отчеты могут представить нам то, что мы могли бы назвать естественными правилами проекции. Но предположим, что мы собираемся сохранить изображение в виде файла. Программа, которую мы используем, разделит изображение на пиксели и сохранит двоичные данные, описывающие их местоположение и цвет вместе с техническими данными, такими как разрешение. Этот файл будет храниться на нашем жестком диске в определенной физической форме и затем будет отправлен кому-то по интернет-каналам как строка двоичных данных. Согласно «картинной» теории Витгенштейна, все эти различные физические системы на самом деле являются проекциями одной и той же сцены (факта), из которых одна является пространственной про-

екцией, а остальные — логическими, линейными, двумерными или любыми другими. И некоторые из них, чтобы восприниматься как образ, требуют правил, условностей и специальных технических инструментов.

Чтобы прояснить идею проекции, Витгенштейн возвращается к своей музыкальной аналогии: «Существует общее правило, согласно которому музыкант может сыграть симфонию по партитуре, согласно другому можно вывести симфонию из формы канавки граммофонной пластинки и, используя первое правило, снова вывести партитуру. Вот что составляет внутреннее сходство между этими вещами, которые кажутся построенными совершенно по-разному. И это правило — закон проекции, который проецирует симфонию в язык нотной записи. Это правило для перевода этого языка на язык граммофонных пластинок» [Wittgenstein L., 1974, 4.0141].

Если партитура является проекцией музыкального произведения, то способ проецирования произведения есть «мысль». Тогда, построить семантику музыки означает продемонстрировать, что музыкальное произведение может быть представлено как своего рода проекция.

Однако кажется, что Витгенштейн говорит по крайней мере о двух различных видах «показывания». Одним из них является способность предложения показать картину факта (который составляет его смысл). В этом отношении он говорит, что знаки могут «отражать» логическую форму, которая является общей для предложений и фактов [Wittgenstein L., 1974, 4.121], и это вполне рутинное отношение в функционировании языка.

Другой вид определяется идеей видения мира как ограниченного целого [Wittgenstein L., 1974, 6,45]. Если элементарное предложение представляет собой логическую картину атомарного факта, а сложное предложение — это молекулярный факт, тогда язык в целом должен представлять собой картину мира как ограниченного целого. Но попытка высказать, что может изображать эта картина, приводит к *мистическому*: в то время как отдельные предложения рассказывают, как обстоят дела в мире, язык в целом показывает, что мир *есть*, что является мистическим [Wittgenstein L., 1974, 6.44].

Все попытки выразить это откровение и его производные (бесконечность, бессмертие, высшее существо, ценности и т.д.) в виде отдельных предложений, согласно Витгенштейну, приводят к бессмысленным высказываниям: «Если бы существовал закон причинности, его можно было бы сформулировать следующим образом: существуют законы природы. Но этого, конечно, нельзя высказать: оно дает о себе знать» [Wittgenstein L., 1974, 6.36]. Или это могут быть попытки выразить некоторые философские позиции: «Ибо то, что имеет в виду солипсист, совершенно правильно; только это не может быть сказано, а показывается само собой. Мир — это мой мир: это проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который я понимаю) означают пределы моего мира» [Wittgenstein L., 1974, 5.62].

И, суммируя: «Действительно, есть вещи, которые невозможно выразить словами. Они проявляют себя. Это мистическое» [Wittgenstein L., 1974, 6.522].

Последнее высказывание допускает обобщенную интерпретацию, согласно которой этические требования, естественные законы и философские истины — все это включено в понятие мистического. Но, так или иначе, «сказать» и «показать» взаимно исключают друг друга: «То, что выражается в языке, мы не можем выразить посредством языка» [Wittgenstein L., 1974, 4.121]. «То, что можно показать, нельзя высказать» [Wittgenstein L., 1974, 4.1212].

5. Перемещение границы

Кто-то, может быть, склонен полагать, что определенная эмоция выражается музыкальным произведением точно так же, как логическая форма выражается в предложении в смысле Витгенштейна; оба эффекта вызваны наблюдаемым фактом, который находится не в мире в собственном смысле, т.е. в не мире вещей, а в мире символов. И точно так же, как предложение ничего не говорит о своей логической форме, музыкальное произведение ни о чем не говорит, но показывает многое относительно того, о чем мало что можно сказать.

Концептуальную основу для такой точки зрения можно найти в готовом виде в Трактате. Витгенштейн говорит, что *метафизический субъект* — это не часть мира, а скорее его граница [Wittgenstein L., 1974, 5.632]. Этика не

производит осмысленных предложений: не может быть предложений этики [Wittgenstein L., 1974, 6.42]. Скорее, она сдвигает границы мира: «Мир счастливого человека отличается от мира несчастного» [Wittgenstein L., 1974, 6.42].

С изменением этической позиции субъекта мир «должен, так сказать, прибывать и убывать, как целое» [Wittgenstein L., 1974, 6.42]. Этику невозможно выразить словами, и в то же время этика и эстетика — одно и то же [Wittgenstein L., 1974, 6.421].

Из этих предпосылок легко сделать вывод, что эстетика (вместе со всеми искусствами) принадлежит невыразимому, функция которого состоит в том, чтобы сдвинуть границы мира субъекта. Но что это за «сдвиг границы»? Определяет ли эта граница количественные показатели мира или количество содержащихся в нем фактов? Такое предположение не соответствует взгляду Витгенштейна, потому что мир «определяется фактами и тем, что это все факты» [Wittgenstein L., 1974, 1.11]. Важно, что нельзя прибавлять и вычитать факты из мира. Но если факты являются единственными составляющими мира, и их число не может быть увеличено или уменьшено, тогда как же мир может увеличиваться и убывать? Существует искушение воспользоваться историей с «возможными мирами», т.к. «счастливый человек» в общем доволен реальным миром, а несчастному многого не хватает, поэтому его мировидение обрастает идеями возможных лучших миров. Но, опять же, это не соответствует «Трактату», поскольку Витгенштейн, похоже, не допускает множества миров или языков: вся книга посвящена отношению *языка* как типа к *миру* как типу. И тогда откуда же эти флуктуации мира?

Вспомним, что предложения — это проекции фактов. Мы не можем добавить факты, но мы легко можем добавить проекции. Мы можем отразить мир с помощью фактических описаний, но мы также можем представить его с помощью контрфактуалов: «Я был бы намного богаче, если бы я выбрал юридический факультет много лет назад», «Каким хаосом стала бы моя жизнь, если бы я женился на ней!» И, учитывая, что «пределы моего языка означают пределы моего мира» [Wittgenstein L., 1974, 5.6], мы можем естественным образом заключить, что, сохраняя тот же набор фактов, мир

может измениться с чьей-то личной точки зрения, поскольку некоторые из фактов, проецируемые множественными методами, начинают казаться более существенными.

Теперь представим, что кто-то испытал катарсис, слушая произведение Бетховена «An die Freude», и уходит с зала, думая, что «все замечательно, люди добры, и мир идеален». С точки зрения Витгенштейна, все эти высказывания бессмысленны, хотя и важны. С помощью подобных предложений мы пытаемся представить то, что нельзя спроецировать: метод проецирования, образующий тот или иной предел мира. Таким образом, мы действительно можем насвистывать — или рисовать, или декламировать — то, что мы не можем сказать, если наш «свист» — настоящее произведение искусства.

6. Музыкальные и языковые игры

Возможно поверхностное возражение против использования «Трактата» в качестве методологической основы, которое состоит в том, что позже Витгенштейн отказался от большей части своих ранних идей и пришел к некоторой разновидности лингвистического бихевиоризма. Однако, с моей точки зрения, во-первых, идеи «Трактата» имеют значение сами по себе, независимо от дальнейших движений их автора. Во-вторых, существуют аргументы в пользу того, что между «двумя Витгенштейнами» преемственности гораздо больше, чем противоречий. Так, обращаясь непосредственно к теме «показывания», В.С. Видарте пишет: «Есть основания думать, что это различие и сам тезис, хотя и сформулированные в других терминах, сохраняются на протяжении всей эволюции мысли Витгенштейна» [Sanfélix Vidarte V., 2013].

Позже Витгенштейн утверждал, что, например, слово «боль», чтобы иметь значение, не обязательно должно относиться к интимному и невыразимому ощущению. Оно имеет значение, потому что встроено в регулярную деятельность, управляемую социальными институтами, где детей систематически учат сигнализировать о наличии боли, или, как он это называет, *болевому поведению*.

Тогда, если музыка — это язык, ее фразы не обязательно должны относиться или выражать какие-либо внутренние чувства. Они должны быть частью социально принятой языковой игры, другую часть которой составляет *эмоцио-*

нальное поведение того или иного рода. Должна быть естественная связь между звуком и эмоцией, такая же, какая существует между образом цвета и предметом, имеющим этот цвет (хотя ничто не указывает на ее необходимость). Но семантическое отношение в музыке не сводится к естественной причинно-следственной связи между звуком и эмоцией; скорее, оно включает в себя культурные конвенции, управляющие использованием токенов, социальных институтов экземплификации, принятых форм публичного поведения и, возможно, многое другое. Но ничто из этого не является субстратозависимыми явлениями; это определяемые правилами вычислимые системы, доступные для моделирования.

Тексты Витгенштейна наполнены многочисленными отсылками к музыкальным аналогиям, некоторые из которых направлены на прояснение лингвистических вопросов, а некоторые (хотя и немногочисленные) содержат эстетические идеи, имеющие собственную ценность. В частности, он неоднократно заявлял следующее: «Понимание предложения на языке слов гораздо более тесно связано, чем можно подумать, с пониманием музыкальной темы или музыкального произведения. Конкретно, понимание предложения на языке ближе, чем можно подумать, к тому, что мы обычно называем пониманием музыкального выражения. — Почему я это *так* насвистываю? Почему я хочу, чтобы мои изменения в громкости и темпе соответствовали именно этому конкретному идеалу? Я склонен сказать: “Потому что я знаю, что все это значит” — но что это значит? — Я не мог бы сказать ничего другого, кроме как переведа это в последовательность, имеющую тот же ритм» [Wittgenstein L., 2005, 114e].

Очень похожий отрывок из «Философских исследований» заканчивается более точно: «Почему именно такая форма изменения интенсивности и темпа? Мне хотелось бы сказать: “Потому что я знаю, что все это значит”. Но что это значит? Я бы не смог сказать» [Wittgenstein L., 2009, 527].

И, наконец, вот более прямое утверждение о значении в музыке: «Мы говорим: “Эта мелодия что-то говорит”, и мне кажется, что мне нужно найти то, что она говорит. И все же я знаю, что она не говорит ничего такого, что я

мог бы выразить словами или изображениями как сказанное ею» [Wittgenstein L., 1998, 166].

Эти музыкальные аналогии в его размышлениях о значении и важность этих его взглядов для философии музыки прослеживаются и подробно обсуждаются в цитированной выше статье Гилады Бар-Элли [Bar-Elli G., 2006]. Следуя линии его рассуждений, мы могли бы предположить, что ранняя абстрактная концепция «показывания» Витгенштейна позже вылилась в семейство еще недооцененных идей аспектуального видения, картинообъектов и т.п. как специфических человеческих способностей, полученных в результате обучения и сравнения — эти идеи весьма продуктивны и в философии музыки. Но я имею в виду некоторые обобщения, вытекающие из этих витгенштейновских размышлений.

Краеугольным камнем для идей «позднего» Витгенштейна, по-видимому, является то, что мы в основном заблуждаемся в теоретизировании относительно функционирования нашего языка. Все теории языка как изображения, подобные той, которой придерживался сам Витгенштейн, но позже от нее отказался, пренебрегают некоторыми важными особенностями языка, помимо описательной. Как результат, вооружившись той или иной версией референтной семантики, мы пытаемся выяснить, как быть с языком приказов, молитв, предупреждений, поэзии и концептуалистского искусства, в то время как исторически лингвистические функции, воплощенные в них, по-видимому, предшествовали функциям описания. Наблюдая за культурами прошлого и настоящего, мы обнаруживаем многочисленные примеры вербальных и невербальных языков, которые имеют мало общего с объективными значениями, но в то же время много чего «показывают». Мы совсем не удивляемся привычным попыткам описательного применения музыки в балете, в кино или где-то еще. Ввиду всего этого, музыка и вербальный язык больше не выглядят как антиподы. Они оба легитимны и ожидаемы, как нити, прочно вплетенные в ткань человеческой жизни.

Заключение

Попробуем подвести итог нашему обсуждению. Если музыку можно представить как своего рода язык, он должен обладать определенной семантикой, в соответствии с которой он когнитивно обрабатывается. Музыка, как многие по-

лагают, имеет дело с человеческими эмоциями, поэтому у нас возникает искушение представить ее как язык, который напрямую отсылает к этим эмоциям. Но в этом пункте, если мы имеем в виду внутреннюю феноменальную сторону эмоций, такой язык был бы уязвим для аргумента Витгенштейна о приватном языке. Если, наоборот, музыка как-то относится к «эмоциональному поведению» или «языковым играм» с эмоциями, то она имеет не больше смысла, чем гастрономия без настоящих вкусовых ощущений. Поэтому нам нужна теория «непрямой» музыкальной семантики. Схема экзemplификации Гудмана очень хорошо работает здесь, поскольку музыкальное произведение естественным образом связано с тем, что оно экзemplифицирует, подобно тому, как образец и ткань связаны одним и тем же цветом.

Но вопрос, детерминированы ли наши эмоциональные реакции на музыку природой или культурой, оказывается эмпирическим, и на него еще не дан исчерпывающий ответ. Поэтому, чтобы не зависеть от эмпирических исследований, мы предпочли выбрать безразличную к этому вопросу концептуальную схему, которую мы находим в ранней витгенштейновской концепции показывания в сочетании с концепцией проекции и «сдвигания границ» мира. Это позволяет музыке быть своего рода языком, лишенным каких-либо прямых референций или ссылок, но функционально изменяющим способ проецирования мира, тем самым изменяя меру чьего-то «счастья». То, как работает это изменение способа проекции, на мой взгляд, стоит исследовать с помощью подсказок и идей в текстах позднего Витгенштейна, что является довольно амбициозной задачей для будущих исследований.

References

- Bar-Elli, G. (2006). Wittgenstein on the experience of meaning and the meaning of music. *Philosophical Investigations*. Vol. 29, iss. 3, pp. 217–249. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9205.2006.00291.x>
- Boertz, B. (1970). Nelson Goodman's languages of art from a musical point of view. *The Journal of Philosophy*. Vol. 67, iss. 16, pp. 540–552. DOI: <https://doi.org/10.2307/2024578>
- Brown, S. Martinez, M.J. and Parsons, L.M. (2006). Music and language side by side in the brain:

a PET study of the generation of melodies and sentences. *European Journal of Neuroscience*. Vol. 23, iss. 10, pp. 2791–2803. DOI:

<https://doi.org/10.1111/j.1460-9568.2006.04785.x>

Goel, V. (1991). Notationality and the information processing mind. *Minds and Machines*. Vol. 1, pp. 129–165. DOI:

<https://doi.org/10.1007/bf00361034>

Goodman, N. (1976). *Languages of art: an approach to a theory of symbols*. Indianapolis, IN: Hackett Publ., 290 p. DOI:

<https://doi.org/10.5040/9781350928541>

Lerdahl, F. and Jackendoff, R.S. (1996). *A generative theory of tonal music*. Cambridge, MA: MIT Press., 384 p. DOI:

<https://doi.org/10.7551/mitpress/12513.001.0001>

Pearce, D. (1988). Musical expression: Some remarks on Goodman's theory. E. Rantala, L. Rowell, E. Tarasti (eds.) *Essays on the philosophy of music*. Helsinki, FI: Philosophical Society of Finland Publ., pp. 228–243.

Ramsey, F.P. (1931). *General Propositions and Causality*. Ramsey F.P. *The Foundations of Mathematics and other Logical Essays*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co Publ., pp. 237–255.

Robinson, J. (2000). Languages of art at the turn of the century. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. Vol. 58, no. 3, pp. 213–218. DOI:

<https://doi.org/10.2307/432102>

Sanf elix Vidarte, V. (2013). Showing and saying.

An aesthetic difference. *Aisthesis. Pratiche, linguaggi e saperi dell'estetico* [Aisthesis. Practices, languages and knowledge concerning aesthetics]. Vol. 6, no. 1, pp. 139–150. DOI:

<https://doi.org/10.13128/Aisthesis-12843>

Slevc, L.R., Rosenberg, J.C. and Patel, A.D. (2009). Making psycholinguistics musical: Self-paced reading time evidence for shared processing of linguistic and musical syntax. *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 16, iss. 2, pp. 374–381. DOI:

<https://doi.org/10.3758/16.2.374>

Tillman, B. (2012). Music and language perception: Expectations, structural integration, and cognitive sequencing. *Topics in Cognitive Science*. Vol. 4, iss. 4, pp. 568–584. DOI:

<https://doi.org/10.1111/j.1756-8765.2012.01209.x>

Wittgenstein, L. (1974). *Tractatus logico-philosophicus*, transl. by D.F. Pears, B.F. McGuinness. London: Routledge Publ., 106 p.

Wittgenstein, L. (1998). *The blue and brown books*. 2nd ed. Oxford, UK: Blackwell Publ., 208 p.

Wittgenstein, L. (2005). *Big Typescript: TS 213*, transl. by C.G. Luckhardt, M.E. Aue. Malden, MA: Blackwell Publ., 1056 p. DOI:

<https://doi.org/10.1002/9780470752906>

Wittgenstein, L. (2009). *Philosophical investigations* (transl. by G.E.M. Anscombe, P.M.S. Hacker, J. Schulte). 4th ed. Malden, MA: Wiley–Blackwell Publ., 592 p.

Об авторе

Михайлов Игорь Феликсович

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: ifmikhailov@iph.ras.ru
ResearcherID: D-3619-2017

About the author

Igor F. Mikhailov

Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: ifmikhailov@iph.ras.ru
ResearcherID: D-3619-2017

УДК 101.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-192-204>

EDN: DGOLEA

Поступила: 01.05.2024

Принята: 24.05.2024

Опубликована: 04.07.2024

СИНТЕЗ ЗНАНИЯ КАК ЦЕННОСТЬ НАУКИ

Сабанина Наталия Рафаэлевна

Институт философии РАН (Москва),

ООО «Илиан» (Москва)

В статье мы стремимся ответить на вопрос: правомерно ли утверждать, что «синтез знания» является ценностью науки. Выявление ценностного содержания процесса и результата синтеза нового знания определяет актуальное развитие человеческой цивилизации. Однако существует обоснованное предположение, что объяснение природы ценностей выходит за рамки методологических возможностей современной науки, т.к. ценность охватывает одновременно область познанного и непознанного, что ограничивает возможность конструирования достаточно полной модели развития человечества рамками картины мира своей формы жизни. В статье исследуются возможности аксиологического конструктивизма для построения логико-семиотических структур описания синтеза знания, позволяющие произвести объективацию его ценностных оснований. Контекст рассуждения задан декомпозицией базового утверждения о том, что синтез знания является ценностью науки. Показан процесс трансформации понимания ценности в различных аксиологических подходах (аксиологический нормативизм, субъективизм, нормативизм). Рассмотрены онтологические, гносеологические, логические основания развития теории ценностей. Обосновывается необходимость переосмысления логико-семиотического подхода к прочтению текстов культуры как вида синтетического знания, вплоть до необходимой реконструкции знаковых форм и семиотических конструкций с учетом ценностных аспектов смысло- и текстопорождения. Исследование основывается на методологии синергетики сложности, использован теоретико-модельный подход с целью описания природы ценности, а также метод онтосемиотического моделирования для понимания ценностно обусловленных границ познания. Введение элемента «чувство» в структуру семиотического построения модального знака позволяет обозначить границы внетекстовых и внеязыковых областей научного знания. Для этого модель текста расширена до среды деятельности динамического субъекта, которая задана в виде трехуровневого текста культуры (доязыковой, языковой и постязыковой уровни). Модальный знак образует пространство семиозиса и текстопорождения на основе «замысла» коммуникации и деятельности субъекта познания. Замысел как порождающий элемент текста носит лично окрашенный характер, может быть представлен как единица «неявного знания» (по М. Полани). Показано, что в отличие от проблем разрешимых, неразрешимые проблемы значимы для субъекта, затрагивают ценностную область построения знания, активируя архетипические проявления, бессознательное, мифологическое мышление и установки. Отелесненное, ценностнозначное мышление вводит иррациональные отношения в полученные конструкты, обеспечивая его связность через личностное знание.

Ключевые слова: синтез знания, ценность, аксиологический конструктивизм, модальный знак, эпистатическая концепция истинности.

Для цитирования:

Сабанина Н.Р. Синтез знания как ценность науки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 192–204. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-192-204>. EDN: DGOLEA

SYNTHESIS OF KNOWLEDGE AS THE VALUE OF SCIENCE

Natalia R. Sabanina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow),

Ilian LLC (Moscow)

The article seeks to answer whether it is legitimate to assert that «synthesis of knowledge» is the value of science. The identification of the value content of the process and result of synthesis of new knowledge determines the actual development of human civilization. However, there is a reasonable assumption that the explanation of the nature of values goes beyond the methodological possibilities of modern science since value covers the area of both the known and the unknown, which limits the possibility of constructing a sufficiently complete model of the development of humanity within the framework of the worldview of its life form. The article explores the possibilities of axiological constructivism for constructing logical and semiotic structures describing synthesis of knowledge and making it possible to objectify its value bases. The context of the reasoning is given by the decomposition of the basic statement that synthesis of knowledge is the value of science. The article shows the process of transformation of the understanding of value in various axiological approaches (axiological normativism, subjectivism, normativism). The ontological, epistemological, and logical foundations of the development of the theory of values are considered. The study substantiates the need to rethink the logical-semiotic approach to reading cultural texts as a type of synthetic knowledge, up to the necessary reconstruction of iconic forms and semiotic structures, while taking into account the value aspects of meaning- and text-generation. The research is based on the methodology of synergetics of complexity, the model-theoretic approach is used to describe the nature of value, the method of ontosemiotic modeling — to provide understanding of the value-driven boundaries of cognition. The introduction of the element «feeling» into the structure of the semiotic construction — a modal sign, allows us to identify the boundaries of extra-textual and extra-linguistic areas of scientific knowledge. To do this, the text model has been expanded to the sphere of the dynamic subject's activity, which is set in the form of a three-level cultural text (pre-linguistic, linguistic, and post-linguistic levels). The modal sign forms a space of semiosis and text generation, based on the «idea» of communication and the activity of the subject of cognition. The idea, as a generative element of the text, has a personality-colored character, can be represented as a unit of «implicit knowledge» according to M. Polani. The article shows that, unlike solvable problems, unsolvable problems that are significant for the subject affect the value domain of knowledge construction, activating archetypal manifestations, unconscious, mythological thinking and attitudes. Embodied, value-based thinking introduces non-rational relationships into the resulting constructs, ensuring its coherence through personal knowledge.

Keywords: synthesis of knowledge, value, axiological constructivism, modal sign, epistatic concept of truth.

To cite:

Sabanina N.R. [Synthesis of knowledge as the value of science]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 192–204 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-192-204>, EDN: DGOLEA

Введение

В рамках дискурса, прошедшего Международного научно-практического форума «Синтез Знания и Красоты. К 150-летию со дня рождения Н.К. Рериха», можно было наблюдать ре-

флексию о порождении и синтезе нового знания на границе познанного и непознанного. Н.К. Рерих прожил свою жизнь, вглядываясь в бесконечность сверхчеловеческого бытия в стремлении, отмеченном печатью гениальности, разгадать его тайну.

Многогранность представленных на форуме докладов приоткрывают его секрет синтеза знания, который стал объединением разноликих источников знания: телесных, интеллектуальных и духовных практик, мистических и мифологических представлений о мире и человеке, расшифровке этого знания в различных парадигмах научной рациональности, и с необходимостью, нравственное, поликультурное осмысление результатов познания. Наследие Н. и Е. Рерихов приобрело характер развернутого коллективного действия, направленного на расширение границ возможностей человека.

Открывшаяся палитра представлений о мире и веер возможностей, которые это знание открывает для человека, заставляет вновь остановиться и критически осмыслить происходящее, чтобы, отбросив прелесть и заблуждение, шагнуть в новую эру человечества.

Поддерживая контекст форума, мы стремимся найти точку сборки науки и ценностей культуры. Текст статьи построен в виде системы опор и тезисов для аргументации основной идеи: чтобы ответить на вопрос, можно ли считать «синтез знания» ценностью науки, необходимо дать определение ценности самой по себе.

К определению понятия ценность

Когда мы напрямую что-то пытаемся определить, это, как правило, всегда бывает условно, приблизительно и только для начала. Есть разные виды определений, парадигм и подходов. Определяя свою исследовательскую позицию, будем ориентироваться на то, чтобы охватить современный дискурс в области аксиологии в целостности. Эта позиция не замкнутая, не закрытая, а наоборот, динамичная, адаптивная и преадаптивная, творчески ориентированная на порождение и на диалог.

В процессе формирования знания все взаимосвязано герменевтически, и обозначенные обстоятельства являются косвенным указанием на то, что именно мы хотим определить. Мы находимся в позиции различения, в позиции пути, в позиции проекта. Соответственно, любой текст, в том числе статьи, это некое становление той идеи, которая является основной.

Здесь мы хотим представить современное толкование того, что лежит в основе внутренней причины осуществления синтеза знания: что связано с развитием гуманитарного знания,

с ценностями, с перспективами существования человека, и подтягивает к себе очень много сложных дополнительных моментов, реализуя парадигмальную ориентацию исследования: феноменология и семиотика ценностей, поиск и определение природы ценностей, их роли в расширении возможностей человека и человечества.

Семиотика ценностей

Первично, перемещаясь на позицию аксиологического субъективизма¹, мы исходим из того, что ценность — обязательный атрибут субъектности и деятельности человека. И это хотим определить как ценность, понимая относительный характер такого подхода к рассмотрению. При этом учитываем, что сама деятельность предуготовлена ее замыслом. В рамках такого видения попробуем деятельность субъекта рассматривать в динамике создания текстов культуры с точки зрения семиозиса.

Нелинейность процессов жизнедеятельности, понимание человека и человечества в контексте синергетики и самоорганизации предполагает, помимо внешних условий развития, наличие внутреннего источника по отношению к границе системы. Эту роль берет на себя внутренний мир субъектной реальности.

Представим в структуре семиотического конструкта модель динамического субъекта (рис. 1), который осознает себя целостным с миром и существующим, познающим, творящим, создает среды самоорганизации.

Динамический субъект включает три взаимодополняющих элемента кодирования реальности (Субъект-мир (S-мир, бессознательное), Я-субъект (Я-S, семиотический), психический (чувствующий) субъект (S-ф)).

Содержание субъектного мира определяет замысел, способ и результаты конструирования реальности в процессе воссоздания телесно-когнитивной целостности существования своей формы живого. В логико-лингвистическом представлении преобразуем модель субъекта в модальный знак многоуровневого текста (рис. 1).

¹ Позиция аксиологического субъективизм, в котором ценности отражают уникальность внутреннего мира и опыта человека и могут быть сведены к обобщенному представлению с потерей их природного назначения (В. Вунд, Ф. Бретано, А. Мейнонг, Д. Дьюи, А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.) [Плотников В.И., 1996].

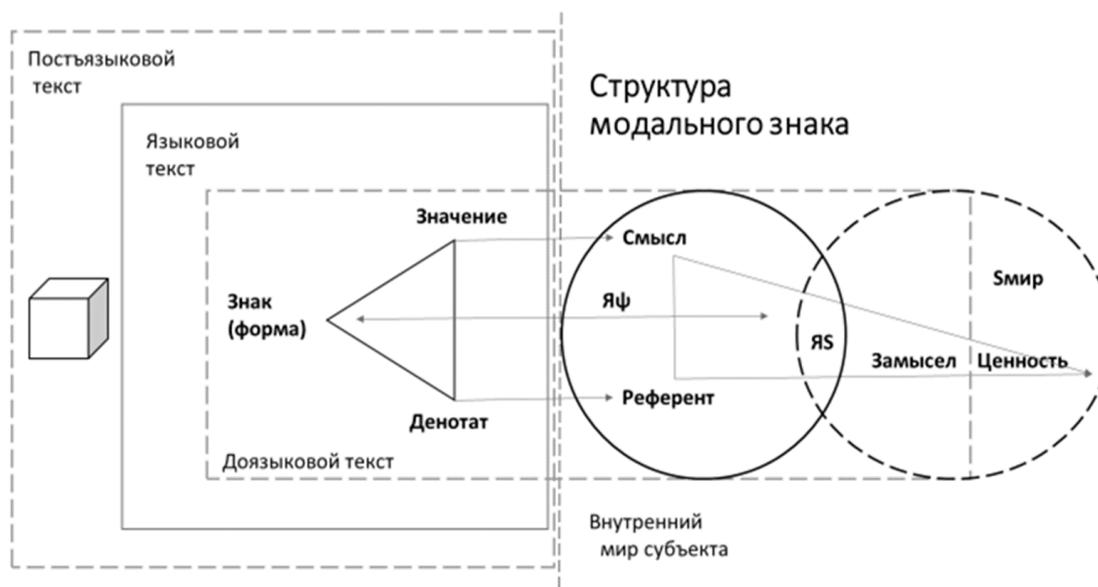

Рис. 1. Структура модального знака многоуровневого текста культуры

Fig. 1. Structure of the modal sign of a multi-level cultural text

В отличие от классической модели знака С. Пирса, структура модального знака отражает двунаправленность процессов субъектной реальности: текстопорождения (вовне) и смылопорождения (в себе). Результатом текстопорождения является знак, результатом декомпозиции смысла знаковой формы становится ценность.

Тогда ценность с одной стороны, на одном конце этого процесса проявляется в деятельности в виде предметов или процессов многоуровневого текста. А с другой стороны проявляется в замысле. Замысел — это сердцевина текстопорождения. Например, почему чат-бот с искусственным интеллектом не может «запускать» семиозис, почему у него замысла, в принципе, быть не может? С нашей точки зрения, замысел — это элемент конфигурации ценностей, который переходит в телесность и далее — в бессознательное, во все его проявления. Так, обращаясь к понятию телесность, важному для нашего рассмотрения, будем понимать его как эпистемологический феномен, который объединяет такие элементы, как «индивидуальное знание субъекта», затрагивает «области подсознания и бессознательного», а также «творческие проявления человеческого духа». «Подлинная целостность в понимании

ментального и телесного — а вместе с ней и выход за пределы двойственности в рамках решения the mind-body problem — достигается только в том случае, если принять, что телесное и ментальное — это одно и то же, просто в разных ипостасях» [Телесность..., 2009].

Таким образом, точкой сборки нового знания можно считать замысел как отражение целостного представления о мире субъектом познания.

Каждый из уровней подобного постнеклассического текста культуры — доязыковой, языковой и постъязыковой (деятельностный) — обладает собственным синтаксисом, семантикой и прагматикой. Доязыковой текст всегда несет в себе символику архетипического, смыслы которой транзитивно расширяются на языковое и постъязыковое пространство текста. Постъязыковой уровень текста не представлен в традиционной знаковой форме, он есть деятельность, основанная на смыслах и ценностях. Каждый из уровней данного текста включен в формирование предметов и процессов культуры, совместно образующих среду культуры.

В следующем приближении структура знака приобретает деление, в котором смысл/значение и денотат/референт разделяются в модальном знаке по признаку наличия

субъектной составляющей. Так, «денотат — объект мысли, отражающий предмет или класс предметов действительности и обозначаемый языковым выражением или языковой единицей — именем» [Воробьева С.В., Симонов А.И., электр. ресурс]. Референт, сменяющий денотат (референциальное значение, определяемое контекстом), задается в данном случае контекстом индивидуальной, субъектной реальности: системой смыслов, замыслом, си-

стемой ценностей автора текста. Подобная «редукция к субъекту», по нашему мнению, может быть обозначена элементом «чувство».

Семиотическая структура в постнеклассической трактовке будет дополнена новой составляющей, отражающей отношения «знак – чувство», а также «значение – чувство» и «денотат – чувство», которые будут уточнять индивидуальные, субъектные измерения семиотической системы (рис. 2).

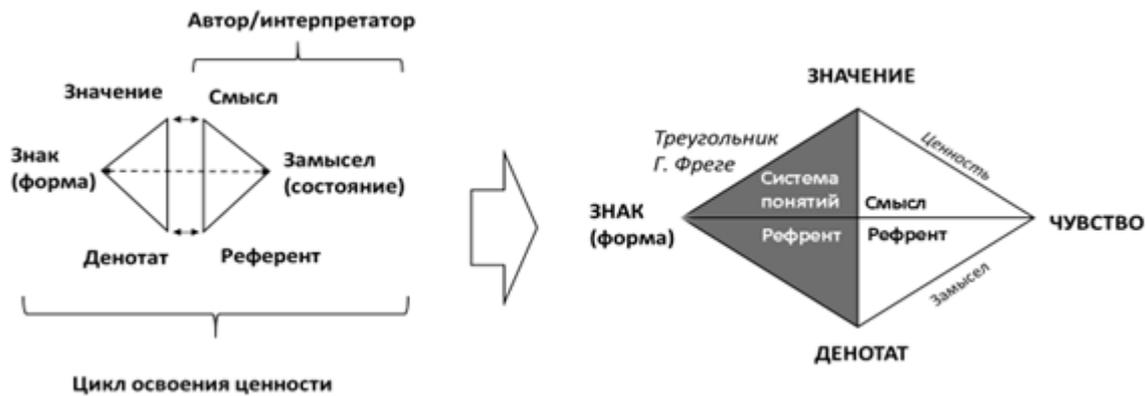

Рис. 2. Визуализация семиотической структуры

Fig. 2. Visualization of semiotic structure

Таким образом, мы дополним семиотическую триаду еще одним необходимым и онтологически обусловленным элементом «чувство» (person). Внеязыковыми объектами внутреннего мира субъекта (элемент «чувство») можно считать: стремления (desire); ощущения (feeling); представления (intuition); эмоции (emotion); интеллектуальные чувства (sense); ценности (value).

Первоначальная классификация типов «знака-чувство» будет относиться к высказываниям каждого из трех уровней описанного выше постнеклассического текста, а именно:

1-й уровень: доязык — установки, стремления, ощущения и соответствующие эмоции, представления, образы, ценности I порядка (эгоцентрические);

2-й уровень — язык-интуиция, интеллектуальные чувства и соответствующие эмоции, ценности I, II, III порядков (соответствие норме, морали, конвенции);

3-й уровень: постязык — ценности II, III, IV порядков (всеобщие), ценностно означенная деятельность.

Ценность IV порядка (святое) имеет тройственную когнитивно-аффективно-деятельностную природу. Способность человека к созданию и прочтению текстов культуры на трех уровнях, по крайней мере в одной из ее форм, предполагает достижимость нового качества сознательной способности — духовности, включая достижение состояний словотворчества, синхронизации и управления телесностью. Предложенная трансформация структуры знака указывает на процессуальность и понимание совместности не артикулированного состояния, чувства и знаковых форм.

В следующей итерации рассмотрения, перемещаясь на позицию аксиологического транс-

цендентализма², синтез позволяет конструировать свою модель мира, доопределяя для себя «мир», который можно чувствовать, предчувствовать, мыслить, артикулировать, влиять на его становление и творить его, объединяя все разнообразие восприятий и порождений в синтезе знания.

Природа ценностей трансцендентна: они указывают на то, что естество человека простирается за пределы рационального и чувственного восприятия отдельного индивидуума, а освоение ценностей — способ перехода к новым уровням целостности сознания нашей формы жизни. Потенциальные возможности человека открываются в контексте культуры феноменологически. Современные исследования в области когнитивистики [Когнитивистика..., 2019], психологии, физиологии, антропологии, философии и большинства гуманитарных наук, многочисленные духовно-религиозные практики открывают для науки целый пласт новых данных о природе человека [Григорьев И.В., электр. ресурс], формируя запрос на разработку подходов и методологий трансперсональной³ психологии и феноменологии познания.

В человеческий мир ценность приходит в особом акте связывания подпорогового чувственного, докогнитивного опыта человека, соприкосновения с пространством бессознательного и когнитивного акта осознания и дальнейшей фиксации рамки этого состояния: в языковом запечатлении — в виде эмоционального следа, в интеллектуальном осмыслении —

² Аксиологический трансцендентализм предполагает, что «...ценности даны человеку извне, они укоренены в эмпирически не воспринимаемом мире, будь это мир “абсолютных эйдосов” (Платон) или Бог (А. Блаженный, Ф. Аквинский и вся религиозная традиция). К приверженцам этого подхода следует также отнести И. Канта, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Гуссерля, и др.» [Плотников В.И., 1996].

³ Направление, исследующее надличностные, сверхличностные состояния сознания. Представителями данного направления являются С. Гроф, К. Уилбер, Ч. Тарт, А. Минделл, С. Криппнер. Изучаются «высшие» состояния сознания, связанные с ценностными переживаниями, возрастные кризисы, околосмертные переживания, интуиция, личностные ресурсы, множественность состояний сознания, измененные состояния сознания, парапсихологические феномены и др. Методология включает: телесно-ориентированные психотерапевтические, религиозные и др. практики, исследования с биологической обратной связью, терапию искусством, холотропное дыхание, медитации, работу со сновидениями и пр.

в виде слова, текста — текстопорождения и деятельности на основе открытой ценности.

Состояние «осознания ценности» противостоит неопределенным состояниям, феноменологически связанным с утратой контроля деятельности, столкновения с «бездной», чувством погружения в темноту, страхом и отчаянием. Ценность сопряжена с возвращением к свету, позитивными физическими (приливом сил), эмоциональными аффектами (блаженство, вдохновение...) и интеллектуальными феноменами (ясность сознания, благодать и др.).

Данные телесно-когнитивные состояния далее оказывают влияние на всех уровнях организации жизни — на уровне электрохимических взаимодействиях клеток, органов и тканей, мозговых структур и всех систем организма, психических процессов, в том числе измененных состояний сознания, духовных практик, а также в языке и деятельности людей, опосредованно, через тексты культуры.

При интерпретации текста элемент «чувство» будет задавать ценностную тональность (табл. 2) смысловых репрезентаций. В тексте могут быть выделены уровни ценностных тональностей. Предполагается, что любая ценность осваивается в рамках ценностного ряда I, II, III, IV порядков и имеет свой спектр освоенных тональностей.

Ценностные тональности

Формы явного и неявного вхождения ценностей в наши рассуждения и, в частности, в научные теории многочисленны и разнородны. Порядок ценностей можно соотносить с этапами становления субъектности:

Ценности I — простой смысл (докогнитивный опыт, непосредственное восприятие);

Ценности II — намек словом (описание, суждение);

Ценности III — толкование, субъективация знания (оценка);

Ценности IV — раскрытие тайны (самотрансценденция).

В языке ценностная тональность представлена в виде ценностнозначных высказываний специфического для каждой из культурных форм функций, проявленных в поведении, речи и деятельности.

Ценностные тональности

Value tones

Характер ценностной тональности знания			Порядок ценностей	Ценности
	Аффективная (-а) природа ценности	Когнитивная (-к) природа ценности		
Святое (Svet)	(1/-1)		IV (святое)	Вдохновение, благодать, прозорливость, творение словом, «мыслечувство», блаженство, «диалог с Абсолютом».
Абсолютная (Abs)	(1/-1)	(1/-1)	III (общечеловеческие)	Жизнь, истина, любовь, вера, красота, справедливость, гармония, счастье, творчество...
Интеллектуальная (Int)	(+1/0/-1)	(+1/0/-1)	II (мораль)	Долг, равенство, порядок, мораль, трезвение ума...
Эмоциональная (Emo)	(+1/0/-1)	(+1/0/-1)	I (эгоцентрические)	Удобство, богатство, покой, контроль, власть...

Каждая ценностная тональность соответствует своему этапу цикла освоения ценности. Последовательность перехода от ценностей I к IV рассматривается как в индивидуальном развитии (воспитанность и нравственность), так и на общественном уровне.

Высокая интенсивность ценностного переживания в связи со столкновением с проблемной ситуацией есть необходимое условие творчества. Данный подход созвучен идеям известного исследователя в области аксиологии Х. Йоаса, который ставит вопрос о том, как возникает «приверженность ценностям?». Исследуя историю становления аксиологии как науки, он дает следующий ответ: «ценности возникают в процессе формирования самости и в опыте самотрансценденции» [Йоас Х., 2013, с. 9].

Роль творчества в процессе смыслообразования крайне значима: в современной теории творчества и одаренности (по Д.Б. Богоявленской) оно позиционируется как «родовое качество» человека [Богоявленская Д.Б., 2021, с. 5]. Продолжая эту мысль, творчество можно считать атрибутом сознательной способности человека как его видового признака. В противном случае любые интерпретации текстов культуры с необходимостью будут приводить к потере смыслов (бессмысленно) и понимания аспектов замысла автора при прочтении текста.

И здесь невозможно обойти вниманием роль творчества в синтезе знания. Тогда можно видеть, что синтез открыт, это развивающаяся творческая ситуация, в которую помещает себя

человек. Она культуроспецифична, герменевтична и зависит от целей и оценок. Появляются модальности, которые не только фиксируют спектр настоящих субъектных состояний, но и расширяющие пространство будущих состояний сред самоорганизации человека, в которых экзистенциально важно сохранение телесно-когнитивное единство человеческой сущности.

Логические подходы к определению ценностей

В рамках научно-философской рефлексии для нас важен логический ракурс рассуждения о ценности: какими средствами мы определяем ценность как ориентир или как установку на движение к внутреннему абсолюту, условно принятым субъектом как абсолютом.

В конструкторе «модального знака» синтактика, семантика и прагматика по-разному взаимодействуют каждый из подходов к определению ценности, образуя пространство текста культуры. И при этом, например, прагматическая составляющая больше ориентирована на оценку как деятельность, а семантическая — больше на состояние между субъектами. Там удерживается абстрагирующая, трансцендентная составляющая в семантическом толковании, а есть еще некая предпосылочность построения синтаксиса. Как я говорю, какими словами я пользуюсь, какими терминами, каков язык моей культуры и т.д.

Одновременно модальный знак есть некий ресурс метричности, позволяющий выявить этапы становления знаковых форм в простран-

стве культуры, измерить этот процесс, показать мерность соотношений.

Известный современный исследователь формальной феноменологии В.Л. Васюков подчеркивает, что перевод феноменологических конструкций возможен в рамках неклассической логики: «...вначале феноменологические конструкции переводятся на неформальный язык содержательной семантики, затем ищется строгая синтаксическая формулировка...» [Васюков В.Л., 2019, с. 6].

Логический анализ феноменологических концепций приводит к созданию систем нефрегевской логики (Р. Сушко, Р. Вуйцицкий). Она позволяет создать «ситуационную онтологику»⁴ и ввести систему «формальной ситуационной феноменологии» [Васюков В.Л., 2019, с. 7].

Исходя из вышесказанного, необходимо комбинировать различные подходы к описанию ценности как феномена, понятия и процесса, а также, что важно, в отношении к субъекту. Тогда ценность может быть рассмотрена, по крайней мере, тройко:

– методами алгебраической логики (по Т.О. Чежовскому) на основании формальных аспектов понятия ценность в логике предикатов;

– с модификацией для логики возможных миров (по В.Л. Васюкову) в рамках неклассической модальной логики;

– в системе формальной феноменологии — ситуационной трактовке ценности. В.Л. Васюков подробно рассматривает такое свойство ценности как «интенциональность», и в этом контексте формулирует интерпретацию ценности с точки зрения формальной феноменологии как нозму и интенциональный объект-как-таковой и далее вводит ситуационную трактовку понятия ценности: «...которая позволяет единообразно трактовать выражение “ценность” с помощью отношения ценности» [Васюков В.Л., 2019, с. 181–182].

Конструирование модального знака в таком случае, помимо использования теоретико-модельного подхода, действительно может быть представлено операциями формализации, феноменологизации (как обратному формализации процессу, аналогия феноменологической

редукции), а также конструирования и декомпозиции формализованных коммуникативных и деятельностных конструктов методом онтосемиотического моделирования⁵.

В рамках семантики возможных миров среды самотрансценденции динамического субъекта эквивалентны возможным мирам, а множество объектов этих миров представляет собой реальные объекты, включающие высказывания и материальные артефакты культуры.

В таком случае субъект выступает функцией, которая определяет тип деятельности (наука, искусство, образование и др.), ценность — модальный оператор, который является условием реализации этой функции.

О «синтезе знания»

Далее обратимся к «синтезу знания». Как ценностно доминирующую характеристику современного научного познания его следует понимать широко. Синтез, безусловно, всегда определяется аналитикой. Как и аналитика, предполагает некую целевую причину: зачем я этим занимаюсь? И ценностную причину — ради чего я этим занимаюсь? Мне нужен синтез знания, для того чтобы обрести новую целостность целей, смыслов и ценностей в сознании в связи с полученным новым знанием, которое необходимо соотносить с внутренним идеалом замысла деятельности, достроить до него свой субъектный мир. Для того, чтобы повторить его «вовне» на новом этапе творения.

Отсюда возникает необходимость переосмысления базового подхода к истинности научного знания. В современной постнеклассической парадигме требуется выявления качественно иных, субъектвключенных «объектов соответствия» по сравнению с неклассикой. Это обусловлено изменением самого типа объекта исследования, который рассматривается в процессе его сборки субъектом познания. Решение проблемы истинности в общем виде, вероятно, потребует соответствия предмета исследования каждой из мерностей его репрезентаций. Например, концепция истинности Ю. Хабермаса

⁵ Метод онтосемантического моделирования и декомпозиции предполагает два базовых этапа реализации:

1) выявление онтологических оснований исследуемого конструкта (например, человек); 2) выявление логико-семиотических репрезентаций и инвариантов его описания.

⁴ Термин введен В.Л. Васюковым.

предполагает рассмотрение истины не только как предиката, приписываемого высказыванию, но и как претензии на «...смысл того момента безусловности, который мы интуитивно связываем с понятием истины» [Habermas J., 1986, S. 352] (цит. по [Соболева М.Е., 2005, с. 299]). Ю. Хабермас тем самым указывает на неразрывную эпистемическую связь между «...истиной и ее аргументационным оправданием, а, следовательно, между познанием, языком и действием. ... даже в наиболее благоприятнейшей эпистемологической обстановке можно говорить только о рациональной приемлемости, а не об истине (как абсолютной категории) высказываний» [Habermas J., 2001] (цит. по [Соболева М.Е., 2005, с. 300]).

Истинность переосмысливается в контексте необходимости получения целостного знания, соответствующего ценностям и смыслам эволюции сознания человека. Это потребует конструирования многоуровневого логического соответствия критериев различных теорий истинности — корреспондентской, когерентной, эпистатической (субъектной) — ценностному содержанию релевантного вида деятельности в культуре (истина, вера, гармония, справедливость, любовь и др.). В наиболее общем виде результатом и критерием подобного соотнесения (в рамках эпистемологии аксиологического конструктивизма [Сабанина Н.Р., 2023, с. 718]) должно стать выявление истинности/правильности/ценности пути развития культурных форм по отношению к развитию человека и человечества.

Ценность как некий абсолют, представленный в мировоззрении человека, предсуществует и далее проявляется в человеческой мысли и деятельности. Это позволяет проследить путь становления или отчуждения ценности в культуре. В случае, если мы исходим из понимания ценности как состояния приближенного к абсолютному благу (ценности IV порядка — святое), далее мы будем созерцать его в себе в ретроспективе столкновения с ним, в попытке его осознания, оставляя его в памяти, создавая его след (ценность III порядка). Различая эти ценности, мы видим, что перед нами ценность сама по себе или ценность как некий инструмент. Тогда между ними возникает корректирующее уточнение: ценность синтеза знания так или

иначе в сообществе она существует как некий феномен, достаточно независимо определившийся от результата человеческой жизни. Но именно это позволит далее вступать в коммуникацию и осуществлять разные уровни рефлексии о благе как сугубо индивидуальном состоянии. В отчужденной репрезентации, ценностном знании благо находит свое символическое воплощение в ритуалах и обрядах, имитирующих ее проживание. Редуцированная в знаке ценность символизирует этот путь, указывая одновременно на перспективу его повторения (ценность II порядка).

За таким символом стоит рефлекслируемый в науке путь и процесс освоения ценностей, в том числе ценностей научного познания. Между полюсами «чистых оценок» соответствия — «хорошо/плохо» и «чистых высказываний», которые могут принимать значения «истина» или «ложь», — располагаются описательно-оценочные суждения: принципы, научные законы, правила научной этики, высказывания о тенденциях, правила логики или математики. Оценочными являются операции постановки проблем, определения понятий, выбор моделей, отбор фактов (цит. по [Ивин А.А., 2010, с. 71]). Таким образом, помимо «синтеза знания» как некоторой внутренней⁶ нормативной⁷ ценности науки, мы можем выделить еще ряд соответствующих ценностей.

Ценность проявляется двунаправленно: рождается в сознании человека на пути его стремления к внутреннему идеалу и одновременно передается в культуре через деятельность человека в любой из культурных форм, опосредованно, путем создания предметов и процессов. В Религии возводятся Храмы и пишутся Иконы, в Искусстве создаются Произве-

⁶ В работах известного методолога науки С.А. Лебедева, помимо внутренних, мы также встречаем представление о внешних ценностях науки: «Внешние — это совокупность господствующих в обществе представлений о целях и предназначении науки как социальной деятельности и социального института» [Лебедев С.А., 2020, с. 82], которые мы также отнесем к нормативным, и в нашей классификации — к ценностям II порядка.

⁷ Нормативная аксиология, в которой ценности функционируют как регуляторы человеческой деятельности и носят надличностный характер (Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер, Т. Парсонс, П.А. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.) [Плотников В.И., 1996].

дения, в Науке тысячи ученых стремятся овладеть инструментарием совершенного «синтеза знания».

В контексте раскрытия основного тезиса статьи нужно ввести различие того, что такое, собственно, знание, какую роль, какую часть в этом знании занимает ценность и разобраться в функциональном обеспечении того, что мы говорим одновременно об оценке как о деятельности и о ценности как о состоянии.

Далее разобраться, какие есть инструменты синтеза знания, и какие из этих инструментов нам позволяют осваивать ценности в обозначенном нами смысле, учитывая всю амплитуду движений ценностных проявлений. Исходя из символически-процессуального представления о ценности, синтез знания как ценность должен быть рассмотрен комплексно, многосторонне и в разном масштабе: и в ракурсе приближения к абсолюту и, обязательно, в конкретных проявлениях человеческой деятельности.

Существует область пересечения понятий «синтез знания» и «ценность науки», определенная внутренней причиной синтеза знания — обеспечение телесно-аффективно-когнитивной целостности, и тем самым неразрывности сознательной способности. Синтез знания присутствует в культуре в различных ее проявлениях, одним из которых является синтез научного знания. То же верно и для индивидуального сознания человека⁸. В первом случае, в науке, для этого совершенствуются инструменты и стратегии познания, что верно и на индивидуальном уровне.

Такая тесная связь между внутренней, функциональной причиной осуществления синтеза знания и сохранностью сознательной способности может свидетельствовать о том, что эта причина имеет онтологические основания.

Онтология ценностей

Представим онтологическую модель сознательной формы живого такими базовыми конструктами, как «сущность» и «форма». Форма

предполагает наличие «границы». Различие сущностей предполагает различие типов границ и уровней устройства мира. Тогда сущность формы живого заключается в возможности преодоления границ и осуществлении эволюционных уровневых переходов. В этом смысле субъект представляет собой подвижную границу и определяет динамику онтологического построения, а сама граница предполагает возможность ее различения, перемещения, трансформации, что можно поставить в соответствие сознательной способности.

В рамках представленной онтологии и определения динамического субъекта *целостность представления о мире* является экзистенциально значимой как для отдельного человека, так и для человечества, т.к. она есть второе, помимо *существования*⁹, условие возникновения и сохранения сознательной способности формы жизни.

Специфика познания заключается в необходимости преодоления границ как перманентного переосмысления результатов познания с целью приведения их к определенной семантической упорядоченности. В этом смысле клиповое сознание, которое формируется на основе запоминания отрывочных сведений без проживания и усвоения причин вещей, наносит ущерб когнитивным и нравственным качествам человека.

Целостность представления знания в социуме связана с построением порядков культуры в рамках совместной деятельности. Однако различие форм представления знания не позволяет отразить полноту замысла становящегося самосознания каждой отдельной личности, что вызывает непонимание. В свою очередь ценность, будучи телесно-аффективно-когнитивным конструктом, посредством творчества может быть перенесена из контекста проживания в идею и деятельность, являясь основанием целостного знания, объединяя людей надрационально.

Следовательно, синтез знания посредством творчества есть необходимое условие осуществления сознательной способности формы живого. И если рассматривать синтез знания как процесс в самом широком смысле, то он соответствует циклу освоения ценности человеком и обществом в каждой из культурных форм, в то время как освоение и наследование

⁸ Это рассуждение вскрывает неопределенность относительно природы сознания и его границах: что, если ценность выполняет одну и ту же функцию в пределах индивидуального сознания и в рамках социума, различаясь лишь средствами. Впрочем, это рассуждение выходит за рамки данной статьи, поэтому оставим его в стороне.

⁹ По определению динамического субъекта см. выше.

собственно ценности (IV порядка — святое) есть фиксация опыта измененных состояний сознания. В этом смысле ценностные состояния — это преадаптивная¹⁰ девиация, направленная на расширение возможностей сознательной способности человека. Ценность IV далее позволяет расширять смыслы и инициировать познание в разных видах деятельности.

Выводы

1. Множественность подходов к определению ценности обусловлена многоаспектностью ее рассмотрения. В случае, если мы попытаемся представить целостный взгляд на природу ценности, нам потребуется рассмотреть ее как процесс порождения и становления в культуре.

2. Наиболее широкое понимание «синтеза знания» выходит далеко за рамки научного рассмотрения, включая совместность представления о ментальном и телесном.

3. Синтез знания присутствует в каждой из культурных форм, в том числе в науке. В свою очередь, научные дисциплины направлены на синтез знания средствами научного познания.

4. Отвечая на вопрос, можно ли считать «синтез знания» «ценностью науки», мы рассматриваем область пересечения этих понятий — ценность как внутреннюю причину синтеза знания. Общечеловеческие ценности определяют спектр социально-культурных потребностей (вера, стремление к истине, красоте, справедливости и др.), необходимых для обеспечения телесно-аффективно-когнитивной целостности сознательной способности.

¹⁰ В соответствии с исследованиями школы эволюционной психодинамики А. Асмолова, можно наблюдать двойственную адаптивно/преадаптивную стратегию существования [Асмолов А.Г. и др., 2017]. Адаптивная стратегия определяет устойчивость, а преадаптивная изменчивость формы жизни — на разных уровнях самоосуществления: биологическом, психическом, социальном. Сам термин «преадаптация» принадлежит французскому ученому Л. Кено, который, в свою очередь, считает, что уже Ч. Дарвин подошел к идее преадаптации, анализируя в своей книге «Происхождении видов»: развитие некоторых приспособлений, первоначально случайных и нейтральных с точки зрения адаптации, но далее позволяющих получить существенные видовые преимущества в расширении среды и возможностей обитания. Культура, освободившая человека, от постоянной борьбы за физическое выживание, создала беспрецедентные в природе условия для возникновения преадаптаций.

Таким образом, синтез знания можно рассматривать как нормативную ценность науки¹¹, в то время как сам синтез знания в науке направлен на выработку инструментария для реализации одной из базовых социально-культурных потребностей человечества — получения целостного знания о мире, обладающего характеристиками истинности. Причем сама истинность в рамках постнеклассической рациональности и в подходе аксиологического конструктивизма предполагает конструирование многоуровневого логического соответствия в зависимости от задач исследования, с необходимостью включающую эпистатическую (субъектную) причинность.

Список литературы

- Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
- Богоявленская Д.Б. О понятии «творчество» и «одаренность» // Психология творчества и одаренности: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 15–17 ноября 2021 г.): в 3 ч. / под ред. Д.Б. Богоявленской. М.: Ассоц. техн. ун-тов, 2021. Ч. 1. С. 5–13. DOI: https://doi.org/10.53677/9785919160441_5_13
- Васюков В.Л. Ситуации, события, факты: Формальная феноменология ситуаций. М.: Наука, 2019. 239 с.
- Воробьева С.В., Симонов А.И. Денотат // Гуманитарный портал: Концепты / Центр гуманит. технологий. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7039> (дата обращения: 08.04.2022).
- Григорьев И.В. О новом дыхании российской науки / Программа Международного научно-практического форума «Синтез Знания и Красоты. К 150-летию со дня рождения Н.К. Рериха». URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2024/20-22_03_2024_rerikh.pdf (дата обращения: 26.04.2024).
- Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы // Философский журнал. 2010. № 1(4). С. 66–78.
- Йоас Х. Возникновение ценностей / пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. СПб.: Алетей, 2013. 312 с.

¹¹ Нормативная аксиология, в которой ценности функционируют как регуляторы человеческой деятельности и носят надличностный характер (Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер, Т. Парсонс, П.А. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.) [Плотников В.И., 1996].

Когнитивистика, математика в образовании. Философские проблемы и практические приложения: коллект. монография / под ред. В.Г. Кузнецова, В.С. Меськова, Н.Р. Сабаниной. М.: Русайнс, 2019. 458 с.

Лебедев С.А. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-82-92>

Плотников В.И. Ценностный мир человека и его судьба // Двенадцать лекций по философии / отв. ред. И.Я. Лойфман. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юридической академии, 1996. С. 193–224.

Телесность как эпистемологический феномен / отв. ред. И.А. Бескова. М.: Ин-т философии РАН, 2009. 231 с.

Сабанина Н.Р. Аксиологический конструктивизм в методологии ценностно-гуманитарной экспертизы // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного макросдвига / отв. ред. В.Г. Буданов, Л.П. Киященко. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2023. С. 718–736. DOI: <https://doi.org/10.29039/nrs-718-736>

Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 412 с.

Habermas J. *Entgegnung* // *Kommunikatives Handeln* / hrsg. von A. Honneth, H. Joas. Frankfurt am Main, DE: Suhrkamp, 1986. S. 327–405.

Habermas J. *Kommunikatives Handeln und detranszendentalisierte Vernunft*. Stuttgart, DE: Ph. Reclam, 2001. 87 S.

References

Asmolov, A.G., Shekhter, E.D. and Chernorizov, A.M. (2017). [Preadaptation to uncertainty as a navigation strategy for developing systems: routes of evolution]. *Voprosy psichologii*. No. 4, pp. 3–26.

Beskova, I.A. (ed.) (2009). *Telesnost' kak epistemologicheskii fenomen* [Physicality as an epistemological phenomenon]. Moscow: IPh RAS Publ., 231 p.

Bogoyavlenskaya, D.B. (2021). [On the concept of «creativity» and «giftedness»]. *Psikhologiya tvorchestva i odarennosti: sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 15–17 noyabrya 2021 g.): v 3 ch.* [Psychology of Creativity and Giftedness: collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Moscow, November 15–17, 2021): in 3 parts]. Mos-

cow: Technical Universities Association Publ., part 1, pp. 5–13. DOI: https://doi.org/10.53677/9785919160441_5_13

Grigor'ev, I.V. (2024). [About the new breath of Russian science]. *Programma Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma «Sintez Znaniya i Krasoty. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya N.K. Rerikha»* [Program of the International Scientific and Practical Forum «Synthesis of Knowledge and Beauty. On the 150th anniversary of his birth N.K. Roerich»]. Available at: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2024/20-22_03_2024_rerikh.pdf (accessed 26.04.2024).

Habermas, J. (1986). [Opposition]. A. Honneth (hrsg.) *Kommunikatives Handeln* [A. Honneth (ed.) Communicative action]. Frankfurt am Main, DE: Suhrkamp Publ., pp. 327–405.

Habermas, J. (2001). *Kommunikatives Handeln und detranszendentalisierte Vernunft* [Communicative action and detranscendentalized reason]. Stuttgart, DE: Ph. Reclam Publ., 87 p.

Ivin, A.A. (2010). [Modern axiology: some actual problems]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. No. 1(4), pp. 66–78.

Joas, H. (2013). *Vozniknovenie tsennostey* [The emergence of values]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 312 p.

Kuznetsova, V.G., Mes'kova, V.S. and Sabanina, N.R. (eds.) (2019). *Kognitivistika, matematika v obrazovanii. Filosofskie problemy i prakticheskie prilozheniya* [Cognitivism, mathematics in education. Philosophical problems and practical applications]. Moscow: RUscience Publ., 458 p.

Lebedev, S.A. (2020). [Axiology of science: value regulators of scientific activity]. *Voprosy filosofii*. No. 7, pp. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-82-92>

Plotnikov, V.I. (1996). [The value world of man and his fate]. *Dvenadtsat' lektsiy po filosofii, отв. red. I.Ya. Loyfman* [I.Ya. Loyfman (ed.) Twelve lectures on philosophy]. Yekaterinburg: Ural State Law Academy Publ., pp. 193–224.

Sabanina, N.R. (2023). [Axiological constructivism in the methodology of value-humanitarian examination]. *Nauka i fenomen cheloveka v epokhu tsivilizatsionnogo Makrosdviga, отв. red. V.G. Budanov, L.P. Kiyaschenko* [V.G. Budanov, L.P. Kiyashchenko (eds.) Science and the phenomenon of human in the era of civilizational Macroshift]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., pp. 718–736. DOI: <https://doi.org/10.29039/nrs-718-736>

Soboleva, M.E. (2005). *Filosofiya kak «kritika yazyka» v Germanii* [Philosophy as a «language

criticism» in Germany]. St. Petersburg: SPbU Publ., 412 p.

Vasyukov, V.L. (2019). *Situatsii, sobytiya, fakty. Formal'naya fenomenologiya situatsiy* [Institutions, materials, facts. The formal phenomenological situation]. Moscow: Nauka Publ., 239 p.

Об авторе

Сабанина Наталия Рафаэлевна

соискатель, сектор Междисциплинарных проблем научно-технического развития, Институт философии РАН, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;

генеральный директор, ООО «Илиан», 107140, Москва, ул. Верхняя Красносельская, 20/1

e-mail: myzeinatali@mail.ru
ResearcherID: AAN-9554-2020

Vorob'eva, V.V. and Simonov, A.I. (2022). [Denotation]. *Gumanitarnyy portal: Kontsepty* [Humanitarian portal: Concepts]. Center for Humane Technologies. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7039> (accessed 04.08.2022).

About the author

Natalia R. Sabanina

Candidate for a Degree,
Department of the Interdisciplinary Problems of Scientific and Technical Development, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;

General Director,
Илиан LLC,
20/1, Verkhnyaya Krasnoselskaya st., Moscow, 107140, Russia

e-mail: myzeinatali@mail.ru
ResearcherID: AAN-9554-2020

УДК 128/129:7]:004
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-205-213>
EDN: GOWPTS

Поступила: 01.05.2024
Принята: 24.05.2024
Опубликована: 04.07.2024

КОНЦЕПЦИЯ СМЕРТИ АВТОРА И ПРОБЛЕМА ПОСТТВОРЧЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Малков Сергей Максимович

Институт философии РАН (Москва)

В работе анализируется концепция смерти автора Ролана Барта, изложенная им в статье «Смерть автора» (1968). Показывается, что в данном тексте можно выделить две различные ее трактовки: 1) автор умирает с появлением читателя; 2) автор умирает с кончиной буржуазной эпохи. Предпринимается попытка объединить их в одну концепцию на основе анализа понятия «обезличивание», которое, на наш взгляд, является у Барта одним из основополагающих. Делается вывод, что под обезличенным субъектом письма французский интеллектуал скорее всего понимал не отдельного человека, а человека вообще или человечество в целом. Процесс обезличивания осуществляется благодаря языку. Последний, по Барту, представляет собой набор готовых слов, фраз, оборотов, которые пишущий черпает для своих нужд, вынимая их запасников как из огромного ящика. В результате автор из творца идей, каким он представлялся начиная с Нового времени, превращается в простого скриптора. Ту же процедуру обезличивания язык производит и с читателем. В цифровом обществе проблема обезличивания автора возрождается в новом облике, в результате чего концепция Барта обретает вторую жизнь. Благодаря использованию современных генеративных технологий творчество живых артистов подвергается имитации, причем порой без их согласия. Особая ситуация возникает с умершими артистами, цифровые образы которых современные технологии способны искусственно воссоздавать и использовать в новых произведениях. В качестве примеров приводятся случаи из современного музыкального искусства, нейросети GPT, а также отечественного кинематографа.

Ключевые слова: Ролан Барт, смерть автора, личность, обезличивание, язык, генеративные технологии, цифровое общество, посттворчество.

Для цитирования:

Малков С.М. Концепция смерти автора и проблема посттворчества в цифровую эпоху // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 205–213. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-205-213>.
EDN: GOWPTS

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-205-213>

Received: 01.05.2024
Accepted: 24.05.2024
Published: 04.07.2024

THE CONCEPT OF THE DEATH OF THE AUTHOR AND THE PROBLEM OF POST-CREATIVITY IN THE DIGITAL AGE

Sergey M. Malkov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

The paper analyzes Roland Barthes' concept described in the article The Death of the Author (1968). It is shown that two different interpretations of the concept can be distinguished in this text: 1) the author dies with the appearance of the reader; 2) the author dies with the demise of the bourgeois era. The paper at-

tempts to combine them into a single concept basing on the analysis of the notion «depersonalization», which appears to be among the fundamental ones for Barthes. It is concluded that by the impersonal subject of writing, the French intellectual most likely understood not an individual, but human in general or humanity as a whole. The process of depersonalization is carried out through language. The language, according to Barthes, is a set of ready-made words, phrases that the writer draws for his needs, taking them out of the storerooms as from a huge box. As a result, the author turns from the creator of ideas, what he appeared to be since Modern times, into a simple scriptwriter. The language performs the same depersonalization procedure with the reader. In the digital society, the problem of depersonalization of the author is revived in a new guise, as a result of which the concept proposed by Barthes acquires second life. With the use of modern generative technologies, the work of live artists is imitated, sometimes without their consent. A special case is the situation with deceased artists whose digital images can be artificially recreated by modern technologies and used in new works. Examples cited in the paper include cases from modern musical art, the GPT neural network as well as Russian cinema.

Keywords: Roland Barthes, death of the author, personality, depersonalization, language, generative technologies, digital society, post-creation.

To cite:

Malkov S.M. [The concept of the death of the author and the problem of post-creativity in the digital age]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 205–213 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-205-213>, EDN: GOWPTS

Концепция смерти автора входит в состав триединого учения, наряду с концепциями смерти Бога и смерти человека. При этом она также обладает относительно самостоятельным характером. Как своеобразное завершение указанной триады она возникла в конце 1960-х гг. во Франции в трудах таких постструктуралистов, как Ролан Барт и, чуть позднее, Мишель Фуко. Барт изложил ее основные положения в статье, опубликованной в журнале *Manteia*, которая так и называется «Смерть автора» («La morte de L'auteur», 1968), а Фуко — в своем докладе «Что такое автор?» («Qu'est-ce qu'un auteur?»), прочитанном в Collèges de France в феврале 1969 г. Причем последний прорисовывает контуры особой программы исследований, пытаясь ответить на вопрос о том, что же остается на месте умершего автора? «Конечно же, — пишет он, — недостаточно просто повторять, что автор исчез. Точно так же, недостаточно без конца повторять, что Бог и человек умерли одной смертью. То, что действительно следовало бы сделать, так это определить пространство, которое вследствие исчезновения автора оказывается пустым, окинуть взглядом распределение лакун и разломов и выследить те свободные места и функции, которые этим исчезновением обнаруживаются» [Фуко М., 1996, с. 18]. Мы полагаем, что каж-

дая эпоха может по-своему отвечать на этот вопрос, по-особому понимать, что представляет собой это опустевшее пространство. В результате концепция смерти автора будет трансформироваться от эпохи к эпохе, меняться в зависимости от обусловивших ее исторических реалий, обретая новые, иногда крайне неожиданные смыслы и интерпретации. А поскольку, как полагал еще Аристотель, природа не терпит пустоты, то в этом пространстве будут периодически возникать и исчезать довольно функциональные «новообразования», типа *постбога* в виде искусственного интеллекта, *постчеловека* в виде киборга¹ и *поставтора* в виде нейросети ChatGPT и других цифровых генеративных технологий. Такие трансформации не могут не привлечь внимание философа, интересующегося проблемами творчества в цифровую эпоху.

* * *

Прежде чем перейти к современной проблематике, попытаемся реконструировать в общих чертах концепцию смерти автора, изложенную Роланом Бартом в 1968 г., вычленив основные

¹ См., например: [Харауэй Д., 2017; Брайдотти Р., 2021]. См. также критическое осмысление идеи смерти человека в [Лекторский В.А., 2004].

ее положения². Нельзя сказать, что эта концепция является отточенной во всех деталях, скорее, она напоминает схематично начертанный эскиз и ограничивается исключительно рамками литературоведения и, отчасти, лингвистики.

Приводя в самом начале статьи цитату из новеллы Бальзака «Сарразин», где идет речь о переодетом женщиной кастрате, Барт задается вопросом: «Кто говорит так? Может быть, герой новеллы, старающийся не замечать под обликом женщины кастрата? Или Бальзак-индивид, рассуждающий о женщине на основании своего личного опыта? Или Бальзак-писатель, исповедующий литературные представления о женской натуре? Или же это общечеловеческая мудрость? А может быть, романтическая психология? Узнать это нам никогда не удастся, по той причине, что в письме как раз и уничтожается всякое понятие о голосе, об источнике» [Барт Р., 1989, с. 384]. Это уничтожение голоса Барт называет *устранением автора*, в результате чего «совершенно напрасным становятся и всякие притязания на “расшифровку” текста. Присвоить тексту Автора — это значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо» [Барт Р., 1989, с. 389], или, как мы сказали бы сегодня, — превратить письмо как проект (как акт) в нечто свершившееся (в факт).

По Барту, со смертью автора исчезает и авторское содержание текста, поскольку ответить на перечисленные выше будоражащие ум вопросы уже некому, ведь перед нашими глазами остались лишь слова, фразы, письмо, но не их создатель Бальзак. Более того, сразу после написания произведение начинает жить собственной жизнью, генерируя свое содержание в процессе соприкосновения с читателем. В результате ряд литературоведов все чаще приходят к выводу, что мысли, рожденные в голове писателя, не бессмертны. Срок их жизни очень короток: они умирают в тот самый момент, ко-

гда их запись завершается. В этот момент текст навсегда уходит от породившего его автора.

Подход Барта можно охарактеризовать как антиэссенциалистский: существование текста предшествует его сущности. «Расшифровка» авторского текста заменяется его не знающей границ и запретов интерпретацией. Ближе к концу статьи Барт возвращается к упомянутой цитате из Бальзака и высказывает мысль о том, что со смертью автора уничтожение голоса и источника фразы происходит не окончательно: «Если у нее [бальзаковской фразы] есть источник и голос, то не в письме, а в чтении. <...> Читатель — это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении...»; и далее: «...рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [Барт Р., 1989, с. 390–391]. Такой подход прокладывает дорогу постмодернизму в литературе и искусстве: в силу смерти автора текст оказывается бессодержательным, в результате чего читатель вынужден наполнять его собственным смыслом, вдыхая в него собственную жизнь. Он противостоит другому, доминирующему в современном отечественном литературоведении подходу, согласно которому авторское содержание в произведении существует, но его границы нечетки и изменчивы. Этот подход основывается на методологическом принципе примата замысла автора над мыслью исследователя. Его сторонником можно, в частности, назвать известного филолога, достоеведа Т.А. Касаткину. В России идеи Барта пустили корни, причем они устремились далеко за пределы литературоведения, в частности послужив теоретической основой для современной театральной режиссуры. Т.В. Ковалевская в рецензии на одну из последних монографий Т.А. Касаткиной фиксирует широкое распространение концепции смерти автора в гуманитаристике: «Уже само предположение о наличии в тексте фиксированного смысла, который хотя бы теоретически можно понять до конца, является революционным для нынешней гуманитарной науки, где смыслопорождение — задача человека, воспринимающего произведение искусства или науки, и “умерший” автор не имеет права требовать от читателя нахождения определенного смысла в своих текстах (“Смысл произведения

² Критическому рассмотрению концепции смерти автора Р. Барта посвящено ряд исследований. Среди них выделим следующие: [Береснева Н.И., Кокарева Е.А., 2012; Спешилова Е.И., 2016; Усов О.О. и др., 2020; Колесников С.А., 2016, 2017, 2018]. См. также нашу статью более общего характера: [Малков С.М., 2011]. В данной работе взгляды М. Фуко мы анализировать не будем, поскольку они во многом перекликаются с основными идеями Барта.

порождается зрителем”, — объяснил автору рецензии известный специалист по современному искусству, стоя перед картинами Новой Третьяковки; честно мыслящий человек вслед за таким утверждением должен задаться вопросом о том, зачем тогда нужны науки об искусстве, а в пределе — зачем вообще нужно искусство, потому что для такого порождения смыслов нужен только солипсистический субъект, который может быть закуклен в себе и порождать все смыслы изнутри себя для собственного потребления, <...> потому что в такой системе невозможна сама передача смыслов; но, по понятным и далеким от искусства и науки причинам, такое логическое завершение мысли никогда не будет сделано» [Ковалевская Т.В., 2023, с. 248–249].

* * *

Однако у Барта в той же статье проглядывает и иная — идеологизированная — трактовка идеи смерти автора, коррелирующая с его гражданской позицией неприятия буржуазного общества и буржуазной культуры в целом, критиком которых он выступал, а также с известными парижскими событиями 1968 года. В этой трактовке текстом для него является не только литературное произведение, но и вообще весь мир, теряющий в глазах интеллектуала свой окончательный (читай — буржуазный) смысл. Он пишет: «...литература <...>, отказываясь признавать за текстом (*и за всем миром как текстом* (курсив наш. — С.М.)) какую-либо “тайну”, то есть окончательный смысл, открывает свободу контртеологической, революционной по сути своей деятельности, так как не останавливать течение смысла — значит в конечном счете отвергнуть самого бога и все его ипостаси — рациональный порядок, науку, закон» [Барт Р., 1989, с. 390]. Идея смерти автора-бога логически подводит нас к необходимости отвергнуть далее и самого Бога, а вслед за ним и его незыблемое творение — буржуазное общество с установленными и освященными на века божественными порядками, что и попытались осуществить французские студенты в год выхода в свет рассматриваемой нами статьи.

В чем же заключается эта антибуржуазная трактовка концепции смерти автора? Согласно Барту, автор существовал, но не всегда. Он зародился лишь в Новое время (хотя, наверное,

лучше было бы сказать — в эпоху Ренессанса, поскольку исторически первое буржуазное общество возникло в ряде итальянских городов) и связан с открытием феномена человеческой личности и достоинства индивида, иными словами, — отдельного человека, который начал ощущать себя творцом в литературе и искусстве. До этого он таковым себя не чувствовал, с первобытного общества занимаясь повествованием ради повествования, рассказом ради самого рассказа, «а не ради прямого воздействия на действительность» [Барт Р., 1989, с. 384]. Именно такими, по мысли французского интеллектуала, были шаманы и сказители далекого прошлого. Однако в Новое время ситуация в корне изменилась: средневековый Бог — абстрактный, единый и неделимый — конкретизировался и размножился, превратившись в автора, который заодно приватизировал и божественный голос. Сначала в эпоху Ренессанса статусом автора были наделены античные писатели, которым в буквальном смысле стали поклоняться (вспомним, к примеру, Марсилио Фичино, обожествлявшего Платона и переведшего на латынь его труды), а чуть позднее — и современные. В дальнейшем в литературоведении появляются своеобразные «жития авторов» — исследования их жизни и творчества, на страницах которых безраздельно царит фигура писателя-творца, «его личность, история его жизни, его вкусы и страсти» [Барт Р., 1989, с. 385]. Критика, в довершение процесса, стала искать объяснение любого произведения и, соответственно, усматривать «тайну» творения исключительно в создавшем его человеке, т.е. так, как раньше теологи объясняли все Божьим замыслом. Сейчас и такой подход, и сам автор заканчивают свое существование, умирая вместе с породившей его буржуазной эпохой. «Закат Европы» в конце концов приводит к закату автора. Предвестниками умирания выступили во французской литературе такие ее деятели, как Малларме, Валери и Пруст, которые поставили во главу угла своих произведений не содержание, а язык. Их индивидуальность стала проявляться в *стиле* письма. В результате установка *что писать* сменилась на *как писать*. Смерть автора, по Барту, означает растворение его как индивида в письме как некоем *обезличенном* общем акте, превращение его из «гения», говорящего собственным голосом, в

скриптора, воспроизводящего *обезличенный* текст. Такой текст, в свою очередь, порождает своего *обезличенного* буржуазного потребителя — чтеца.

* * *

Теперь зададимся вопросом: как можно совместить две указанные, несколько различающиеся трактовки концепции смерти автора, которые мы встречаем у Барта? Когда все-таки умирает автор — с появлением читателя или с кончиной буржуазной эпохи? Поиск ответа, на наш взгляд, следует начинать с рассмотрения различных трактовок понятия «обезличенное», которым пользуется Барт. Он не склонен понимать *обезличенное* письмо и *обезличенного* читателя в привычном нам советском коллективистском духе. Настрой создателя концепции смерти автора на обезличенность не бросает его в противоположную, но тоже эссенциалистскую по сути крайность, не приводит к воспеванию совместного труда творцов-единомышленников, живущих в социалистическом обществе, преодолевших чувство отчуждения от самих себя и несущих миру в своем коллективном творчестве новую, единственно верную идеологию вместо ложной старой. Барт далек и от мысли о необходимости создания на развалинах капитализма общества новой, более передовой коммунистической формации. Мы полагаем, что интенции французского интеллектуала были иные, гораздо более скромные, заставлявшие его эволюционировать в сторону идей экзистенциалистского и анархистского толка. Автор и читатель растворяются у него не в коллективе единомышленников, а в чем-то другом. Мыслитель, скорее всего, считал автора как порождения эпохи Нового времени некоей кажимостью, иллюзией, своеобразным миражом. И люди поверили в этот мираж, и верят в него до сих пор. Однако если попытаться скинуть буржуазное по своей сути покрывало майя с современного Барту общества, то оно предстанет перед нами не как совокупность индивидов, а как человечество вообще. И тогда выяснится, что авторами текстов являются вовсе не отдельные люди, — не Бальзак, не Гюго и не Стендаль, — а *общество в целом как единый и единственный субъект письма*, породивший все, что было создано за долгую историю существования человеческого рода. Имен-

но такая трактовка обезличенности, на наш взгляд, наиболее близка мысли Барта, хотя прямо он ее не артикулирует.

Истоки письма как обезличенного социального действия уходят в глубь веков, и продолжается оно до сих пор. Это письмо длится как бесконечный процесс. У него отсутствует какая-либо собственная цель, а значит и смысл. Такое письмо по сути своей перформативно, т.е. совершается само по себе и существует исключительно ради самого себя. Сейчас мы бы, скорее всего, назвали этот процесс своеобразной социальной графоманией. Социальное письмо по своей природе нелинейно и диалогично. Оно разворачивается в *многомерном пространстве*, в нем «сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [Барт Р., 1989, с. 388]. Поэтому его следует распутывать, как клубок ниток, а не расшифровывать, как некое тайное послание авторского голоса миру. Мы полагаем, что автора по Барту замещает своеобразный *обезличенный* субъект, по своим характеристикам очень похожий на трансцендентальный, который к тому же постоянно и бесцельно эволюционирует. И имя ему — *человек вообще*, или человечество.

Однако, как мы уже отмечали, отдельные читатели наделяют письмо собственным содержанием. Поэтому следует признать, что наряду с ними существует и обезличенный читатель — «человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь *некто*, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [Барт Р., 1989, с. 390]. В результате *чтение* также оказывается обезличенным процессом, идущим рука об руку с *письмом* и не имеющим собственной цели и смысла. Субъектом чтения, как и письма, также приходится признать человека вообще, т.е. человечество.

Но как именно совершается процедура обезличивания? Какова та среда, которая растворяет в себе, социализирует личность писателя? Таковой, по Барту, является язык. Он представляет собой набор готовых слов, фраз, оборотов, которые пишущий черпает для своих нужд, вынимая их оттуда, как из огромного ящика. «Скриптор, пришедший на смену автору, несет

в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки» [Барт Р., 1989, с. 388]. Такое же обезличивание происходит и с читателем, который пользуется языком аналогичным образом. В этом плане язык есть нечто предзаданное, существующее до и вне писателя и читателя. И Тургенева, и Толстого, и Достоевского, несмотря на все разнообразие их воззрений, если рассматривать как обезличенных скрипторов, объединяет то, что писали они на одном, русском языке — языке своих читателей, который принадлежит всем. Они пользовались одними и теми же словами и даже фразами, черпая их из необъятной сокровищницы «великого и могучего».

Однако возникает закономерный вопрос: если письмо, скажем, того же Достоевского, обезличивается языком, то возможно ли сегодня, после смерти Федора Михайловича, продолжить генерацию его текстов, используя язык как готовый к работе ящик-словарь? Современное цифровое общество отвечает на него утвердительно. Концепция смерти автора, следуя процитированной выше мысли Фуко, обретает ныне новое звучание. Отделившись от своего почившего создателя Ролана Барта, она продолжает жить собственной жизнью.

* * *

В *цифровом обществе* проблема обезличивания автора текста вообще и интернет-текста в частности возрождается в новом облике. Рассматривая эту тему, мы коснемся только невербальных текстов, характерных в первую очередь для музыкального искусства, но это легко распространить и на другие виды творческой деятельности — живопись, кино, театр и т.д.

Возможность продолжения написания новых музыкальных текстов после смерти автора связана с использованием искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых генеративных технологий. Причем сегодня речь идет уже не об авторах-композиторах — Генделе, Вивальди, Бахе и т.д., — за которых сгенерировать музыку в состоянии даже не особо продвинутый ИИ, а об авторах-исполнителях, причем даже тех, которые живы.

Так, в апреле 2023 г. вышла в свет на стриминговых интернет-сервисах песня «Heart on

my Sleeve», которая позднее была представлена на соискание премии Грэмми, пройдя предварительный отбор. Однако затем она была признана не соответствующей условиям конкурса, поскольку, как выяснилось, не была спета головами тех двух певцов, которые были в ней заявлены, — Дрейка и The Weeknd (Эйбела Маккóнена Тэсфайе). На самом деле это были *образы* их голосов, созданные с помощью программного обеспечения ИИ, натренированного на существующих музыкальных записях данных артистов. Выяснилось это в результате судебного иска, который подала компания Universal Music Group, выпускающая музыку этих двух певцов. В том же месяце Universal Music Group попросила Apple, Spotify и другие стриминговые сервисы удалять музыку, созданную ИИ.

Спустя почти год, Теннесси стал первым штатом США, который ввел в действие закон о защите голоса, образа и подобия для своих жителей от злоупотреблений ИИ. Он получил название «Закон Элвиса» («Elvis Act») в честь легендарного певца Элвиса Пресли и призван защищать от имени государства создателей музыки, вводя в действие юридические способы защиты их голоса. Закон был подписан губернатором Теннесси Биллом Ли 21 марта 2024 г. как реакция на появление высококачественных подделок и несанкционированное использование голосов и даже визуальных подобий артистов, созданных благодаря достижениям ИИ.

В начале апреля 2024 г. американская некоммерческая организация «Artist Rights Alliance» («Альянс за права артистов»), защищающая права музыкантов, поэтов-песенников и исполнителей, распространила открытое письмо против неэтичного использования ИИ в музыке, под которым поставили свои подписи более двухсот музыкальных исполнителей. В нем содержится призыв «к разработчикам ИИ, технологическим компаниям, платформам и сервисам цифровой музыки прекратить использование искусственного интеллекта для ущемления и девальвации прав исполнителей-людей» [Gibbs A., 2024]. Авторы письма призывали технологические компании, разработчиков и цифровые музыкальные сервисы пообещать не разрабатывать и не использовать генеративные технологии, которые ущемляют и заменяют артистов-людей.

Не секрет, что любой звуковой ряд, в том числе голоса артистов, можно оцифровывать, затем сэмплировать, т.е. разбивать на мелкие фрагменты, для последующей их сборки и вставки в новые музыкальные произведения. Не напоминают ли эти сэмплы обычные слова того самого языка-ящика Барта, из которого скриптор черпает материал для продолжения своего обезличенного письма?

Нельзя не согласиться, что использование голосов живых артистов в звукозаписывающей индустрии без их согласия вызывает множество вопросов этического характера. Кроме того, распространение такой продукции способствует снижению доходов исполнителей. Однако как быть, если такая практика осуществляется звукозаписывающей фирмой с согласия певца? Например, в силу возрастных особенностей вокалист уже не может как прежде брать высокие ноты и не имеет ничего против того, чтобы взять их из предыдущих своих записей и вставить в новую? Что делать, если певец скончался, а его нынешние наследники-правообладатели не возражают против дальнейшего использования цифрового образа его голоса в коммерческих целях? Как поступить, если при таких же обстоятельствах мы имеем дело не с исполнителем легких эстрадных песен, а с представителем высокого искусства, например с оперным певцом?

Современные технологии позволяют оцифровывать не только новые, но и старые записи, сэмплировать их, осуществлять ремастеринг и на этой основе генерировать музыкальные произведения, не существовавшие в тот исторический период. Насколько будет этично, если, скажем, новые патриотические песни, прославляющие ратные подвиги участников СВО, будут исполнены не современными малоизвестными артистами, а цифровыми образами выдающихся голосов советского прошлого Клавдии Шульженко и Марка Бернеса?

Как известно, сохранилось огромное количество аудиозаписей прославленного итальянского тенора Лучано Паваротти. Однако ни один певец не в состоянии исполнить все, что было до этого написано композиторами. В связи с этим возникает вопрос: насколько этично использовать образ его голоса для исполнения тех опер, в которых он никогда не был задействован? Как быть, если в ряде таких опер пе-

вец при жизни по тем или иным причинам сам отказывался петь?

Наконец, есть еще один тревожный момент. Уже давно замечено, что нынешнее количество вокалистов на земле в каком-то смысле избыточно. Зачем нужны оперному миру условные миллион теноров, если вполне достаточно и троих, но самых лучших, — Паваротти, Доминго и Хосе Каррераса? Не случится ли так, что голосов этих певцов окажется достаточно и для всех будущих поколений? Не превратится ли в таком случае профессия певца в вымирающую?

Наблюдается также практика использования в коммерческих целях голосов, близких по звучанию голосам известных артистов. Так, 13 мая 2024 г. компания OpenAI, одним из основателей которой был Илон Маск, являющаяся разработчиком ChatGPT, представила новую версию генеративного искусственного интеллекта GPT-4o³. В отличие от прошлых версий, разработчики обучили новую модель сквозному анализу текста, изображения и аудио. В ней чат-бот общается с потенциальным пользователем голосом, который «поразительно напоминает голос персонажа, которого Скарлетт Йоханссон играет в фильме “Она”, где мужчина завязывает отношения с опытной ассистенткой, наделенной искусственным интеллектом» [Robison K., 2024]. По словам Йоханссон, в сентябре 2023 г. представитель компании «обратился к ней с предложением разрешить использовать голос актрисы для нового голосового помощника ChatGPT. Однако та отказалась “по личным причинам”. За несколько дней до презентации новой версии чат-бота гендиректор компании вновь связался с актрисой и призвал изменить решение, но та снова отказалась. На презентации компания представила пять голосов, и один из них — Sky — был “ужасно похож” на Йоханссон. “В то время как мы все боремся с дипфейками и защищаем свою работу, свою индивидуальность, я считаю, что эти вопросы заслуживают абсолютной ясности”, — сказала актриса. В OpenAI 19 мая заявили, что голоса помощника принадлежат разным актерам озвучки, но отказались разглашать имена, “чтобы защитить их конфиденциальность”. На

³ См.: URL: <https://openai.com/index/hello-gpt-4o/> (дата обращения: 28.05.2024).

следующий день компания написала в X о планах приостановить использование голоса Sky «из уважения к миссис Йоханссон» [Шошина С., 2024].

Положение дел осложняется также тем, что современные генеративные технологии могут использоваться для создания не только нового аудио, но и видеоряда. Так, 30 мая 2024 г. у нас в стране выходит в кинопрокат художественный фильм «Манюня: Приключения в Москве» с участием нарисованного с помощью нейросети цифрового образа умершего известного советского артиста Юрия Никулина. Его образ, в строгом соответствии с концепцией Барта, отделяется от своего почившего носителя и начинает жить собственной жизнью, превратившись в невербальный знак (а сам артист — в обезличенного субъекта).

Сегодня мы не можем с уверенностью сказать, насколько такая практика «воскресения» мертвецов окажется в будущем востребованной. Однако не исключено, что мы вступаем в новую эпоху посттворчества, когда смерть человека перестает быть существенной помехой для продолжения его творческого пути. При этом неизвестно, как все это скажется на непосредственном потребителе данного контента — слушателе и зрителе. Не приведет ли это к усилению и без того набирающего обороты культурного упадка жителей нашей страны и планеты в целом? Пока подобные вопросы остаются не только без ответа, но даже без обсуждения.

Список литературы

- Барт Р.* Смерть автора / пер. с фр. С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
- Береснева Н.И., Кокарева Е.А.* Эволюция идеи «Смерть автора» // Филологические заметки. 2012. Т. 10, № 1. С. 3–10.
- Брайдотти Р.* Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 408 с.
- Ковалевская Т.В.* О человеке, его личности и тайне и о ее разгадках // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3(23). С. 247–255. DOI: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-247-255>
- Колесников С.А.* Автор в жизни и в радости // Человек. 2018. № 5. С. 140–154. DOI: <https://doi.org/10.31857/s023620070000730-0>

Колесников С.А. Взгляни на дом свой, автор! // Человек. 2017. № 4. С. 159–172.

Колесников С.А. Так похоронен ли автор? // Человек. 2016. № 4. С. 132–145.

Лекторский В.А. Умер ли человек? // Человек. 2004. № 4. С. 10–16.

Малков С.М. Автор как культурно-исторический субъект // Человек. 2011. № 4. С. 146–157.

Спешилова Е.И. Бессмертие автора // Человек.RU. 2016. № 11. С. 118–125.

Усов О.О., Федоров В.А., Федорова Н.А., Головешкина Н.В. «Смерть автора» в контексте современной журналистики // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 4(48). С. 197–201.

Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С.В. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 7–46.

Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / пер. с англ. А.В. Гараджа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

Шошина С. Скарлетт Йоханссон раскритиковала OpenAI из-за голоса чат-бота // РБК. 2024. 21 мая. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/664c29689a794743d712fb65> (дата обращения: 28.04.2024).

Gibbs A. 200 musical artists sign an open letter against unethical AI in music, what to know // The Tennessean. 2024. Apr. 2. URL: <https://www.tennessean.com/story/entertainment/music/2024/04/02/200-musical-artists-sign-an-open-letter-against-harmful-ai-in-music/73179130007/> (accessed: 28.04.2024).

Robison K. ChatGPT will be able to talk to you like Scarlett Johansson in Her // The Verge. 2024. May 13. URL: <https://www.theverge.com/2024/5/13/24155652/chatgpt-voice-mode-gpt4o-upgrades> (accessed: 28.04.2024).

References

Bart, R. (1989). *Smert' avtora* [Death of the author]. *Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Bart R. Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ., pp. 384–391.

Beresneva, N.I. and Kokareva E.A. (2012). [Evolution of the idea of «Death of the author»]. *Filologicheskie zametki* [Philological Studies]. Vol. 10, no. 1, pp. 3–10.

- Braidotti, R. (2021). *Postchelovek* [Posthuman]. Moscow: Institut Gaidara Publ., 408 p.
- Foucault, M. (1996). [What is an author?]. *Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow: Kastal' Publ., pp. 7–46.
- Gibbs, A. (2024). 200 musical artists sign an open letter against unethical AI in music, what to know. *The Tennessean*. Apr. 2. Available at: <https://www.tennessean.com/story/entertainment/music/2024/04/02/200-musical-artists-sign-an-open-letter-against-harmful-ai-in-music/73179130007/> (accessed 28.04.2024).
- Haraway, D. (2017). *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskiy feminizm 1980-kh* [The cyborg manifesto: Science, technology and socialist feminism in the 1980s]. Moscow: Ad Marginem Press, 128 p.
- Kolesnikov, S.A. (2016). [So is the author buried?]. *Chelovek* [Human Being]. No. 4, pp. 132–145.
- Kolesnikov, S.A. (2017). [Look homeward, the author!]. *Chelovek* [Human Being]. No. 4, pp. 159–172.
- Kolesnikov, S.A. (2018). [The author in life and in joy]. *Chelovek* [Human Being]. No. 5, pp. 140–154. DOI: <https://doi.org/10.31857/s023620070000730-0>
- Kovalevskaya, T.V. (2023). [On the human being, personality and mystery, and its solutions]. *Dostoev-*

- skiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]. No. 3(23), pp. 247–255. DOI: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-247-255>
- Lektorsky, V.A. (2004). [Is a person dead?]. *Chelovek* [Human Being]. No. 4, pp. 10–16.
- Malkov, S.M. (2011). [The author as a cultural and historical subject]. *Chelovek* [Human Being]. No. 4, pp. 146–157.
- Robison, K. (2024). ChatGPT will be able to talk to you like Scarlett Johansson in Her. *The Verge*. May 13. Available at: <https://www.theverge.com/2024/5/13/24155652/chatgpt-voice-mode-gpt4o-upgrades> (accessed 28.04.2024).
- Shoshina, S. (2024). [Scarlett Johansson criticized OpenAI because of the voice of the chatbot]. *RBK*. May 21. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/664c29689a794743d712fb65> (accessed 28.04.2024).
- Speshilova, E.I. (2016). [The immortality of the author]. *Chelovek.RU*. No. 11, pp. 118–125.
- Usov, O.O., Fedorov, V.A., Fedorova, N.A. and Goloveshkina, N.V. (2020). [«The death of the author» in the context of contemporary journalism]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University]. No. 4(48), pp. 197–201.

Об авторе

Малков Сергей Максимович
младший научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: sm.malkov@gmail.com
ResearcherID: V-8565-2018

About the author

Sergey M. Malkov
Junior Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: sm.malkov@gmail.com
ResearcherID: V-8565-2018

УДК 130.2:159.9
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>
EDN: JIQUZQ

Поступила: 01.05.2024
Принята: 24.05.2024
Опубликована: 04.07.2024

МЕТАФОРИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТНОГО ЯЗЫКА

Филипенко Станислава Андреевна

Институт философии РАН (Москва)

Исследована тропологическая природа личностного языка. Личностный язык представляет собой то имплицитное содержание грамматических структур, которое выходит за рамки словарных значений употребляемых в речевой практике слов и выражений. На основе разработок представителей Харьковской лингвистической школы делается вывод о метафорическом характере личностного языка. Личностные смыслы, которыми субъект наделяет используемые им общезначимые понятия, могут рассматриваться как метафорические, переносные значения этих понятий, поскольку являются результатом соотнесения нового изучаемого явления действительности с наличным субъективным опытом и переноса значений с уже известного на познаваемое. Тропологический характер личностного языка проявляется как в художественном творчестве, так и в научном познании, что указывает на их глубинную связь. Иносказательное употребление научных терминов продемонстрировано на примере классификации живых организмов. При отнесении той или иной особи к определенному виду ученый-таксономист обнаруживает у нее признак, который он считает существенным для данного вида. Таким образом, характеристики конкретной таксономической группы применяются к наблюдаемому животному или растению, значения известных терминов переносятся на новый исследуемый объект. Описанный представителем Харьковской школы А.А. Потебней механизм возникновения нового слова в иносказательном значении позволяет объяснить и метафорическое употребление научных терминов. В основе любой классификации лежит «сдвиг» исходных смыслов используемых понятий, распространение их на новое явление. В процессе отнесения изучаемого объекта к некоей категории выделяются его свойства, которые сопоставляются с отличительными особенностями данной категории объектов.

Ключевые слова: личностный язык, метафора, образ, наука, искусство, перенос значений, Харьковская лингвистическая школа, контекст, таксономия, классификация.

Для цитирования:

Филипенко С.А. Метафоричность личностного языка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 214–222. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>. EDN: JIQUZQ

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>

Received: 01.05.2024
Accepted: 24.05.2024
Published: 04.07.2024

METAPHORICITY OF PERSONAL LANGUAGE

Stanislava A. Filipenok

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

The paper examines the tropological nature of personal language. Personal language is the implicit content of grammatical structures that goes beyond dictionary meanings of words and expressions. The representatives of Kharkov Linguistic School demonstrated the metaphorical nature of personal language.

Personal meanings are metaphorical meanings of concepts since they are the result of correlating a new phenomenon with subjective experience and of transferring meanings from the already known to what is being cognized. Tropological nature of personal language is manifested both in artistic creativity and in scientific cognition, which indicates their deep connection. In the paper, the metaphorical use of scientific terms is demonstrated on the classification of living organisms. When referring a particular individual to a certain species, a taxonomist discovers a characteristic in it that he considers essential for the species. Thus, the characteristics of a particular taxonomic group are applied to an animal or plant being observed, while known meanings of terms are transferred to a new object. Described by Kharkov Linguistic School representative A.A. Potebnya, the mechanism of the emergence of a new word in an allegorical meaning makes it possible to explain the metaphorical use of scientific terms. The basis of any classification is a «shift» of the original meanings of concepts, their extension to a new phenomenon. In the process of classifying an object under a certain category, its properties are identified and compared with the distinctive features of objects belonging to this category.

Keywords: personal language, metaphor, image, science, art, transfer of meanings, Kharkov Linguistic School, context, taxonomy, classification.

To cite:

Filipenok S.A. [Metaphoricity of personal language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 214–222 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-214-222>, EDN: JIQUZQ

Введение. Личностный язык как средство познания

Художественное творчество Николая Константиновича Рериха, чье 150-летие со дня рождения отмечается в этом году, пронизано его самобытной глубокой философией, в рамках которой человек представлен в единстве его духовных сил. Личность самого Н.К. Рериха является олицетворением того, как духовные устремления одного человека, направленные на постижение единства Истины, Добра и Красоты, могут проявляться совершенно разными способами. На это обращал внимание Джавахарлал Неру: «Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и путешественник, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений» [Рерих Н.К., 1990, с. 53]. Будучи разносторонней личностью, Н.К. Рерих был убежден, что наука и искусство неотделимы друг от друга. Еще в юные годы ему полюбилось высказывание Л.Н. Толстого: «Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце, так что если один орган извращен, то и другой не может правильно действовать» [Рерих Н.К., 1990, с. 54]. Можно предположить, что независимо от вида деятельности в основе всякого совершаемого конкретным субъектом познавательного акта лежит его целостный личностный опыт в един-

стве разных аспектов. Любой когнитивный акт представляет собой уникальную экзистенциальную ситуацию, которая возникает благодаря взаимодействию разнообразных сторон человеческой субъектности.

Основным средством человеческого познания, пожалуй, является естественный язык. Имеет смысл рассмотреть вопрос, можно ли считать языковые приемы, с помощью которых говорящий стремится выразить свой личностный опыт, проявлениями его личностного языка. Если предположить, что личностный опыт определяет любой вид когнитивной деятельности, можно ли утверждать, что личностным характером обладает любая осуществляемая индивидом языковая практика, будь то научная или художественная? Если уникальный художественный стиль того или иного художника мы можем рассматривать как его личностный язык, то в отношении ученого у нас не получится получить столь быстрый ответ на вопрос, владеет ли он своим собственным личностным языком. Традиционно принято считать, что ученый использует в исследованиях интерсубъективный язык, состоящий в основном из обезличенных, общезначимых терминов. Чтобы ответить на поставленный вопрос, мне необходимо разъяснить, что я понимаю под личностным языком и какова его природа.

Личностный язык я рассматриваю как речевую практику конкретного человека, в которой находит выражение его неповторимое личностное знание. Огромный пласт личностного знания составляет так называемое неявное, «молчаливое» знание (*tacit knowledge*). Роль неявного знания в познании была показана философом и ученым середины XX в. М. Полани в рамках разработанной им концепции личностного знания [Полани М., 1985]. Именно объективация имплицитных компонентов системы личностного знания в грамматических конструкциях выступает условием творчества и приращения знания. Основу личностного языка и составляет то неявное содержание языковых структур, которое выходит за рамки словарных значений употребляемых понятий. В каждом конкретном речевом акте общезначимые значения используемых грамматических структур обретают новые смысловые оттенки в уникальном контексте личностного опыта. Как отмечал М. Полани [Polanyi M., 2005, p. 221], при каждом применении слова в устной или письменной речи мы одновременно подчиняемся правилам его употребления, и в то же время некоторым образом их меняем, привнося что-то свое. Любой коммуникативный акт сопровождается сдвигом исходных смыслов, и вся наша речевая практика может рассматриваться как непрерывный процесс модификации смысловых грамматических структур. Таким образом, в нашем языковом опыте содержится огромный творческий потенциал по созиданию новых смыслов, которые могут найти воплощение как в новых языковых выражениях, так и в новом знании в целом и материальных объектах культуры.

Тропологическая природа личностного языка

Представление о том, что личностный язык определяют имплицитные смыслы, которые привносит субъект в общезначимые грамматические структуры, подчеркивает его метафорическую, тропологическую природу. Поскольку любой речевой акт предполагает «сдвиг» смыслов применяемых слов, то можно утверждать, что в определенном отношении все слова в нашей языковой практике мы употребляем в переносном значении. Это позволяет говорить о том, что используемый в по-

вседневной жизни язык метафоричен. Представления о фундаментальной роли тропов как оснований естественного языка были сформированы уже достаточно давно. Так, основатель Харьковской лингвистической школы (вторая половина XIX – нач. XX вв.) Александр Афанасьевич Потебня утверждал, что естественный язык в силу его метафоричности по преимуществу является поэтическим, а слово живого языка он называл «элементарной формой поэзии». Исследователь подчеркивал, что именно за счет своей многозначности, метафоричности, иносказательности слово и может выполнять такие задачи, как обеспечение познания мира [Моркина Ю.С., 2021, с. 399]. Пожалуй, можно предположить, что именно способность говорящего употреблять понятия в переносном смысле позволяет ему обнаруживать новые свойства того явления, которое обозначается этим понятием. Сдвиг смыслов, происходящий в результате использования языковых выражений в переносном смысле, и обеспечивает приращение знания. Развивает высказанные А.А. Потебней идеи его ученик А.Г. Горнфельд, отмечавший, что «каждое слово употребляется нами, собственно, в переносном значении» [Горнфельд А.Г., 2021, с. 394]. Как он полагал, создание языка в известной стадии идет путем поэтического творчества: «Познавая новое явление, мысль называет его по одному из его признаков, который представляется ей наиболее существенным и сам уже познан предварительно как самостоятельное явление. Это объяснение нового явления посредством перенесения на него названия уже известного и есть то, что мы называем троп...» [Горнфельд А.Г., 2021, с. 394]. Непрерывно сталкиваясь в повседневной жизни с новыми явлениями, индивид применяет к ним, исходя из имеющегося у него личностного знания, известные ему понятия, таким образом выделяя в данных явлениях то, что представляется ему наиболее существенным. Можно предположить, что в основе личностного языка и лежит наделение изучаемого объекта определенными характеристиками по аналогии с другими объектами, представления о которых имеются в субъективном опыте. Личностные смыслы и можно понимать как переносные значения, которые привносятся в понятия при соотнесении нового познаваемого

явления с имеющимся субъективным опытом. Перенос характеристик одного явления на другое является результатом действия ассоциативного мышления, подчас устанавливающего совершенно неожиданные смысловые связи между отдельными компонентами опыта.

С метафоричностью личностного языка также связана его образность. В индивидуальном сознании понятия вызывают определенные образы, отсылающие к содержащимся в опыте переживаниям и воспоминаниям. Воображение играет фундаментальную роль в познании, объединяя разрозненные компоненты опыта в целостный образ, не поддающийся порой рациональной реконструкции. Можно предположить, что образную составляющую имеют не только конкретно-чувственные понятия, в формировании которых участвует воображение, но и абстрактные, которые могут ассоциироваться в сознании с какими-то конкретными образами. В неповторимом контексте личностного опыта усваиваемые субъектом понятия обретают многочисленные неосознаваемые в полной мере и недоступные логическому объяснению ассоциативные связи с неисчислимым множеством компонентов этого опыта. Эти смысловые связи и определяют содержание неявного, «молчаливого» знания, которое находит воплощение в переносном, личностном смысле. Как отмечал другой последователь А.А. Потемби В.И. Харциев, помимо словарных значений слова естественного языка обладают множеством дополнительных значений, формирующих образное мышление. Благодаря богатству смысловых оттенков, которые привносятся в грамматические структуры и порождают наши субъективные образы, используемый нами язык по сути своей обладает поэтическим характером: «Если бы мы для знания языка, для его употребления пользовались бы только той стороной речи, которую составляют слова безобразные, слова в так называемом буквальном значении, то мы, кроме множества значений, входящих в словарь, потеряли бы целую массу значений, не входящих в него. Язык делает поэтичным постоянное употребление слов в значениях, не входящих ни в какой словарь...» [Харциев В.И., 2019, с. 231]. В.И. Харциев отмечал, что эти многочисленные значения могут быть присущи мышлению целых народов и эпох. Однако можно предположить, что и от-

дельно взятый субъект способен наделять употребляемые им языковые выражения новыми, особыми значениями. Эти значения могут сохраняться в имплицитной форме, не находя выражения в явном виде, но тем не менее вызывая субъективный образ в индивидуальном сознании.

Когнитивное значение воображения было показано, в частности, основоположниками когнитивной лингвистики Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. На основе эмпирического анализа роли метафор в мышлении и разговорной практике они пришли к выводу об имманентном присутствии воображения в структуре значения. Более того, они продемонстрировали, что «человеческое мышление метафорично по своей природе», поскольку метафоры «наводят мосты между различными областями опыта и являются важнейшими средствами человеческого понимания» [Смирнова Н.М., 2022, с. 165]. На примере английского языка они показали, что даже повседневная практика предполагает иноказательное использование выражений естественного языка. На этом основании они делают вывод о фундаментальном значении метафор в познавательной деятельности: «...метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф Дж., Джонсон М., 2008, с. 25]. Подробно рассматривая в своем знаменитом труде «Метафоры, которыми мы живем» многочисленные случаи того, как в английском языке слова используются в переносном значении, исследователи продемонстрировали культурно-историческую детерминацию применяемых в обыденном мышлении выражений и основанных на них концептуальных систем. Однако позволю от себя добавить, что помимо закрепленных в том или ином языке метафорических выражений, усваиваемых индивидом в его речевой практике, в структуре личностного опыта слова естественного языка могут приобретать новые, имплицитные смыслы. Они могут и не быть зафиксированы в языковой форме, однако они подразумеваются субъектом в конкретном речевом акте, порождая определенный образ в его сознании.

По моему мнению, представление о том, что личностный смысл языковых структур как источник нового знания возникает в контексте уникального личностного опыта индивида, встраивается в контекстуальную теорию метафоры, родоначальником которой является А. Ричардс. Как отмечает современный отечественный исследователь Н.М. Смирнова, «согласно этой теории, метафора представляет собой продукт взаимодействия как терминов самого метафорического выражения, так и окружающего (прилегающего к нему) контекста. В соответствии с подобной контекстуальной теорией значения, центральный термин метафорического высказывания не только испытывает смысловое влияние контекста, но и сам привносит в него новое содержание» [Смирнова Н.М., 2017, с. 156]. Основопологающим когнитивным контекстом, в котором происходит познавательная деятельность любого субъекта, я считаю его собственный личностный опыт. Именно в нем и отмечается сдвиг смыслов словарных значений слов, который приводит к возникновению нового знания. С одной стороны, личностное знание субъекта определяет содержание, которое привносится в применяемые им языковые структуры, а с другой стороны, сами эти структуры видоизменяют определенным образом тот смысловой контекст, в котором оказываются. Значимость наших переживаний, формирующих субъективный опыт, была показана С. Курцем и Д. Сноуденом: «...все человеческие взаимодействия находятся под сильным влиянием и зачастую детерминируются паттернами многообразия нашего переживания, внутреннего опыта, как через непосредственное влияние личностного опыта, так и через коллективный опыт, выраженный в форме историй, рассказов» [Kurtz C.F., Snowden D.J., 2003, p. 467] (цит. по: [Смирнова Н.М., 2017, с. 157]). Контекст личностного опыта, в котором субъект воспринимает языковые выражения, формирует множество личностных смыслов, которые придают данному выражению метафорический характер. Как отмечал А.А. Потебня, «каждый раз рождение смысла заново происходит в новом контексте и из новых элементов. Субстанция, из которой все создается, — поток сознания» [Моркина Ю.С., 2019, с. 106]. Всю речевую практику конкрет-

ного индивида можно представить как процесс созидания новых личностных смыслов в конкретных речевых актах путем соотношения применяемых языковых выражений с наличной системой личностного знания.

Метафоричность личностного языка в искусстве и науке

Метафоричность личностного языка заключается в том, что в основе любого словоупотребления лежит иносказательное употребление языковых выражений, наделение их дополнительными, имплицитными смыслами. Поскольку я исхожу из того, что личностный язык находит воплощение как в искусстве, так и в науке, можно предположить, что в этих видах деятельности проявляется его метафорический характер. Наиболее очевидна роль метафор в художественном творчестве. Так, суть поэзии заключается в использовании художественных приемов, порождающих новые, непривычные для обыденного сознания смыслы. В основе других художественных языков также лежит механизм переноса значений с одних явлений на другие, что и создает порой совершенно неожиданные художественные образы, позволяющие выйти за рамки повседневного опыта. Однако заслуживает особого внимания вопрос о тропологической природе научного мышления. Если удастся показать, что метафоричность личностного языка для научного познания имеет не меньшее значение, чем для художественного творчества, можно будет сделать вывод о глубокой, сущностной связи языка науки и языка искусства.

В современной научной литературе можно найти работы, в которых проводится анализ взаимосвязи языка науки и языка искусства. В частности, отечественный психолог Т.Д. Марцинковская раскрывает три «парадокса», свидетельствующих о взаимодействии языков науки и искусства [Марцинковская Т.Д., 2018]. Все эти три парадокса призваны показать, что ученые обосновывают свои открытия с помощью языка искусства и эмоционально насыщенных оборотов, свойственных в большей степени искусству, в то время как художники для объяснения своих озарений и созданных ими произведений могут прибегать к языку науки и строгой научной терминологии. Т.Д. Марцинковская

утверждает, что синтез науки и искусства возможен благодаря существованию объединяющего их так называемого универсального предметного кода (УПК, термин советского лингвиста и психолога Н.И. Жинкина), который представляет собой систему знаков, имеющих характер чувственного отражения действительности в сознании [Марцинковская Т.Д., 2018].

Проведенный Т.Д. Марцинковской анализ позволяет увидеть взаимосвязь языков науки и искусства. Художники и ученые в своей деятельности заимствуют друг у друга полученное знание и выработанные принципы его построения и обоснования. Зачастую это обусловлено желанием не столько совершить открытие, сколько донести новое знание до широкого круга людей. Однако, несмотря на их взаимодействие, языки наук и искусств в приведенных Т.Д. Марцинковской примерах сохраняют свою специфику и относительную автономию. Ученые и художники прибегают к языкам друг друга для обоснования уже имеющегося у них знания. Если же исходить из тезиса о том, что в основе и научного познания, и художественного творчества лежит личностный язык, можно предположить, что между ними существует более глубокая связь.

Говорить о единстве языка науки и языка искусства и о существовании между ними глубокой связи можно будет в том случае, если удастся продемонстрировать метафорическую природу научного языка наравне с художественным языком. Речь идет не просто об использовании метафор и ярких образов учеными, но и о их способности употреблять научные понятия и термины в переносном значении. Казалось бы, исследователь стремится выражать научное знание в однозначных терминах, абстрагируясь от субъективных смыслов. Однако представляется, что все же в своей познавательной практике ученый неизбежно наделяет усваиваемые общезначимые термины субъективным, имплицитным содержанием, включая их в сформировавшуюся у него систему личностного знания. В индивидуальном сознании даже самые абстрактные научные понятия могут вызывать внутренние образы, уникальные ассоциации с субъективными переживаниями и впечатлениями. Можно предположить, что именно объективация имплицитных личностных смыслов в языке служит

фактором развития научного знания.

Приведу пример из эмпирической науки, каким образом научные понятия наполняются личностным содержанием, что в конечном счете приводит к «сдвигу» исходных смыслов и возникновению нового знания. Наиболее ярко образность и метафоричность научного языка проявляется в деятельности по классификации исследуемых объектов по группам. В своем труде «Личностное знание» М. Полани посвятил отдельную главу таксономии — разделу биологии, в рамках которого ученые занимаются классификацией живых организмов [Полани М., 2022]. Причисление конкретной особи к тому или иному виду основано на выделении из всего многообразия имеющихся у нее свойств характерного для данной таксономической группы признака. Этот признак проявляется у каждого организма по-своему. Каждый ученый-таксономист, исходя из сформировавшихся у него субъективных представлений об особенностях разных видов, устанавливает, какими характеристиками обладает данная особь, и на этом основании относит ее к тому или иному виду. В его индивидуальном сознании знание об отличительных особенностях определенной биологической группы вызывает некий обобщенный образ данной группы, с которым он и соотносит морфологическое устройство изучаемого организма. Понятия, описывающие вид, в представлениях разных исследователей могут иметь различное содержание, что дает нам возможность говорить об личностном характере этих понятий. Как отметил английский ботаник А.Дж. Уилмотт, растения могут характеризоваться различными авторами как «яйцевидные, овальные, глянцевые, щетинистые, реснитчатые...», но эти авторы могут иметь в уме совершенно разные характеристики: «“Ланцетовидный” в понимании Линнея очень сильно отличается от того, как его понимает Линдли... Не найдется и двух моих коллег, которые бы одинаково представляли себе ланцетовидную форму» [Полани М., 2022, с. 337]. Процесс отнесения изучаемого объекта к определенной категории сродни созданию слова в его иносказательном значении, описанному А.А. Потебней. Основоположник Харьковской лингвистической школы пред-

ставил процесс познания как результат сравнения между собой разных предметов: «Новое слово (х), сравниваемое с чем-то уже известным (А) приобретает признак а, взятый от известного А, от других же признаков данного А при создании слова происходит отвлечение, так что данное сравнение в когнитивном плане представляет собой абстракцию» [Моркина Ю.С., 2019, с. 117]. Так и в любом акте классификации обозначение изучаемого объекта определенным термином предполагает приписывание ему какого-то свойства, обнаруженного у него путем соотнесения его с множеством известных объектов, обладающих этим же свойством. При этом происходит абстрагирование от других характеристик данного объекта, рассматриваемых как не столь существенные для его определения. Именно перенос значения с уже известного на познаваемое и приводит к возникновению слова как метафоры. Аналогичным образом использование любого научного термина может рассматриваться в качестве своего рода иносказания, поскольку оно предполагает возможность распространить на исследуемый объект ключевые характеристики уже известных объектов, относящихся к одному классу. Поскольку классификация является базовой процедурой в научном познании, можно утверждать, что лежащий в ее основе механизм переноса значения так или иначе определяет все научное знание, что позволяет сделать вывод о метафорическом характере языка науки.

Заключение

Таким образом, в данном исследовании мною было показано, что глубинная связь искусства и науки, о которой говорил Н.К. Рерих, может быть установлена благодаря осмыслению метафорической природы личностного языка, лежащего в основе как научного познания, так и художественного творчества. И ученые, и художники в своей деятельности пользуются личностным языком, воплощающим их уникальный и неисчерпаемый личностный опыт. Отличительной особенностью личностного языка является метафоричность — способность приносить в общезначимые понятия дополнительные, имплицитные смыслы, приводящие к «сдвигу» исходного значения путем соотнесения его с содержанием прошлого

опыта. Если в художественном творчестве применение метафор представляется чем-то само собой разумеющимся, то в научном исследовании иносказание не столь очевидно, однако оно определяет любой акт употребления термина в отношении изучаемого объекта.

Список литературы

- Горнфельд А.Г.* Троп // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 7: Философско-методологический анализ когнитивных оснований творчества* / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2021. С. 392–396.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
- Марцинковская Т.Д.* Язык искусства и язык науки: парадоксы сближения // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11, № 59. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/287/566> (дата обращения: 13.05.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.287>
- Моркина Ю.С.* А. Горнфельд «Поэзия» и «Троп» (комментарий к работам, опубликованным в сборнике «Вопросы теории и психологии творчества») // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 7: Философско-методологический анализ когнитивных оснований творчества* / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2021. С. 397–403.
- Моркина Ю.С.* Язык и поэтика в трудах А.А. Потебни // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 5: Смысловые измерения социокультурных пространств творчества* / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: ИИнтелЛЛ, 2019. С. 102–134.
- Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии / пер. с англ. М.Б. Гнедовского и др. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. Часть 4: Познание и бытие. 12. Познающая жизнь / пер. с англ. С.А. Филипенко // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 8: Философско-методологический анализ творческих процессов* / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2022. С. 326–343.
- Рерих Н.К.* Зажигайте сердца! М.: Мол. гвардия, 1990. 190 с.
- Смирнова Н.А.* Образ и смысл: опыт когнитивной лингвистики // *Философия творчества: ежегодник. Вып. 8: Философско-методологический анализ творческих процессов* / под ред.

Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2022. С. 150–178.

Смирнова Н.М. Смысл и творчество. М.: Канон+, Реабилитация, 2017. 304 с.

Харцеев В.И. Основы поэтики А.А. Потебни // Философия творчества: ежегодник. Вып. 5: Смысловые измерения социокультурных пространств творчества / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: ИИнтелЛ, 2019. С. 219–258.

Kurtz C.F., Snowden D.J. The New Dynamics of Strategy: Sense-Making in Complex and Complicated World // IBM Systems Journal. 2003. Vol. 42, iss. 3. P. 462–483. DOI: <https://doi.org/10.1147/sj.423.0462>

Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. London, UK: Routledge, 2005. 493 p.

References

Gornfeld, A. (2021). [Trope]. *Filosofiya tvorчества yezhegodnik. Vyp. 7: Filosofsko-metodologicheskii analiz kognitivnykh osnovaniy tvorchestva, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 7: Philosophical and Methodological Analysis of the Cognitive Foundations of Creativity]. Moscow: Golos Publ., pp. 392–396.

Khartsiev, V.I. (2019). [Foundations of A.A. Potebnya's Poetics]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 5: Smyslovye izmereniya sotsiokul'turnykh prostranstv tvorchestva, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 5: Meaningful Dimensions of Socio-Cultural Spaces of Creativity]. Moscow: IIntelL Publ., pp. 219–258.

Kurtz, C.F. and Snowden, D.J. (2003). The new dynamics of strategy: Sense-making in complex and complicated world. *IBM Systems Journal*. Vol. 42, iss. 3, pp. 462–483. DOI: <https://doi.org/10.1147/sj.423.0462>

Lakoff, G. and Johnson, M. (2008). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: LKI Publ., 256 p.

Martsinkovskaya, T.D. (2018). [The language of art and the language of science: the paradoxes of convergence]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 11, no. 59. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/287/566> (accessed 13.05.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.287>

Morkina, Yu.S. (2021). [Gornfeld's «Poetry» and «Trope» (papers published in «Questions of theory

and psychology of creativity» Commentary)].

Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 7: Filosofsko-metodologicheskii analiz kognitivnykh osnovaniy tvorchestva, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 7: Philosophical and Methodological Analysis of the Cognitive Foundations of Creativity]. Moscow: Golos Publ., pp. 397–403.

Morkina, Yu.S. (2019). Yazyk i poetika v trudakh A.A. Potebni [Language and poetics according to A.A. Potebnya's theory]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 5: Smyslovye izmereniya sotsiokul'turnykh prostranstv tvorchestva, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 5: Meaningful Dimensions of Socio-Cultural Spaces of Creativity]. Moscow: IIntelL Publ., pp. 102–134.

Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy]. Moscow: Progress Publ., 344 p.

Polanyi, M. (2022). [Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy. Part 4: Knowing and being. Pt. 12. Knowing life]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 8: Filosofsko-metodologicheskii analiz tvorcheskikh protsessov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 8: Philosophical and methodological analysis of creativity processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 326–343.

Polanyi, M. (2005). *Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy*. London, UK: Routledge Publ., 493 p.

Roerich, N.K. (1990). *Zazhigayte sertsu!* [Light up your hearts!]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 190 p.

Smirnova, N.M. (2022). *Obraz i smysl: opyt kognitivnoy lingvistiki* [Image and meaning: Experience's framework of cognitive linguistics]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 8: Filosofsko-metodologicheskii analiz tvorcheskikh protsessov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 8: Philosophical and methodological analysis of creativity processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 150–178.

Smirnova, N.M. (2017). *Smysl i tvorchestvo* [Meaning and creativity]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 304 p.

Об авторе

Филипенко Станислава Андреевна
кандидат философских наук,
научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: Stanafil@mail.ru
ResearcherID: U-8952-2018

About the author

Stanislava A. Filipenok
Candidate of Philosophy, Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: Stanafil@mail.ru
ResearcherID: U-8952-2018

УДК 130.2:7.01

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-223-229>

EDN: KQTUXK

Поступила: 01.05.2024

Принята: 24.05.2024

Опубликована: 04.07.2024

ЯЗЫК ИСКУССТВА — ЯЗЫК ОБРАЗОВАНИЯ (НА ОСНОВЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОГО ИСКУССТВА)

Панова Ольга Борисовна

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)

В статье обосновывается роль и значение языка искусства для воспитания человеческой личности. Автор опирается на достижения русской философии, русской педагогической мысли, русской эстетики и искусствоведения, отраженные в трудах В.С. Соловьева, Н.К. Рериха, Е.И. Рерих, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Д.С. Лихачева. Особое внимание уделяется художественно-эстетическому опыту, художественным открытиям и теоретическим работам В.В. Кандинского, К. Малевича, М. Шагала, Н.К. Рериха. Рассматриваются основные функции языка искусства — эстетическая, этическая и аксиологическая. Акцентируется необходимость их учета в преподавании гуманитарных дисциплин (философии, теории и истории культуры, теории и истории искусства, истории русской культуры и искусства) на русском языке с целью повышения культурного уровня современной молодежи, как русских, так и иностранных учащихся. Автор приходит к выводу, что более глубокое постижение русской культуры и русской истории и приобщение к основополагающим ценностям русского народа через личный эстетический опыт человека возможно именно на языке искусства. Более того, искусство способствует изменению мировоззрения человека и его личности в нравственном отношении, формированию его личных этических принципов и возвращению в нем высоких идеалов Истины-Добра-Красоты в целом.

Ключевые слова: язык искусства, этика, эстетика, аксиология, образование, воспитание личности, истина, добро, красота.

Для цитирования:

Панова О.Б. Язык искусства — язык образования (на основе русской философии и русского искусства) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 223–229.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-223-229>. EDN: KQTUXK

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-223-229>

Received: 01.05.2024

Accepted: 24.05.2024

Published: 04.07.2024

THE LANGUAGE OF ART IS THE LANGUAGE OF EDUCATION (BASED ON RUSSIAN PHILOSOPHY AND RUSSIAN ART)

Olga B. Panova

National Research Tomsk State University (Tomsk)

The article substantiates the role and significance of the language of art for the education of human personality. The author relies on the developments of Russian philosophy, Russian pedagogical thought, Russian aesthetics and art history reflected in the works of V.S. Solovyov, N.K. Roerich, E.I. Roerich, N.A. Berdyayev, N.O. Lossky, D.S. Likhachev. Particular attention is paid to artistic and aesthetic experience, artistic discoveries and theoretical works of V.V. Kandinsky, K. Malevich, M. Chagall,

N.K. Roerich. The main functions of the language of art are considered — aesthetic, ethical and axiological. The paper emphasizes the need to take them into account in teaching humanities (philosophy, theory and history of culture, theory and history of art, history of Russian culture and art) in the Russian language in order to improve the cultural level of modern youth, both Russian and foreign students. The author comes to a conclusion that a deeper understanding of Russian culture and Russian history and familiarization with the fundamental values of the Russian people through an individual's personal aesthetic experience is possible precisely in the language of art. Moreover, art helps to change a person's worldview and his personality in a moral sense, to form his personal ethical principles and cultivate in him the high ideals of Truth-Goodness-Beauty in general.

Keywords: language of art, ethics, aesthetics, axiology, education, personality development, truth, goodness, beauty.

To cite:

Panova O.B. [The language of art is the language of education (based on Russian philosophy and Russian art)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 223–229 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-223-229>, EDN: KQTUXK

На протяжении всей истории человечества *Искусство* и вообще человеческая способность к творчеству и созданию Культуры играет ключевую роль в его развитии и утверждении своего высокого статуса в Мире. Причем существенной в данном случае является не столько способность к созданию гениальных шедевров, «чудес света», великих культур, сколько, в первую очередь, способность человека к *само-творению* и самосовершенствованию, т.е. *воспитанию* человеком самого себя, *вращиванию человечности* в человеке. Это важно и в плане эволюции человечества в целом, и особенно в плане становления конкретной человеческой личности. Человечество выражает себя на многих языках; языками человеческой культуры являются язык мифа, язык науки, язык политики, язык моды, язык бизнеса. Однако именно *язык искусства* в наибольшей степени наделен способностью творения идеального, духовного, трансцендентного мира подлинно человеческой Культуры. Именно он на столетия и даже тысячелетия вперед способен сохранять вечные ценности человечества и память исторической традиции, именно он не перестает говорить с нами об истине, добре, красоте, смысле, любви, нравственности. Любая из созданных человечеством за время его существования мировых культур изначально проявляет себя и выражает свою суть именно *языком искусства* и посредством искусства сохраняет память о себе, оставляя гениальные творения — образцы величия человека.

В обозначенном контексте *русское искусство* и *русская культура* в целом обладает бесконечным творческим и воспитательным потенциалом и дает богатейший материал педагогу в его труде.

Русская философская мысль в лице, в первую очередь, *русской философии имени (имяславия)* органически вписывается во всемирное магистральное течение философского осмысления природы и сущности языка (рефлексии о языке И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, В. фон Гумбольдта, Ф. Шеллинга, Ф. Шлейермахера, Ф. Шлегеля, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, Ж. Деррида, П. Рикера, У. Эко, Д. Деннета). В период осуществления масштабного «лингвистического поворота» и становления лингвофилософского направления в западноевропейской философии в русском философском дискурсе уже давно активно формировалась собственная уникальная *философия слова, имени*, развивающаяся в контексте русской философии всеединства и софиологии, имеющая корни в древнерусской культуре, древнегреческой мудрости, христианском откровении. Ее ведущие представители — А.А. Афанасьев [Афанасьев А.Н., 1986], П.А. Флоренский [Флоренский П.А., 1998], С.Н. Булгаков [Булгаков С.Н., 2008], А.Ф. Лосев [Лосев А.Ф., 1993], Г.Г. Шпет [Шпет Г.Г., 2003, 2005], В.Ф. Эрн [Эрн В.Ф., 2019] и многие другие. В качестве историко-методологической основы отметим два принципиально важных момента для нашего исследования. Во-первых,

онтологический статус языка как «дома бытия» в трудах этих мыслителей неразрывно связан с появлением и бытием-в-Мире человека как разумного, становящегося, постоянно развивающегося и совершенствующегося, *образующегося* существа. Это принципиально важно для понимания изначально ведущей роли языка в процессе образования и воспитания человеческой личности. Во-вторых, вопрошание о природе и сущности *языка* неотрывно от вопрошания о природе и сущности *искусства*, имеющих единый исток в порождающем культуру мифопоэтическом пространстве древности. Хайдеггер, пытаясь постичь тайну языка, размышляет об искусстве поэзии Гельдерлина, Новалиса, Тракля, Рильке, «башмаках» Ван Гога и мадоннах Рафаэля, музыке И. Стравинского. В то же время Флоренский и Булгаков, говоря о слове как божественном логосе, дарованном человеку «божественном глаголе», размышляют о языке Пушкина, Тютчева, искусстве русских иконописцев и живописцев. Язык, искусство, образование/воспитание, таким образом, сопряжены с момента появления человеческого рода и первоначальных попыток творчества человека и его самоторения и свободного самовыражения [Бердяев Н.А., 1989]. Идея *развития* и *творчества* изначально заложена в само бытие языка. Г.Г. Шпет, исходя из логики истории русской философии и лингвофилософии в ее тесной преемственной связи с философией европейской, отмечает: «Для Гумбольдта было величайшим откровением, что язык есть *энергейя*. “Язык часто, — говорит Гумбольдт, — в самой глубокой и необъяснимой части своих приемов напоминает искусство. Рассмотрение *языкового сознания* всегда и необходимо ориентируется на последнее его единство, которое и в задаче, и в осуществлении есть не что иное, как *единство культурного сознания*. Такие обнаружения культурного сознания, как *искусство*, наука, право и т.д., — не новые принципы, а модификации и формы *единого культурного сознания*, имеющие в языке *архетип* и *начало*. ... Термин “искусство” берется не в широком смысле степени умения и не в узком смысле эстетического определения, а в смысле “художества”, как факта культурной истории, определяемого всею полнотою социального развития”» [Шпет Г.Г., 2007, с. 101]. В этой

связи особого внимания с методологической точки зрения заслуживают и авторитетные эстетические доктрины Ф.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, Т. Адорно, Ж. Маритена, В.С. Соловьева, Н.О. Лосского, П.А. Флоренского, С.Л. Франка.

В близкое к нам и нынешнее время исследованиями в области эстетики и искусствоведения, проблемами понимания языка искусства как важнейшего языка культуры и конкретно языка искусства как языка образования и воспитания личности занимались А.Г. Габричевский, М.С. Каган, А.В. Гулыга, Г.С. Кнабе, Д.С. Лихачев, Л.С. Выготский, С.С. Аверинцев, Г.С. Померанц, Б.Р. Виппер, А.Л. Доброхотов, М.И. Свидерская, М.В. Алпатов, Е.Г. Яковлев, Ю.М. Лотман, В.В. Бибихин, А.К. Якимович, Н.И. Киященко, Е.Я. Басин, В.П. Крутоус, М.Н. Эпштейн, В.В. Бычков. Большинство этих ученых работали в междисциплинарном пространстве гуманитарных наук, охватывая исследовательской мыслью эстетику и искусствоведение, лингвистику и философию языка, историю и теорию культуры, педагогику и философию образования. Их труды также рассматриваются нами в качестве методологической основы в обозначенном исследовательском контексте. В работе были применены историко-философский, аксиологический и герменевтический методы исследования.

Многие художники и деятели русской культуры глубоко понимали принципиальную роль искусства в воспитании и формировании человеческой личности и оставили значимое наследие не только в истории искусства, но и в истории педагогической мысли. На важнейшие педагогические идеи величайших из них будем опираться в данной работе. Акцентируем характерное именно для русской педагогической культуры: русские творцы посвящали свои педагогические труды не тому, как обучать будущего художника техникам создания произведения искусства, их педагогическое мастерство было направлено на главное — *воспитание человечности* в человеке. Например, русский художник мирового уровня В.В. Кандинский в годы преподавания в Германии, будучи профессором Баухауса в Веймаре и читая курс лекций по художественной педагогике, отмечал: «То, что отсутствует сегодня в любом обучении почти без исключения, — внутрен-

нее мировоззрение или философское обоснование *смысла* человеческой деятельности. Станным образом даже сегодня из молодых людей воспитывают специалистов устаревшим, внутренне мертвым способом, специалистов, которые могли бы быть нужны во внешней жизни, но которые редко представляют собой *чисто человеческую ценность*» [Кандинский В.В., 2019, с. 356]. Эти слова великого русского художника, обладающего всемирным авторитетом, и сегодня, спустя сто лет, не утратили актуальности в размышлениях об образовании и звучат для педагогов, задача которых — не подготовка специалиста, а именно *воспитание человека*, что остается весьма своевременным.

Современному педагогу, на каком бы уровне образования он не преподавал — будь то «Мировая художественная культура» или «Русский язык» и «Русская литература» в школе, «История и теория культуры» и весь комплекс гуманитарных дисциплин (философия, история, собственно искусствознание и др.) в университете, стоит обращаться к языку искусства. Язык искусства обладает несколькими воспитательными и образовательными функциями. Здесь рассмотрим основные из них — эстетическую, аксиологическую и этическую.

Язык искусства изначально имеет *эстетические* истоки. Это именно тот язык, который способен выразить сугубо человеческое эстетическое переживание и постижение гармонии Мира в единстве Истины-Добра-Красоты, присутствующее исключительно человеку любованием красотой мироздания. В истории русской культуры и русской философии эстетика языка всегда тесно связывалась с гносеологией, а искусству придавалось важнейшее значение в познании Мира, причем в творческом, активном, деятельном. В этом смысле, например, Казимир Малевич акцентировал особую роль и значение искусства как необходимого компонента в общей целостной триаде видов познания Мира и рождения человеческой личности: «До сих пор в нашей культуре человек представляет собой явление, состоящее из тройственного образа: искусства, науки и религии. В одном случае, в художественном начале, истина существует как красота, которая спасает мир: в другом случае, в науке, как истинном

начале познания, — знание спасет человека светом своим от тьмы, а также создание подлинных практических вещей, которые доведут до благой истины. Религия как форма духовного блага обещает доставить человека к духовному благу. Итак, все три не имеют разниц между собой, у всех одно слово — благо» [Малевич К.С., 2003, с. 49–50]. *Благо* здесь у художника имеет глубоко русский эстетический смысл — высокое совершенство гармонии, к которому в вечном творческом поиске стремится человеческая душа. Эстетическому началу языка искусства в воспитании придавали серьезное значение русские поэты, писатели, художники, вошедшие в историю культуры одновременно и как великие педагоги, — В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, И.Ф. Анненский, И.А. Бродский, П.П. Чистяков, И.Е. Репин, В.В. Кандинский. Также сегодня в преподавании гуманитарных дисциплин, появление и эволюция которых в истории русского мировоззрения и русском культурном дискурсе восходят именно к этим эстетическим и поэтическим культурным истокам, следует обязательно учитывать эти моменты. И шире — в процессе воспитания нового поколения в целом.

Язык искусства в корне связан с *ценностным* измерением Культуры. В этой связи всегда необходимо учитывать аксиологическую составляющую воспитательного и образовательного процесса и роль в нем искусства. Особенно сейчас, когда, пребывая в сложных реалиях нестабильности и неопределенности современного *BANI*-мира, стихийности изменения всего мирового порядка, мы становимся свидетелями кардинального *ценностного* сдвига в большом историческом масштабе. На наших глазах стремительно идет процесс утраты прежних, утверждения неких новых и попытки поиска и возрождения фундаментальных ценностей русского народа. В такой ситуации показателен и полезен опыт русского художника, бывшего в схожих исторических обстоятельствах и испытавшего подобное на уровне глубокого эстетического переживания. В своих воспоминаниях о первой половине XX столетия Марк Шагал писал: «Я спрашивал себя: эта война — не начало ли она всеобщей *переоценки ценностей*? <...> Подвергли ре-визии примитивы древнего человека, египетское искусство, ассирийское и негритянское

искусство, а также заново открываемую живопись таких художников, как Пьеро делла Франческа, Пауло Учелло, Мазаччо, Эль Греко, Гойя. <...> Можно видеть некий конвульсивный *поиск древних и новых богов*, тут перед нами открывается трагедия, кризис человеческого духа, наиболее полно выразившийся в живописи. В эпохи, когда старые религии и прочие идеи распадались, человечество всякий раз страстно надеялось найти новый источник света и содержания жизни. Разве не в этом миссия искусства?» [Шагал М.З., 1989, с. 148–150]. В такие эпохи испытания ценностями жизненно необходимо говорить с молодежью на языке искусства, который способен явить и выразить абсолютное в относительном, вечное во временном, идеальное в реальном, сакральное в профанном, трансцендентное в имманентном. Причем принципиально важно говорить именно на родном языке русского искусства, хранящего в памяти исконные основополагающие духовные ценности нашей культуры. О «*хлебе насущном*» [Кандинский В.В., 2019, с. 131] юным душам сегодня скажет язык А. Рублева, И. Левитана, И. Репина, М. Шагала, И. Айвазовского, И. Крамского, М. Врубеля гораздо отчетливее и откровеннее, чем все авторитарные педагогические наставления. Потому что искусство обращено к памяти и на глубоком уровне провоцирует поиск и усвоение ценностей через личный эстетический опыт.

Русское искусство изначально несет в себе мощное по уровню энергетики *нравственное* начало, поскольку исторически исходит и основывается на религиозной этике. В его языке сформирован и закреплен христианский этический канон, формирующий этос русской нации в ее соборности и всеединстве. В русском мировоззрении именно *Добру* многими мыслителями отдается приоритет как ключевому концепту культуры. В.С. Соловьев, например, применительно к русской философии писал о ее отличительной черте — стремлении к «*оправданию добра*» [Соловьев В.С., 2012]. Н.К. Рерих в учении живой этики характеризовал русскую культуру как «*культуру сердца*» [Рерих Н.К., 2002]. О нравственности русской литературы как *совести* русского народа неоднократно говорили Д.С. Лихачев [Лихачев Д.С., 2000], Ю.М. Лотман [Лотман Ю.М., 2014]. В современных реалиях педагогу интересны этические аспекты истории русского

искусства тем, что подлинные нравственные нормы и принципы в русском менталитете не могут быть навязаны авторитарно свыше. Русское искусство и русская литература упорно доносят до нас мысль о всегда данной человеку возможности собственного нравственного выбора и личного пути к этической ответственности. Это интересная особенность, о которой нам говорится именно языком *искусства*. Вот, например, Иосиф Бродский пишет о языке в связи с этической проблематикой творчества Достоевского и обращает внимание на следующее его свойство: «Всякое творчество начинается как индивидуальное стремление к самоусовершенствованию и, в идеале — к святости. <...> Русский язык... это не аналитический английский с его альтернативными “или-или”. <...> Любая изложенная на этом языке идея тотчас перерастает в свою противоположность. <...> Многосложный характер словаря вскрывает первичную стихийную природу явлений. <...> В этом весь Достоевский. <...> Конечно же, Достоевский был неутомимым защитником Добра, то бишь Христианства. Но если вдуматься, не было и у Зла адвоката более изощренного... Человек сам творит над собой подобие Страшного Суда, и в ходе этого суда, чем Господь или даже церковь» [Бродский И.А., 1994, с. 375–377]. Читая Достоевского, Бродский подмечает выраженные на уровне языка не этические законы и образцы, которым человек в обязательном порядке должен следовать, но глубочайшие *нравственные искания* человека, нравственные истины, добытые им через личные страдания и переживания, через колебания и метания между добром и злом. История языка русской литературы в целом (как и вся сложная история народа) являет процесс утраты, порой отказа и вновь обретения этих этических ценностей. Это побуждает каждого, говорящего на нем и изучающего его, к поиску личных этических норм и формированию собственной этической позиции через глубокое осмысление Добра и Зла как равновеликих мировых начал в их гармонии. Русское искусство доносит до нас мысль о необходимости собственного выстраданного этического выбора, и на этой основе — личной этической ответственности человека за Мир. И именно оно способно показать *свободу* такого выбора. Философ Н.О. Лосский также в размышлениях о

Достоевском акцентирует, что это не свобода, основанная на долге, а свобода, исходящая из любви, которая и становится истоком нравственности. «Христианский идеал ставит человека безмерно высоко и требует от него осуществления божественного добра в царстве Божиим, где единомушье основано не на муравьиной необходимости, а на свободной общей любви к абсолютным ценностям красоты, истины и нравственного добра» [Лосский Н.О., 1994, с. 124]. В настоящее время особенно остро ощущается необходимость понимания того, что возвращение этической ответственности происходит естественным образом, как и восприятие, и принятие новым поколением молодых людей нравственных ценностей, исторически сложившихся в нашей культуре.

Итак, язык искусства в истоке своем коренным образом связан с человеческим бытием-в-Мире, является приоритетным в процессе появления человека в качестве Человека, свидетельствует о человеческой способности к самовыражению и самотворению, образованию и совершенствованию человеческого рода. Приоритет язык искусства сохраняет и всякий раз обретает в процессе воспитания человеческой личности и образования человека. Этот высокий статус языка искусства глубоко понимали русские мыслители, художники, поэты, деятели культуры и педагоги на протяжении всей истории русской культуры. Язык искусства как язык образования обладает бесконечным эстетическим и нравственным потенциалом, является хранителем высших ценностей культуры человечества в целом и каждого (в нашем случае, русского) народа, передает каждому новому поколению все богатство традиции, смыслы Истины, Добра, Красоты, Любви, Веры.

В нынешнее время язык искусства способен играть существенную роль в деле воспитания молодежи, выражая вечные ценностные и нравственные смыслы культуры. На примере языка русского искусства это представляется достаточно убедительным. Современному педагогу принципиально важно учитывать педагогический потенциал искусства, аккумулирующий его эстетическое, этическое и ценностное начала, и как можно чаще обращаться к историческому опыту его творцов в сложных реалиях современности.

Список литературы

- Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Советская Россия, 1986. 366 с.
- Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
- Бродский И.А. О Достоевском // Русские эмигранты о Достоевском: сборник / вступ. ст., подг. текста и прим. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 373–377.
- Булгаков С.Н. Философия имени. СПб.: Наука, 2008. 448 с.
- Кандинский В.В. О духовном в искусстве. Ступени. Текст художника. Точка и линия на плоскости / пер. с нем. Н.И. Дружковой. М.: АСТ, 2019. 384 с.
- Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
- Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
- Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 436 с.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2014. 416 с.
- Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гилея, 2003. Т. 4. 360 с.
- Рерих Н.К. Держава света. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 848 с.
- Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Ин-т русской цивилизации: Алгоритм, 2012. 656 с.
- Флоренский П.А. Имена. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 912 с.
- Шагал М.З. Ангел над крышами / пер. с идиш, сост. Л.С. Беринского. М.: Современник, 1989. 222 с.
- Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на тему Гумбольдта. М.: Едиториал УРСС, 2003. 218 с.
- Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007. 712 с.
- Шпет Г.Г. Мысль и слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005. 686 с.
- Эрн В.Ф. Борьба за логос. Философские произведения. М.: Юрайт, 2019. 282 с.

References

- Afanas'ev, A.N. (1986). *Narod-khudozhnik: Mif. Fol'klor. Literatura*. [People-artists. Myth. Folklore. Literature]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 366 p.

Berdyaev, N.A. (1989). *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva*. [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow: Pravda Publ., 608 p.

Brodsky, I.A. (1994). [About Dostoevsky]. *Russkie emigranty o Dostoevskom, podg. teksta S.V. Belova* [S.V. Belov (ed.) Russian emigrants about Dostoevsky]. St. Petersburg: Andreev i Synov'ya Publ., pp. 373–377.

Bulgakov, S.N. (2008). *Filosofiya imeni* [Philosophy of the name]. St. Petersburg: Nauka Publ., 448 p.

Chagall, M. (1989). *Angel nad kryshami* [Angel over the rooftops]. Moscow: Sovremennik Publ., 222 p.

Ern, V.F. (2019). *Bor'ba za logos. Filosofskie proizvedeniya* [The struggle for logos. Philosophical works]. Moscow: Urait Publ., 282 p.

Florensky, P.A. (1998). *Imena* [Names]. Moscow: Eksmo-Press Publ., Kharkov: Folio Publ., 912 p.

Kandinsky, V.V. (2019). *O dukhovnom v iskusstve. Stupeni. Tekst khudozhnika. Tochka i liniya na ploskosti* [About the spiritual in art. Steps. Artist's text. Point and line on a plane]. Moscow: AST Publ., 384 p.

Likhachev, D.S. (2000). *Russkaya kul'tura* [Russian culture]. Moscow: Iskusstvo Publ., 440 p.

Losev, A.F. (1993). *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Space]. Moscow: Mysl' Publ., 958 p.

Lossky, N.O. (1994). *Bog i mirovoe zlo* [God and world evil]. Moscow: Respublika Publ., 436 p.

Lotman, Yu.M. (2014). *Vnutri myslyaschikh mirov* [Inside thinking worlds]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 416 p.

Malevich, K.S. (2003). *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols]. Moscow: Gileya Publ., vol. 4, 360 p.

Roerich, N.K. (2002). *Derzhava sveta* [Power of light]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 848 p.

Shpet, G.G. (2003). *Vnutrennyaya forma slova. Etyudy i variatsii na temu Gumbol'dta* [Internal form of a word. Sketches and variations on a theme by Humboldt]. Moscow: Editorial URSS Publ., 218 p.

Shpet, G.G. (2005). *Mysl' i slovo. Izbrannye trudy* [Thought and word. Selected works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 686 p.

Shpet, G.G. (2007). *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a form of knowledge. Selected works on the philosophy of culture]. Moscow: ROSSPEN Publ., 712 p.

Solovyov, V.S. (2012). *Opravdanie dobra* [Justification of good]. Moscow: Institut Russkoy Tsivilizatsii Publ., Algoritm Publ., 656 p.

Об авторе

Панова Ольга Борисовна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры методики обучения иностранным
языкам и междисциплинарных исследований
образования

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050, Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: olga_panova_1973@mail.ru
ResearcherID: O-1406-2014

About the author

Olga B. Panova

Candidate of Philology, Docent,
Associate Professor of the Departmen
of Foreign Language Teaching Methods
and Interdisciplinary Educational Research

National Research Tomsk State University,
36, Lenin av., Tomsk, 634050, Russia;
e-mail: olga_panova_1973@mail.ru
ResearcherID: O-1406-2014

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.74:171

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-230-240>

EDN: LGIFJE

Поступила: 24.11.2023

Принята: 31.03.2024

Опубликована: 04.07.2024

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛЬНОГО ГУМАНИЗМА
И ПРОБЛЕМА АБОРТОВ***Лоскутов Юрий Викторович**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Марксистская философия в ее практическом применении (реальный гуманизм) способна стать надежной опорой для прогрессивной части антиабортного движения, противостоящего буржуазно-либеральной, неомальтузианской проабортной идеологии. Этому может поспособствовать марксистская онтологическая критика демографической политики при капитализме. С точки зрения К. Маркса, капитализм неизбежно формирует «избыточное» рабочее население. Такой «избыток» порождает либо нищету, либо искусственные аборты. Равенство полов получает при капитализме характерную рыночную и социал-дарвинистскую интерпретацию. Неомальтузианские социокультурные «проекции» рыночной экономики на область мировоззрения выражаются в абсолютизации автономии личности, недооценке потенциальной стороны социальной реальности, а также в стремлении получать от общества больше, чем отдавать ему. Если неомальтузианство стремится к расчеловечиванию, к тому, чтобы отказывать зародышу, а иногда даже новорожденному, в праве на человеческое достоинство, то онтологическим фундаментом реального гуманизма является утверждение сущностного тождества людей друг с другом, которое обеспечивается наличием у всех людей, включая зародышей, материального социального субстрата. Марксистская социальная онтология рассматривает рождение достаточного количества детей в качестве необходимого условия развития производительных сил и гуманизации производственных отношений. Это также предполагает создание большого количества высококвалифицированных рабочих мест. В качестве вывода утверждается, что практика реального гуманизма в отношении проблемы абортов должна состоять в борьбе за создание высококвалифицированных рабочих мест, реальную социальную защиту материнства и детства, а также за другие меры, направленные на общее развитие производительных сил. Кроме того, многодетность в семьях реальных гуманистов должна стать обычным явлением.

Ключевые слова: аборты, реальный гуманизм, неомальтузианство, марксизм, социальный субстрат, производительные силы.

Для цитирования:

Лоскутов Ю.В. Онтологические основания реального гуманизма и проблема абортов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 230–240. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-230-240>.
EDN: LGIFJE

THE ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF REAL HUMANISM AND THE ABORTION ISSUE

Yuri V. Loskutov

Perm State University (Perm)

Marxist philosophy in its practical application (real humanism) can become a reliable support for the progressive part of the anti-abortion movement, opposing the bourgeois-liberal, neo-Malthusian pro-abortion ideology. Marxist ontological criticism of demographic politics under capitalism can contribute to this. From Marx's point of view, capitalism inevitably creates «surplus» working population. This «surplus» generates either poverty or artificial abortion. Gender equality under capitalism receives a characteristic market-focused and social-Darwinist interpretation. Neo-Malthusian sociocultural «projections» of the market economy onto the worldview are expressed in the absolutization of individual autonomy, in the underestimation of the potential side of social reality, and in the desire to receive more from society than to give to it. Neo-Malthusianism seeks to dehumanize, to deny the fetus, and sometimes even the newborn, the right to human dignity, while the ontological foundation of real humanism is the affirmation of the essential identity of people with each other, which is ensured by the presence of a material social substratum in all people, including fetuses. Marxist social ontology regards the birth of a sufficient number of children as a necessary condition for the development of productive forces and the humanization of production relations. This also presupposes the creation of a large number of highly skilled jobs. As a conclusion, it is argued that the practice of real humanism with regard to the abortion problem must consist in the struggle for the creation of such jobs, for real social protection of motherhood and childhood, and for other measures aimed at the general development of the productive forces. In addition, having many children should become a common occurrence in families of real humanists.

Keywords: abortion, real humanism, neo-Malthusianism, Marxism, social substratum, productive forces.

To cite:

Loskutov Yu.V. [The ontological foundations of real humanism and the abortion issue]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 230–240 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-230-240>. EDN: LGIFJE

Введение

Проблема аборта (прерывания беременности) является одной из острейших социальных, демографических, медицинских, правовых и философских проблем, дискуссии по которой обладают особо упорным и непримиримым характером. Проабортная идеология («за выбор») и антиабортная идеология («за жизнь») давно вошли в полемический «клинч». Арбитром в этом поединке может стать философия, т.к. последняя выступает в качестве «квинтэссенции культуры», и потому интегрирует в своем дискурсе различные аспекты той или иной сложной проблематики. Философия (особенно онто-

логия и этика), рассматривая прерывание беременности, сосредотачивает свое внимание главным образом на такой разновидности аборта, как искусственный аборт. Конечно, естественные аборты (выкидыши) также должны учитываться социальной онтологией, однако искусственный аборт, в отличие от естественного, имеет целенаправленный характер, и потому является поступком, а также особым видом общественно-исторической практики.

Тезисом данной статьи является то, что адекватной и надежной опорой для прогрессивной части движения «за жизнь» может выступать теория и практика светского реального гуманизма, начало которому положил К. Маркс

[Маркс К., Энгельс Ф., 1955b, с. 7, 146]. При этом в качестве «точки отсчета» для практики реального гуманизма должна выступать не марксистская идеология, а марксистская онтология, детерминирующая марксистскую этику. Дело в том, что марксисты-политики под влиянием тех или иных случайных идеологических факторов могут продвигать противоречащие друг другу политические решения (например, в Советской России аборт по не медицинским показаниям дважды разрешались и один раз запрещались). Однако теоретически обоснованными могут считаться только те политические решения марксистов, которые соответствуют общеполитической и социальной онтологии марксизма.

Онтологические основания реального гуманизма

В основе марксистской социальной онтологии лежит субстанциальный подход. Понятие «социальная форма материи» обладает как широким, так и узким смыслом: первый из них включает общественное сознание в содержание данного понятия, а второй — общественное сознание из этого содержания исключает. Понятие «общественное бытие» эквивалентно узкому смыслу, а понятие «социальная субстанция» является конкретизацией широкого.

Многоуровневое содержание социальной субстанции реконструируется из текстов основоположников марксизма [Лоскутов Ю.В., 2021, с. 96–129]. Процесс восхождения от конкретного к абстрактному на эмпирическом этапе исследования общества приводит к понятию, отражающему наиболее абстрактный, элементарный уровень социальной субстанции — к понятию действительных человеческих индивидов. При рассмотрении исходного пункта материалистического понимания истории К. Маркс и Ф. Энгельс указывают в «Немецкой идеологии» на то, что «предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955а, с. 18] (позже, во Введении к «Экономическим руко-

писям 1857–1859 гг.», Маркс подтверждает свою точку зрения: «Индивиды, производящие в обществе ... — таков, естественно, исходный пункт» [Маркс К., 1968, с. 17]). Вышеперечисленные предпосылки исторического процесса не являются равноценными: «Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955а, с. 19]. В данной мысли выражен субстратный подход к историческому процессу, при этом понятие «социальный субстрат» относится не только к обществу как целому, но и к отдельному человеческому индивиду [Ласточкин А.В., 1988, с. 9] (социальный субстрат очень точно обозначается в обыденной речи местоимениями «я», «ты», «мы», «вы», «он», «она», «они»). Строго говоря, в качестве социальной субстанции выступают только действительные индивиды, ибо только они обладают социальным субстратом [Ласточкин А.В., 1988, с. 9], однако в нестрогом смысле к социальной субстанции принадлежат также и вещи, которые не имеют социального субстрата, но используются человеческими индивидами.

Индивидуальный уровень, хотя и является исходным, не исчерпывает содержания подлинной социальной субстанции: в понятии действительных индивидов имплицитно содержится понятие человеческого рода как следующего уровня ее логического раскрытия. Человеческий род как субстанция должен пониматься конкретно-всеобщим образом как в качестве единства социальных организмов (отдельных обществ), так и в качестве единства отдельных индивидов.

Единство индивида и рода — это не случайное, поверхностное, а необходимое, сущностное единство. Понятие родовой и индивидуальной человеческой сущности является следующим шагом на пути раскрытия содержания социальной субстанции. К. Маркс и Ф. Энгельс усматривают специфику человеческой сущности в производстве [Маркс К., Энгельс Ф., 1955а, с. 19–25], которое имеет две стороны — самопроизводство действительных индивидов и производство средств к жизни. Люди не мо-

гут не производить средства к жизни, однако данная сторона материального производства является всего лишь средством, а не целью [Маркс К., 1968, с. 30]. Субъективно это обстоятельство проявляется в том, что производство средств к жизни осуществляется (в ходе самопроизводства действительных индивидов) с целью удовлетворения тех или иных конкретных человеческих потребностей.

Указанное самопроизводство эволюционирует от эпохи к эпохе. Каждый исторически определенный (конкретно-исторический) способ производства выступает субстанцией той соответствующей исторической эпохи (общественно-экономической формации), в которой он господствует, на что недвусмысленно намекают основоположники марксизма [Маркс К., Энгельс Ф., 1955а, с. 37]. Далее рассмотрим предпосылки искусственных аборт, а также их влияние на социальную субстанцию.

Социально-экономические предпосылки искусственных аборт

С точки зрения К. Маркса, «всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения» [Маркс К., 1960, с. 646]. В условиях капиталистического способа производства стремление капиталистов повышать производительность труда с целью извлечения прибыли уменьшает массу труда по отношению к той массе средств производства, которая приводится в движение этим трудом: «Это изменение технического строения капитала, возрастание массы средств производства по сравнению с массой оживляющей их рабочей силы, в свою очередь, отражается в стоимостном строении капитала, в увеличении постоянной составной части капитальной стоимости за счет ее переменной составной части» [Маркс К., 1960, с. 636]. Поскольку спрос на рабочую силу определяется «не размером всего капитала, а размером его переменной составной части, то он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала» [Маркс К., 1960, с. 643]. Таким образом, при капитализме неизбежно появляется «избыточное» (по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании) рабочее население [Маркс К., 1960, с. 644], которое выступает в качестве необходимой для

капиталистов «промышленной резервной армии» [Маркс К., 1960, с. 644]. Чем больше «промышленная резервная армия», тем больше распространяется нищета — это «всеобщий закон капиталистического накопления» [Маркс К., 1960, с. 659].

«Демографический переход» в развитых странах мира не отменил ни «всеобщего закона капиталистического накопления», ни относительного обнищания трудящихся, но он во многих случаях «заменял» относительную нищету на искусственные аборт. Битва движений «за жизнь» и «за выбор» друг с другом является по преимуществу выражением внутренних противоречий капитализма. Если буржуазно-консервативная часть движения «за жизнь» выбирает для рабочего населения относительную нищету, т.е. стремится при скудных социальных расходах сохранить «промышленную резервную армию» в достаточном для капитала количестве, то работницы, прерывающие свою беременность под тем распространенным предлогом, чтобы «не плодить нищету», занимаются, по сути, практической реализацией мальтузианства. Апологет капиталистических отношений, либерал XVIII в. Т. Мальтус в качестве исторически универсального и единственного способа улучшения положения бедных рассматривал добровольное ограничение деторождения в их семьях [Мальтус Т.Р., 1895, с. 96].

Либерально-буржуазная, сугубо индивидуалистическая идеология сегодняшнего движения «за выбор» является в известном смысле неомальтузианством — мальтузианством с дополнительной (как правило, феминистской) аргументацией. В условиях индивидуальной конкуренции на рынке труда при капитализме право на аборт представляется либералам «необходимым условием для полноценного участия женщин в оплачиваемой работе и общественной жизни» [Shaver Sh., 1994, p. 70]. Таким образом, в условиях капитализма женщина привыкает соотносить себя не со своим зачатым ребенком, а с тем мужчиной, который успешно конкурирует с ней за рабочее место (и успешен он в том числе благодаря тому, что в принципе не бывает беременным и кормящим) — равенство полов получает при капитализме характерную рыночную и социал-дарвинистскую интерпретацию. Последняя, рассматриваемая сама по себе, не сдерживаемая никакими этиче-

скими ограничениями, может завести человечество довольно далеко по пути дегуманизации (расчеловечивания): «Если уклонение от материнства или усыновления может оправдать убийство зародыша-человека в защиту равенства полов, то теоретически это также должно оправдать убийство пятилетнего ребенка по той же причине» [Greasley K., 2017, p. 99].

Социокультурные предпосылки искусственных абортов

Помимо обозначенных социально-экономических предпосылок, у неомальтузианского движения «за выбор» есть также и социокультурные предпосылки, которые являются «проекциями» рыночной экономики на область мировоззрения.

Первой социокультурной (и во многом мифологизированной) предпосылкой идеологии движения «за выбор» выступает либерально-буржуазная идеология, опирающаяся на картину общества, согласно которой индивиды «автономны», атомизированы, изначально разобщены между собой [Антипова Н.Д., 2005b, с. 109]. При этом ключевой характеристикой личности выступает для либерального сознания ее автономность [Антипова Н.Д., 2005а, с. 26]. Человеческая автономия является для либералов безусловной социокультурной догмой, в жертву которой может быть принесено все остальное, включая человеческие жизни (впрочем, сторонники движения «за выбор» нередко вообще не считают человеческий зародыш человеком). Так, на взгляд Дж. Томсон, воспроизводимый многими либеральными философами, зачатый ребенок не имеет права использовать организм женщины, если она сама не предоставит ему такое право — таким образом, право женщины на автономию оказывается важнее права ребенка на жизнь [Томсон Дж., 2017, с. 133]. В связи с этим С. Кершнер уподобляет нежеланный зародыш насильнику-психопату [Kershner S., 2017, p. 136–137], а Н.Д. Антипова — червю-паразиту (бычьему цепню) [Антипова Н.Д., 2005а, с. 51]. Эти онтологически некорректные аналогии призваны убедить публику в том, что женщина имеет право убить нежелательного для нее «вторженца».

Второй социокультурной предпосылкой движения «за выбор» выступает то, что либералы предпочитают социальную действительность

социальной возможности: «Общества либерального типа склонны ... к предпочтению ценности уже состоявшегося члена общества, нежели “человека в потенци”». Подобные предпочтения оказываются оправданными в свете учета затрат общественного ресурса в процессе формирования полноценного члена общества» [Антипова Н.Д., 2005а, с. 27]. Австралийские философы А. Джубилини и Ф. Минерва еще более категоричны в этом вопросе: «Какими бы слабыми ни были интересы актуально существующих людей, они всегда перевесят предполагаемый интерес потенциальных людей стать реальными потому, что этот последний интерес равен нулю» [Giubilini A., Minerva F., 2013, p. 263]. Однако так рассуждать можно только с иллюзорной позиции крайнего индивидуализма: на самом деле существует интерес общества в целом — интерес к развитию, к достижению новых исторических рубежей, который реализуется лишь благодаря тому, что потенциальные личности становятся актуальными и превосходят своих родителей, развивая социум с помощью индивидуальной и общественно-исторической практики.

Третья социокультурная предпосылка движения «за выбор» состоит в следующем: для либерализма более ценным является «то, что общество может сделать для человека, а не то, что человек может сделать для общества» [Антипова Н.Д., 2005b, с. 118] (при этом зародыш из числа людей нередко исключается). Такая сугубо потребительская позиция, делающая акцент на правах в ущерб обязанностям, хотя и деструктивна для общества в целом, очень удобна для многих отдельных индивидов.

Когда «автономных личностей», озабоченных достижением своего «места под солнцем» здесь и сейчас, становится достаточно много, они начинают формировать господствующий дискурс. В результате поддержка движения «за выбор» выступает в качестве обыденной, конформистской позиции [Антипова Н.Д., 2005а, с. 32, 40], а разнообразные сторонники движения «за жизнь» оказываются неконформистами.

Сущностное тождество людей

Реальный гуманизм несовместим с неомальтузианством как в этическом, так и в онтологическом отношении.

Онтологическим фундаментом реального гуманизма, необходимой предпосылкой нрав-

ственной солидарности между людьми доброй воли является утверждение сущностного тождества всех людей друг с другом. Реальный гуманист не имеет права исключать кого бы то ни было из числа людей. Напротив, вычеркивание человеческих эмбрионов и даже плодов из списка людей очень удобно для защитников абортот: «Если исходить из понимания морали как системы идей, регулирующей отношения между людьми, то для анализа ситуации необходимо наличие по крайней мере двух субъектов этого отношения — “человек – человек”. Если при этом допустить, что плод — это не человек, то в силу отсутствия второго субъекта морального отношения аборт моральной проблемой не является» [Антипова Н.Д., 2005b, с. 112].

Однако здесь возникает закономерный вопрос — как именно следует понимать сущностное единство людей? Родовая и индивидуальная человеческая сущность является особым, глубинным уровнем социальной субстанции [Лоскутов Ю.В., 2021, с. 105–121], а любая субстанция включает в себя собственный субстрат и собственные атрибуты (неотъемлемые свойства). Что именно выступает онтологической основой единства людей — социальный субстрат или социальные атрибуты (сущностные силы человека)?

Защитники неограниченного применения искусственных абортов фактически настаивают на том, что человеческая сущность конституируется теми или иными человеческими атрибутами (сущностными силами человека) — с этой точки зрения именно отсутствие определенных необходимых свойств оставляет то или иное конкретное существо за рамками человеческого рода [Boonin D., 2002, p. 35]. Обычно либеральные мыслители, защищая тезис о том, что плод в утробе матери не обладает человеческим моральным статусом, ссылаются на то, что плод не является личностью [Greasley K., 2017, p. 100]. Вместе с тем некоторые либеральные философы даже более последовательны в деле расчеловечивания — они указывают на то, что и новорожденный не является личностью, поэтому они оправдывают убийства уже родившихся людей [Tooley M., 1972, p. 63; Giubilini A., Minerva F., 2013, p. 263]. Подобные философские идеи уже внедряются в практику: например, в Нидерландах умерщвление новорожденных инвалидов является легальной про-

цедурой [Lindemann H., Verkerk M., 2008, p. 43–44] (разумеется, личность не может выступать основой объективного тождества между человеческим эмбрионом, новорожденным и взрослым человеком, т.к. личностью человек становится только в процессе социализации, протекающей после рождения).

С более умеренной точки зрения, то или иное существо приобретает моральный статус лишь тогда, когда оно становится сознательным [Антипова Н.Д., 2005а, с. 52]. Последнее происходит только в связи с формированием мозга; Н.Д. Антипова предлагает рождение мозга в конце 8-й недели внутриутробного развития считать началом человеческой жизни, подобно тому, как смерть мозга считается ее концом [Антипова Н.Д., 2005а, с. 66, 68].

Общей идейной предпосылкой (и при этом — характерной онтологической ошибкой) для всех, кто жестко отделяют человеческий эмбрион от взрослого человека, является пренебрежение объективной диалектикой. С точки зрения последней, человеческий зародыш и взрослый человек одновременно и тождественны, и не тождественны друг другу. Их тождество и взаимное существенное различие друг друга предполагают, а не исключают. Из того, что человеческий эмбрион не является личностью и не обладает сознанием, еще не следует то, что он — не человек. Человеческий эмбрион, новорожденный младенец и взрослый человек безусловно являются людьми потому, что все они являются человеческими индивидами. Человеческий индивид — это единичный представитель человеческой общности, рассматривающийся в абстрагировании от своих конкретных содержательных характеристик.

Как мы уже видели, К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» обозначают «действительных индивидов», «живых человеческих индивидов» в качестве важнейших предпосылок материалистического понимания истории. Возражая Н.Д. Антиповой, следует указать на то, что живые человеческие индивиды — это саморазвивающиеся, самопричинные, субстанциальные индивиды, которые являются живыми и человеческими вне зависимости от того, обладают ли они мозгом или еще нет.

Подобно тому, как возникновение химической «теневого системы» живого в то же время является возникновением новой биологической

сущности, которая выступает противоположностью и диалектическим отрицанием химической сущности [Барг О.А., 2018, с. 82], возникновение биологической «теневого системы» социального в ходе зачатия в то же время является возникновением новой индивидуальной социальной сущности, основой которой выступает социальный субстрат. Последний «не может быть “схвачен” эмпирическим созерцанием, подобно тому как мы созерцаем определенные физические и химические субстраты. ... Природа социального субстрата может быть изучена через посредство тех специфических свойств и отношений, в которых она полностью проявляется» [Орлов В.В., 1974, с. 311]. О появлении социального субстрата в ходе зачатия можно уверенно судить, даже несмотря на то, что он имеет сверхчувственный характер — ведь человек зачинается не в стае животных, а в человеческом обществе (конкретнее — в семье как элементарной социальной системе). При этом возникает именно человеческий, а, например, не собачий индивид. Биологическая основа человеческого индивида на любой стадии ее развития соответствует задачам человеческого, а не чисто животного бытия. Зачатый ребенок является отдельным, индивидуальным человеческим субстратом, а не частью тела матери. Да, ребенок в утробе не может существовать без материнского организма, но все люди нуждаются в тех или иных природных условиях: новорожденный — в тепле и материнском молоке, а взрослый — в соответствующей его потребностям окружающей среде и пище.

Как объективно существующий член семьи и общества в целом, человеческий зародыш влияет на них, перестраивая жизнь взрослых членов семьи и участвуя в формировании демографического потенциала общества.

Тождество человеческих индивидов между собой обеспечивается не какими-либо социальными атрибутами (сущностными силами человека), и не какими-то определенными общественными отношениями, а только наличием социального субстрата. Тот или иной социальный атрибут (та или иная сущностная сила человека) является необходимым свойством общества в целом, но не отдельного его члена. К человеческому роду принадлежит не тот, кто трудится (не все люди трудятся), и не тот, кто мыслит (не все люди даже и мыслят), а тот, кто яв-

ляется социальным субстратом (живым человеческим индивидом). Так же и тот или иной тип общественных отношений является необходимым для общества в целом, но не для отдельного его члена. Таким образом, онтологически некорректно и этически недопустимо вычеркивать тех или иных индивидов из числа людей потому, что у них отсутствует какое-либо социальное свойство (например, быть личностью), или потому, что они исключены из каких-либо общественных отношений (например, семейных — в том случае, если семья, в которой появляется ребенок, его не признает). Но если субстрат проявляет свое наличие через соответствующие ему атрибуты, то как мы можем констатировать наличие социального субстрата у детей в материнской утробе, когда те или иные сущностные силы у них еще не сформированы? Дело в том, что определяющей стороной любой субстанции выступает ее потенциальная, а не актуальная сторона, и потому главное при анализе сущностных сил как атрибутов социальной субстанции состоит в выделении их потенциальной стороны. Дети в утробе матери обладают социальным субстратом, имеющим множество потенциальных человеческих сущностных сил, которые, включая потенцию к труду, могут стать актуальными при благоприятных условиях [Лоскутов Ю.В., 2021, с. 108].

До зачатия новый индивид не возникает. Сперматозоид, равно как и яйцеклетка, является лишь «представителем», носителем индивидуальности уже существующего индивида, но не уникальным человеческим индивидом как таковым. Вместе с тем можно с уверенностью утверждать, что любой аборт уничтожает уже возникшего живого человеческого индивида.

Итак, человеческий эмбрион в качестве человеческого индивида онтологически тождественен как любому новорожденному, так и любому взрослому человеку, что имеет серьезное этическое следствие — искусственный аборт является грубым и объективным нарушением «золотого правила нравственности» (принципа этической взаимности): «не делай другим того, чего не желаешь себе». Правда, подавляющее большинство борцов с искусственными абортами резонно не возражают против тех немногочисленных абортов, которые производятся по серьезным медицинским показаниям, связанным с состоянием здоровья женщины: «Предположительно,

аборт может быть оправдан в некоторых обстоятельствах, только если потеря, вызванная отказом от аборта, будет, по крайней мере, столь же велика» [Marquis D., 1989, p. 194].

Правовые и социально-онтологические аспекты преодоления искусственных абортов

Правовое ограничение искусственных абортов — это отдельный вопрос. Декларация прав ребенка, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1959 г., провозглашает следующее: «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»¹. Данный принцип дословно подтвержден в Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.² Термин «аборт» в обоих документах отсутствует. Представления о надлежащей правовой защите ребенка до его рождения могут быть разными, однако весьма либеральный характер действующего российского законодательства об абортах представляется довольно неуместным в ситуации депопуляции коренного населения Российской Федерации.

Вместе с тем нельзя не признать правоту сторонников искусственных абортов в одном аспекте — в том, что одними юридическими запретами проблема воспроизводства населения не решается, т.к. запрет на аборт не увеличивает потребность семьи в детях [Антипова Н.Д., 2005а, с. 89]. Здесь стоит отметить следующий социально-онтологический аспект. Несмотря на то, что маленькие дети непосредственно не выступают носителями рабочей силы, потребность семьи в детях опосредованно зависит от совокупной потребности общества в рабочей силе. Последняя является ключевой сущностной силой человека — способностью к труду. Депопуляция в той или иной стране продолжается до тех пор, пока ее типичный гражданин не приоб-

ретает общественную ценность как носитель рабочей силы — и при этом для актуализации последней у гражданина должно появиться соответствующее рабочее место (конечно, ценность человека не сводится к его актуальной или даже потенциальной рабочей силе. Здесь имеется в виду не аксиологический аспект рассматриваемой проблемы во всей его полноте, а только важнейший социально-онтологический «стимул» к деторождению).

Количество (равно как и качество) рабочих мест — это фактор, поддающийся управлению. Если при социализме абортами «оплачиваются» управленческие ошибки, то при капитализме или при демонтаже социализма аборт является неизбежными проявлениями целенаправленной неомальтузианской политики. Господствующий класс при капитализме нередко применяет неомальтузианскую стратегию сдерживания социального развития в целом и сдерживания развития производительных сил в частности. Ведь если производительные силы разовьются должным образом, то это будет означать конец капиталистической общественно-экономической формации. Человек является главной производительной силой [Маркс К., 1968, с. 403]. В какой мере не будет людей (в том числе и по причине абортов) — в такой мере не будет и производительных сил, не будет производства, не будет общественного богатства. А если производительные силы не будут развиты на должном уровне в количественном и качественном аспектах, то не будет и новых, более прогрессивных и более гуманных производственных отношений, что прямо вытекает из закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил [Маркс К., 1959, с. 6–7].

Наличие достаточного количества живых (не абортированных) человеческих индивидов является ключевым условием любых крупных исторических свершений: «Мы должны прежде всего констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования, а следовательно и всякой истории, а именно ту предпосылку, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии “делать историю”» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955а, с. 26]. Более производительный труд требует более сложных условий производства. Чем сложнее условия производства, тем больше людей требуется для того, чтобы их создавать. В силу объективной общественной

¹ Декларация прав ребенка Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 24.11.2023).

² Конвенция о правах ребенка Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 24.11.2023).

заинтересованности в наличии достаточного количества людей, Дж. Шаутен заявляет о том, что «обязательства по уходу за нежеланными плодами являются общими обязательствами, точно так же, как и обязательства по уходу за сиротами и другими иждивенцами, которые в противном случае останутся без заботы. ... Мы должны ... разработать политику в области здравоохранения, жилья, образования и занятости, направленную на снижение совокупной уязвимости, с которой сталкиваются женщины» [Schouten G., 2017, p. 645, 657] (между прочим, подобная политика впервые в истории применялась в Советском Союзе, в том числе и тогда, когда в СССР были запрещены искусственные аборт по не медицинским показаниям).

Выражение «плодить нищету», используемое на микросоциальном уровне для оправдания абортов, совершенно не адекватно по отношению к сегодняшней макроэкономической ситуации — в XXI в. географический центр мирового богатства стремительно смещается с Запада на Восток, т.е. туда, где родилось больше всего людей [Aris B., 2015]. Экономическое могущество Запада сокращается из-за развивающихся рынков Востока, которые развиваются за счет того, что там много производителей и много потребителей (особенно после отказа КНР от политики «одна семья — один ребенок»).

«Экологическое» возражение против ограничения абортов, состоящее в декларировании угрозы перенаселения планеты [Антипова Н.Д., 2005а, с. 93], не является состоятельным в свете развития производительных сил. Люди, как правило, способны производить больше материальных благ, чем требуется им самим для текущего потребления. Помимо прочего, общество в будущем сможет производить и воспроизводить биогеоценозы [Бузгалин А.В., 2002, с. 29–30], необходимые для жизни все возрастающего числа людей.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что практика реального гуманизма в отношении проблемы абортов должна на макросоциальном уровне состоять в: 1) борьбе за создание большого количества высококвалифицированных рабочих мест; 2) борьбе за реальную социальную защиту материнства и детства; 3) борьбе за другие меры, направленные

на общее развитие производительных сил. Последнее необходимо для того, чтобы последовательно сформировать такие производственные отношения, при которых население не может быть «лишним», «избыточным» — в соответствии с макросоциальным законом соответствия уровня и характера развития производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. А на микросоциальном уровне реальные гуманисты просто должны рожать и воспитывать детей, давать им хорошее образование. Многодетность в семьях реальных гуманистов должна стать обычным явлением. Кроме того, у марксистов должен войти в привычку социально-онтологический анализ их собственных идеологических постулатов. Ведь, как здесь было показано, марксистские сторонники неограниченного применения искусственных абортов некритически улавливаются либерально-буржуазной идеологией неомальтузианства и при этом игнорируют марксистскую социальную онтологию.

Список литературы

- Антипова Н.Д.* Аборт как этическая проблема: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 120 с.
- Антипова Н.Д.* Этические коллизии вокруг проблемы аборта в рамках различных ценностно-мировоззренческих ориентаций // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2005. № 1. С. 107–119.
- Барз О.А.* Системный подход, философия и естествознание / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2018. 112 с.
- Бузгалин А.В.* Из царства необходимости в царство свободы: творческий марксизм Э.В. Ильенкова и вызовы социализму в условиях «постиндустриального общества» // Э.Ильенков и социализм: сб. науч. ст. по материалам Ильенковских Чтений, 2001 / под ред. С.Н. Мареева. М., 2002. С. 20–52.
- Ласточкин А.В.* Субстратная сторона развития как способа существования материи // Низшее и высшее, системы и элементы в процессе развития: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С.М. Шалютина и др.; Челябин. гос. пед. ин-т. Челябинск, 1988. С. 4–11.
- Лоскутов Ю.В.* Введение в теорию социальной субстанции / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2021. 277 с. URL: https://elis.psu.ru/node/642769/pdfbook/download/Vvedenie_v_teoriyu_soci_alnoy_substancii.pdf (дата обращения: 24.11.2023).

Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении / пер. с англ. И.А. Вернера. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова. 1895. 320 с.

Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. С. 3–510.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 3–230.

Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1974. 398 с.

Томсон Дж. В защиту абортотворцев / пер. с англ. А.С. Финиареля // Этическая мысль. 2017. Т. 17, № 2. С. 125–142. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2017-17-2-125-142>

Aris B. bne:Chart — World's economic centre of gravity continues shift east // bne IntelliNews. 2015. Jun. 9. URL: <https://www.intellinews.com/bne-chart-world-s-economic-centre-of-gravity-continues-shift-east-500446729/?archive=bne> (accessed: 24.11.2023).

Boonin D. A Defense of Abortion. N.Y.: Cambridge University Press, 2002. 368 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511610172>

Giubilini A, Minerva F. After-birth abortion: why should the baby live? // Journal of Medical Ethics. 2013. Vol. 39, iss. 5. P. 261–263. DOI: <https://doi.org/10.1136/medethics-2011-100411>

Greasley K. Arguments about Abortion: Personhood, Morality, and Law. Oxford, UK: Oxford University Press, 2017. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198766780.01.0001>

Kershner S. Does the Pro-Life Worldview Make Sense? Abortion, Hell, and Violence Against Abortion Doctors. N.Y.: Routledge, 2017. 204 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315142265>

Lindemann H., Verkerk M. Ending the Life of a Newborn. The Groningen Protocol // Hastings Center Report. 2008. Vol. 38, no. 1. P. 42–51. DOI: <https://doi.org/10.1353/hcr.2008.0010>

Marquis D. Why Abortion is Immoral // The Journal of Philosophy. 1989. Vol. 86, iss. 4. P. 183–202. DOI: <https://doi.org/10.2307/2026961>

Schouten G. Fetuses, Orphans, and a Famous Violinist: On the Ethics and Politics of Abortion // Social Theory and Practice. 2017. Vol. 43, iss. 3. P. 637–665. DOI: <https://doi.org/10.5840/soctheorpract20178417>

Shaver Sh. Body rights, social rights and the liberal welfare state // Critical Social Policy. 1994. Vol. 13, iss. 39. P. 66–93. DOI: <https://doi.org/10.1177/026101839401303905>

Tooley M. Abortion and Infanticide // Philosophy and Public Affairs. 1972. Vol. 2, no. 1. P. 37–65.

References

Antipova, N.D. (2005). *Abort kak eticheskaya problema: dis. ... kand. filos. nauk* [Abortion as an ethical problem: dissertation]. Moscow, 120 p.

Antipova, N.D. (2005). [Ethical conflicts around the problem of abortion in the framework of different value-world orientations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 1, pp. 107–119.

Aris, B. (2015). *bne:Chart — World's economic centre of gravity continues shift east*. bne IntelliNews. Jun. 9. Available at: <https://www.intellinews.com/bne-chart-world-s-economic-centre-of-gravity-continues-shift-east-500446729/?archive=bne> (accessed 24.11.2023).

Barg, O.A. (2018). *Sistemnyy podkhod, filosofiya i estestvoznaniye* [Systems approach, philosophy and natural science]. Perm: PSU Publ., 112 p.

Boonin, D. (2002). *A defense of abortion*. New York: Cambridge University Press, 368 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511610172>

Buzgalin, A.V. (2002). [From the realm of necessity to the realm of freedom: E.V. Ilyenkov's creative Marxism and the challenges to socialism in a «post-industrial society»]. *E. Il'enkov i sotsializm: sbornik nauchnykh statey po materialam Il'enkovskikh Chteniy, 2001* [E. Ilyenkov and Socialism. Collection of Scientific Articles on the Materials of Ilyenkov Readings, 2001]. Moscow, pp. 20–52.

Giubilini, A. and Minerva, F. (2013). After-birth abortion: why should the baby live? *Journal of Medical Ethics*. Vol. 39, iss. 5, pp. 261–263. DOI: <https://doi.org/10.1136/medethics-2011-100411>

Greasley, K. (2017). *Arguments about abortion: Personhood, morality, and law*. Oxford, UK: Oxford University Press, 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198766780.01.0001>

Kershner, S. (2017). *Does the pro-life worldview make sense? Abortion, hell, and violence against abortion doctors*. New York: Routledge Publ., 204 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315142265>

Lastochkin, A.V. (1988). [Substrate side of development as a mode of existence of matter]. *Nizshee i vysshee, sistemy i elementy v protsesse razvitiya, pod red. S.M. Shalyutina I dr.* [S.M. Shalyutin et al. (eds.) Lower and higher, systems and elements in the development process]. Chelyabinsk: ChSPI Publ., pp. 4-11.

Lindemann, H. and Verkerk, M. (2008). Ending the life of a newborn. The Groningen protocol. *Hastings Center Report*. Vol. 38, no. 1, pp. 42–51. DOI: <https://doi.org/10.1353/hcr.2008.0010>

Loskutov, Yu.V. (2021). *Vvedenie v teoriyu sotsial'noy substantzii* [Introduction to social substance theory]. Perm: PSU Publ., 277 p. Available at: https://elis.psu.ru/node/642769/pdfbook/download/Vvedenie_v_teoriyu_socialnoy_substancii.pdf (accessed 24.11.2023).

Malthus, T.R. (1895). *Opyt zakona o narodonaselenii* [An essay on the principle of population]. Moscow: K.T. Soldatenkov Publ., 320 p.

Marquis, D. (1989). Why abortion is immoral. *The Journal of Philosophy*. Vol. 86, iss. 4, pp. 183–202. DOI: <https://doi.org/10.2307/2026961>

Marx, K. (1959). [Toward a critique of political economy]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 13, pp. 1–167.

Marx, K. (1960). [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 23, 908 p.

Marx, K. (1968). [Economic Manuscripts of 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 46, pt. 1., pp. 3–510.

Marx, K. and Engels, F. (1955). [Holy family]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 2, pp. 3–230.

Marx, K. and Engels, F. (1955). [German ideology]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Orlov, V.V. (1974). *Materiya, razvitie, chelovek* [Matter, development, human]. Perm: PSU Publ., 398 p.

Schouten, J. (2017). Fetuses, orphans, and a famous violinist: On the ethics and politics of abortion. *Social Theory and Practice*. Vol. 43, iss. 3, pp. 637–665. DOI: <https://doi.org/10.5840/soctheorpract20178417>

Shaver, S. (1994). Body rights, social rights and the liberal welfare state. *Critical Social Policy*. Vol. 13, iss. 39, pp. 66–93. DOI: <https://doi.org/10.1177/026101839401303905>

Tomson, J. (2017). [In defense of abortion]. *Ericheskaya mysl'* [Ethical Thought]. Vol. 17, no. 2, pp. 125–142. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2017-17-2-125-142>

Tooley, M. (1972). Abortion and infanticide. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 2, no. 1, pp. 37–65.

Об авторе

Лоскутов Юрий Викторович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: yuri-loskutov@mail.ru
ResearcherID: ABB-7195-2021

About the author

Yuri V. Loskutov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: yuri-loskutov@mail.ru
ResearcherID: ABB-7195-2021

УДК 130.2(597)
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-241-249>
EDN: MRJGAB

Поступила: 04.03.2024
Принята: 25.03.2024
Опубликована: 04.07.2024

ТРАДИЦИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ СИМУЛЯКР?

Гилл Елена Владимировна, Крапчунов Даниил Евгеньевич

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Статья посвящена феномену традиционализма в контексте онтологической недостаточности человека. В культуре существуют разные способы репрезентации недостаточности, которая может преодолеваться или корректироваться. В глобальной реальности кризис идентичности и усиление чувства нехватки связаны с изменением структур личности и идентичности в динамичной социальной реальности, где все большую роль играет виртуальный способ размыкания человека к миру, а также множатся виды онтического бытия. Ответом на усиление нехватки становятся два постсекулярных вектора виртуализации — прямой уход в виртуальность и традиционализм, импульсом которого является возвращение к социальному в такой его утерянной форме, которая бы обещала укорененность в традицию и возврат к религии в неразрывной связи с ее национальным носителем. В свете концепции онтологической недостаточности и на основе полевых исследований явлений традиционализма во Вьетнаме и других странах авторы эксплицируют традиционализм как виртуализацию реальности и манипулятивную подмену онтологического онтическим. Особенность традиционализма как мировоззрения и идеологии состоит в том, что она представляет саму традицию в качестве ценности, тогда как она есть механизм сохранения и передачи ценностей. Показано, что традиционализм представляет собой наиболее радикальную культурную форму возврата структур исторического прошлого, что представляется духовно необходимым. Однако эти структуры являются отжившими, неконструктивными и обращение к ним вместо преодоления недостаточности превращает человека в самодостаточную структуру, т.е. противоречит принципиальной онтологической открытости человека. Авторы объясняют традиционализм во Вьетнаме как изобретение традиции, не основанное на исторической почве, и показывают, как традиция превращается в симулякр и виртуализацию реальности.

Ключевые слова: традиция, Вьетнам, традиционализм, духовная практика, религия, онтологическая недостаточность.

Для цитирования:

Гилл Е.В., Крапчунов Д.Е. Традиция во Вьетнаме: реальность или симулякр? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 241–249. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-241-249>. EDN: MRJGAB

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-241-249>

Received: 04.03.2024
Accepted: 25.03.2024
Published: 04.07.2024

TRADITION IN VIETNAM: REALITY OR A SIMULACRUM?

Elena V. Gill, Daniil E. Krapchunov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

The article is devoted to the phenomenon of traditionalism in the context of human ontological incompleteness. In culture, there are different ways of representing incompleteness, which can be overcome or

corrected. In global reality, the crisis of identity and the sense of increased insufficiency relate to the structural change of personality and identity in a dynamic social reality, where virtual way of the human opening to the world plays an increasingly important role, and types of ontic existence multiply. The response to the increased incompleteness is two postsecular vectors of virtualization — a direct departure into virtuality and traditionalism, the impulse of which is a return to the social reality in some form, taken from the past, that would ensure rootedness, namely that into tradition, and a return to religion in inextricable connection with its national carrier. In the light of the concept of ontological incompleteness and based on field research on traditionalism in Vietnam and other countries, the authors explicate traditionalism as the virtualization of reality and manipulative substitution of the ontological with the ontic. The peculiarity of traditionalism as a worldview and ideology is that it represents tradition itself as a value, whereas it is a construct for the preservation and transmission of values. The paper shows that traditionalism is the most radical cultural form of return of the cultural structures of the historical past, which is represented as a spiritual need. However, these structures are outdated, not constructive, and addressing them, instead of overcoming incompleteness, turns man into a self-sufficient structure, which contradicts the fundamental ontological openness of the human being. The authors explain traditionalism in Vietnam and some other countries as the invention of tradition not based on the historical ground, and show how tradition turns into a simulacrum and virtualization of reality.

Keywords: tradition, Vietnam, traditionalism, spiritual practice, religion, ontological incompleteness.

To cite:

Gill E.V., Krapchunov D.E. [Tradition in Vietnam: reality or a simulacrum?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 241–249 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-241-249>, EDN: MRJGAB

Введение

Причинами неугасающей популярности традиционализма являются негативные последствия глобализации, а именно, потеря экономической и культурной индивидуальности странами, насаждение единого политического и потребительского стандарта, мировой экономической кризис. Возврат к традиции привлекает как наиболее простой и уже известный вариант решения проблем размывания границ идентичности. С.С. Хоружий отмечает особенность риска жизни современного человека, заключающуюся в том, что он идет не извне (из природы или общества), а изнутри, выражаясь в модификации антропотипов [Хоружий С.С., 2017]. Ответом на усиление нехватки становятся два постсекулярных вектора виртуализации — прямой уход в виртуальность и традиционализм, импульсом которого является возвращение «домой». Говоря словами М. Хайдеггера (M. Heidegger), человек есть «брошенное бытие-в-мире как не-у-себя-дома», которое стремится к укорененности в бытии: «Что людям, потерянным в озаботившем, многосложном “мире”, может быть чужее самости, уединенной в непо-себе на себе, брошенной в ничто?» [Хайдег-

гер М., 2003, с. 139]. Возвращение «домой» к социальному происходит в такой его утерянной форме, которая ассоциируется с укорененностью, основательностью, а именно — к религиозной традиции в ее национальном проявлении.

Традиционализм: понятие и феномен

Констатируя минимальную по сравнению с аграрным периодом роль традиции в жизни постиндустриального общества, Эрик Хобсбаум (E. Hobsbawm) отмечает, что в основе традиционализма у разных наций в глобальной реальности находится потребность «укорениться»: «современные нации со всем их громоздким снаряжением, как правило, претендуют на нечто прямо противоположное их новизне и искусственности, на то, что корнями своими они уходят в глубокое прошлое и являются человеческими сообществами столь “природными”, что для их определения достаточно простого самоутверждения» [Хобсбаум Э., 2000, с. 54].

Традиционализм и, прежде всего, интегральный традиционализм как явление современности был и остается предметом научных исследований [Быстров В.Ю., 2001; Дугин А.Г., 2002; Макаров А.И., 2001; Хоружий С.С., 2015; Элиаде М., 2000; Sedgwick M.,

2004]. Объектом нашего внимания является тот аспект традиционализма, который демонстрирует взгляд на традицию извне и проявляется в виде консервативной идеологии, связывающий религиозное и национальное и представляющий традицию как ценность.

Рассмотрим феномен традиционализма и причины его активизации в некоторых современных странах на основе проведенных полевых исследований. Пожалуй, самым ярким историческим примером национальной претензии на духовную уникальность является идея богоизбранничества еврейского народа. Эскалация противостояния Израиля и Палестины показывает столкновение двух идеологий — религиозной со стороны Израиля и Палестины и светской, западной, продвигающей материалистические и демократические ценности.

История рассеяния евреев свидетельствует о том, что идеи духовной гегемонии были и остаются одной из причин антисемитизма. Исследования, проведенные нами в июне 2024 г. в Израиле, а именно экспертные интервью с представителями иудейских городских общинах Тель-Авива, Цфата, Иерусалима и Нетании, позволяют заключить, что идея избранности Богом еврейского народа продолжает быть активной. Все опрошенные раввины были обеспокоены высоким уровнем антисемитизма в Европе.

В одном из интервью раввин синангоги священного города Цфата пояснил сущность антисемитизма в духе платоновского мифа о пещере: «Представьте, что человек праведный и добрый попадет в компанию людей, уступающих ему в моральных качествах, — как они будут к нему относиться? Разумеется, возненавидят его». Одним из популяризаторов идеи избранничества в интернете является рав Даниэль Булочник, который, опираясь на Тору и пророчества, говорит: «Будут ли существовать народы мира во время машиах? У мира есть два основания существования: еврейский народ и Тора. То, что сегодня вся эта планета заселена людьми “другими”, это все для того, чтобы мы освещали весь мир в трудностях, или они бы нам не делали трудности. Если бы они видели суть еврея, было бы преклонение, — это будет в будущем! Было бы вылизывание ног. Президенты и короли придут и будут просить: “Дай мне облизнуть твой туфель”. Все народы, которые причиняли вред еврейскому народу, будут

сметены с лица земли. Как? Они перестанут рожать. Что будут делать все остальные неевреи? Обеспечивать нас всем необходимым, еврей не будет делать ничего больше. Мы не люди, мы — иудеи»¹. Проповеди рава Даниэля Булочника были переведены и на английский язык и стали доступны для широкого круга неевреев, настроили слушателей против еврейского народа в целом и после начала столкновений Палестины и Израиля в октябре 2023 г. спровоцировали в сетях многочисленные комментарии в стиле «так им и надо, этим евреям».

Полевые исследования позволили сделать вывод о том, что стремление к межрелигиозному диалогу в какой бы то ни было форме отсутствует. Городские израильские общины делятся по национальному и языковому признаку (еврейские, английские, русские) и практически не взаимодействуют между собой даже во время праздников, ведя сепарированную жизнь. Часть раввинов отмечала, что с христианскими церквями они контактируют только по необходимости бизнеса или городских дел, и что для еврея зайти в христианскую церковь является недопустимым греховным действием. Во время экскурсий обратила на себя наше внимание сильная идеология возвышения достижений Израиля и принижение и высмеивание возможностей народа Палестины.

Наш опыт длительного общения с представителями ортодоксального еврейского рода направления литваков в Иерусалиме стал полезным для исследования традиционализма. В Израиле ортодоксальные семьи отдают девочек в традиционные иудейские школы, дающие только теологическое образование. В школе нет общих предметов, таких как математика, литература, иностранные языки, физкультура, — ничего, кроме еврейской истории и изучения Торы. Многие современные еврейские женщины, которые закончили такие школы, считают, что ортодоксальное образование разрушительно для человека. После теологической школы женщина беспомощна, она не приспособлена ни к чему, кроме замужества, и нередки случаи, когда женщина вынуждена порвать со своей

¹ Рав Даниэль Булочник. URL: <https://www.pyckue-ska3ku.livejournal.com/3550796.html?ysclid=lnrdp7djgc697983723> (дата обращения: 20.01.2024).

общиной и даже бежать из дома. По-прежнему распространены браки по договоренности родителей, и семьи поддерживают ритуалы по каждому жизненному поводу. Мужчины из знатных родов могут позволить себе не работать и только изучать Тору, и некоторые из них являются главами общин, знатоками священных текстов. Государство обеспечивает жизнь таких семей, но пособия весьма невелики, и если семья не имеет собственного бизнеса, она нищенствует.

С теми же проблемами сегодня сталкиваются молодые индусы из древних браминских родов, которые вынуждены порвать со своей «браминностью», будучи не в состоянии соблюдать ритуализм и требования традиции. Они не хотят жить многопоколенной семьей, в которой соединены несколько нуклеарных, и где женщине, чтобы выйти из дома, по-прежнему требуется спросить разрешения у старшей в доме; они не хотят праздновать свадьбу в несколько этапов с соблюдением множества ритуалов, и не хотят быть отправителями религиозных ритуалов и носителями ведического знания, т.к. не понимают смысла всех этих усилий. Они против сохранения индуистской традиции (в одном конкретном случае речь шла о шиваизме, поклонение Кали, в Бенгалии), потому что, согласно ей, рождение мальчика необходимо для будущего исполнения похоронного обряда над отцом, и до сих пор распространены случаи инфантицида, когда богатые люди убивают девочек, и впоследствии для того, чтобы их сыновья могли на ком-то жениться, покупают девочек у бедных семей в штате Карнатака, где женщины славятся своей красотой.

Таким образом, ориентация на традицию, взятую в ее исторически-конкретных формах, не органична современному миру и приводит к замыканию человека в структуре, не коррелирующей с глобальной реальностью, для которой не могут быть конституирующими ценности традиционного общества. Замыкание в собственных культурных границах влечет опасные последствия, такие как нетерпимость к инакомыслию, национализм, национальный и культурный шовинизм. Таких проблем, как рост вооружения и международного терроризма, экологическая катастрофа, разрыв между развитием севера и юга в аграрную эпоху не существо-

вало, и укрепление границ и противопоставление себя миру, а не единение с ним, было естественным вектором самосохранения традиционного общества, поэтому традиционализм ослабляет взаимодействие между странами, будучи бессилем предложить инструменты контакта. В период индустриального общества происходило усиление межкультурной коммуникации, знакомство с обычаями и традициями разных стран, осознание мира как единого целого, развитие концепции прав человека. Сегодня, в постиндустриальную эпоху, возникают новые задачи, связанные уже с последствием развития глобализации, и сама по себе традиция не имеет к этому никакого отношения, кроме отвлечения человека от насущных, жизненно важных вопросов.

Причины традиционализма следует искать в самом способе мышления современного человека, и глубже — в его онтологии, в установке «антропологии центра». Этот центр может быть истолкован в смысле национально-центристской установки, когда центрированность сознания заключается в противостоянии отдельной точки остальным периферийным точкам окружающей среды. В результате полевых исследований в Индии, Египте, Таиланде, Вьетнаме, Камбодже с 2015 по 2024 гг. было выявлено, что определенные социальные группы инициируют процессы укрепления самодостаточности и замыкания в границах своего понимания национально-религиозной идентичности. Среди многих других стран Вьетнам в отношении исследования традиционализма представляет особый интерес: во-первых, там наблюдается усиление традиционно-ориентированной идеологии, а во-вторых, во Вьетнаме нет ни религиозной, ни этнической, ни исторической преемственности того, что традиционалисты Вьетнама и сами его жители понимают под его традицией.

Особенности традиционализма во Вьетнаме

В середине XX в. лидеры Северного и Южного Вьетнама обратили особое внимание на исторический образ королей Хунгов и на его полезность для укрепления патриотизма и национальной идеи. Именно в середине 90-х гг. XX в. дню поминования королей Хунгов придан особый статус памятной даты, что было связано не только с потребностью отмежеваться от извеч-

ного китайского влияния, но и найти действенный национальный миф в условиях потери поддержки СССР. В 2012 г. Вьетнам в представленном ЮНЕСКО докладе заявил культ королей Хунгов как существовавший у вьетов с глубокой древности [Kelley L.C., 2012]. Королей Хунгов связывают с периодом истории вьетов, предшествующим китайским завоеваниям, несмотря на то, что современная историческая наука не имеет оснований считать королей реальными персонажами, т.к. источниками, повествующими о них, являются только легенды XIV–XV вв., и, скорее всего, короли Хунги являются изобретением средневековья, сделанном в воспитательно-нравственных целях [Антощенко В.И., 2002; Цветов П.Ю., 2004; Новакова О.В., 2009]. Что касается названия «вьеты», которым обозначается титульный вьетнамский этнос, то оно не «эндогенно» [Taylor K.W., 1983, p. 43] для Вьетнама, т.к. это самоназвание издавна использовали и китайские племена, некоторые из которых до сих пор продолжают себя так называть.

Современная религиозная политика Вьетнама имеет традиционалистские тенденции и в отношении религии. Концепция культурного наследия, продвигаемая ЮНЕСКО и являющаяся западным конструктом, во Вьетнаме используется для создания образа национальной культуры, берущей начало в докитайском периоде. Сама эта концепция включает аспект ответа на вызовы глобализации: «Несмотря на хрупкость, нематериальное культурное наследие является важным фактором поддержания культурного разнообразия в условиях растущей глобализации» («While fragile, intangible cultural heritage is an important factor in maintaining cultural diversity in the face of growing globalization») [What is Intangible..., 2011] и тем самым обнаруживает свою искусственность по отношению к традиции, поэтому она производит эффект создания социально-исторических мифов о национальном происхождении и единстве в целях противопоставления данной культуры размывающему действию глобализации.

Несмотря на то, что «процесс смешения верований китайского происхождения и автохтонных традиций был отчасти естественным..., вьетнамские идеологи “вычленяют” автохтонные верования из китаизированного пантеона, повышают их значимость» [Старикова Е.О.,

2020, с. 64], изменяют облик изображения божеств так, чтобы они ассоциировались с вьетнамской древностью. Согласно опросу 2004 г. о религиозной принадлежности, 81 % населения Вьетнама относят себя к атеистам [Zuckerman P., 2006, p. 57]. Тем не менее, во всех населенных пунктах Вьетнама почти у каждого частного дома можно увидеть алтарь духов. Как объясняют сами вьетнамцы, нет противоречия между атеизмом и верой в духов, поскольку духи — это живые существа иного рода бытия, они принадлежат миру не-форм. Вместе с популярными духами богатства и торговли, а также духами предков на алтаре располагают фигуры Конфуция и Будды, таким образом создавая симбиоз трех религий, который нередко совмещается и с атеистической самоидентификацией.

Как мы уже отмечали на основании более ранних полевых исследований, для многих стран Юго-Восточной Азии и Индии видимое на первый взгляд противоречие не является признаком невежества, как может показаться европейскому наблюдателю, — но частью философии и мировоззрения [Крапчунов Д.Е. Максимова Е.В., 2021, p. 685]. Во Вьетнаме, как и в Тайланде, образ Будды приобрел конкретно-культурное содержание, и именно этот, а не какой-то иной образ Будды может быть почитаем, что сближает, на наш взгляд, поклонение Будде с почитанием духов. При этом анимизм не имеет статуса более примитивной, по сравнению с буддизмом или конфуцианством, религии. Во Вьетнаме наибольшее поклонение воздается так называемому Безумному Будде, или Счастливому Будде, которого увидел во время озарения ученик буддийского отшельника Хюинь Фу Шо из деревни Хоахао. Событие произошло в 1939 г., и культ Безумного Будды, испытавший влияние конфуцианства, даосизма и культа предков, нередко считают синкретической религией. Именно в данный образ Будды верят многие вьетнамцы, никак не объясняя это, кроме того, что Счастливый Будда приносит удачу. Тот же аргумент «принесения удачи» можно услышать от тайцев на вопрос о том, почему они ставят на алтарь фигуру Ганеши, если сами являются буддистами. Почитатели Счастливого Будды не считают, что они исповедуют какую-то новую религию, и чаще всего не относят себя ни к одной существующей

щей религии, но считают поклонение это естественным, таким же, как почитание предков. К религиям Индии и Юго-Восточной Азии не применимы оппозиции политеизм-монотеизм-атеизм, сконструированные на Западе и основанные на европоцентризме и противопоставлении христианства остальным религиям. Такая классификация является устаревшим клише и упрощает, примитивизирует понимание культурной обстановки Вьетнама. Социологические опросы о религиозной принадлежности, сформулированные на базе разделения атеизма и религий в классификации, в основном, Вебера, и выделяющие мировые религии, а также индуизм, конфуцианство и даосизм как отдельные направления, не соответствует культурной реальности стран Азии, поскольку для них такого разделения просто не существует, и подобные вопросы либо приводят людей в замешательство, либо даются ответы случайные, не основанные на внутреннем состоянии субъекта религиозного действия. В то же время метод включенного наблюдения в местах религиозных действий во Вьетнаме позволил сделать заключение о том, что синкретизм верований, восходящих к буддизму, даосизму и конфуцианству, поклонению духам и культ предков является органичной особенностью вьетнамской культуры, которая, как и индийская, воспринимает новое, не отрицая старое (как охарактеризовал данный тип культуры во время интервью главный брахман храма Шивы в г. Варанаси в Индии). Более того, в мировоззрении и образе жизни вьетнамцев значительную роль играют идеи социализма, свободы и равенства, социалистические праздники отмечаются наряду с религиозными, портреты Ленина и советская символика повсеместны, характерно отношение к Ленину как защитнику справедливости, а культ Хо Ши Мина имеет общенациональный масштаб и основан на искреннем уважении народа, что является очень важным для правящей КПВ, которая и сегодня не потеряла легитимности. Вьетнам выстраивает свою национальную идентичность, не прерывая исторической преемственности и не придавая значение тому, является ли традиция Вьетнама вымышленной или реальной, не делая выбор между религиями, атеизмом, частной собственностью и социализмом. Также вьетнамскому самосознанию чужда идея о том, что нечто более ста-

рое является по этой причине и более ценным, и большинство опрошенных нами вьетнамцев, которые посещали места религиозного поклонения, отвергают деление религии на традиционные и новые религиозные движения, или секты. Не случайно Хаохоа, возникнув в XX в., тем не менее, получило в этой стране широкое признание, и образ смеющегося Будды стал религиозной «визитной карточкой» Вьетнама.

Традиция как симулякр

Если по отношению к Вьетнаму применять понятие традиции, то она будет означать не некий сохранившийся конкретно-исторический опыт и правила, передающиеся от поколения к поколению, а саму идею преемственности изменения. Таким образом, современное конкретно-историческое понимание традиции в контексте отдельно взятой культуры противоречит своему главному значению сохранения содержания, и от традиции остается только форма, т.е. механизм передачи разного содержания, что уже не является собственно традицией. Традиция отрицает саму себя, оставляя лишь самоназвание и превращаясь во что-то иное, — в означающее без означаемого, т.е. симулякр. Ж. Бодрийяр (J. Baudrillard) писал, что симулякром стала реклама, т.к. из рекламы товара сама превратилась в товар [Бодрийяр Ж., 2013, с. 122]. С тех пор прошло много лет, и симулякром стала традиция, лишившись экономической необходимости и став спекуляцией на человеческом страхе перед неопределенностью глобального мира постмодерна.

Таким образом, Вьетнам представляет собой уникальный случай традиционной культуры, где традиция основана на несуществующих фактах, и изначально, и сегодня является синтезом обычаев и верований разных культур, но это не мешает ей сохраняться, и это возможно по той причине, что она осталась живой, трансформировалась и превратилась во что-то иное, — в жизнеспособный культурный сплав, открытый для изменений, т.е., собственно, перестала быть традицией. Опыт Вьетнама показывает, что сегодня традиция в ее прежнем смысле, в котором она была связана с социальной реальностью, с производственными и духовными процессами, невозможна, и любые попытки ее сохранения и возрождения превращают ее в симулякр — знак, демонстрирующий

сам себя, не имеющий содержания и, в данном случае, служащий инструментом консервативной идеологии и частных интересов ее представителей.

Традиция в глобальном мире становится либо путем управления общественным сознанием с помощью образов прошлого, либо в товар в случае, если ее можно продать. Реклама традиции, ее коммерциализация превращает культурный феномен в элемент потребления. Например, могила святого Николая Чудотворца в Дебре (Турция) сегодня больше напоминает рынок, где предлагают разнообразные варианты применения в быту образа святого Николая, нежели место религиозного посещения. С тех пор, как город Хампи в Индии, столица империи Виджаянагара, получила статус культурного наследия ЮНЕСКО, он потерял прежний облик пустынного мертвого города, не тронутого современной цивилизацией, в нем были построены многочисленные кафе и гостиницы, которые свели на нет впечатление, производимое этим религиозным местом, в котором еще 15 лет назад можно было встретить только паломников-шиваистов и небольшое количество туристов. Как пишет немецкая исследовательница Г. Хювельмайер (G. Huwelmeier), «включение культа Матерей-богинь трех миров в репрезентативный список ЮНЕСКО послужило “превращению медиумической практики лондонг в шоу, служащее потреблению, выгоде и политической легитимации правительства”» [Старикова Е.О., 2020, с. 64].

Заключение

Традиционализм — это не сохранение культурного содержания, наполнения, которое может быть и новым, и прежним, — это форма, выраженная в идеологии о том, что наилучшим является то, что было в прошлом, и этот постулат выступает в качестве веры. Как показывает история Вьетнама, культурная память, составляющая национальную идентичность, необязательно основана на фактах или на последовательно передаваемом содержании культуры из поколения к поколению, — она воспринимает новое, а также базируется на вымышленных, а не действительных событиях. В связи с этим, попытки традиционалистов вернуть «истинную» традицию, например, основанную на «исконных» верованиях или народных обрядах, не

имеет отношения к традиции, а только к манипулятивной идеологии, которая может создаваться в практических целях обеспечения поддержки политической элиты и сохранения существующего порядка, либо в соответствии с субъективными убеждениями автора-традиционалиста и его личной истории. В такой идеологии традиция, будучи социальным механизмом передачи ценностей, сама становится ценностью, и таким образом совершается легитимация истинности избранного содержания из прошлого, на которое следует ориентироваться.

Проблема традиционализма выходит за рамки социального. В свете понимания человека как существа, разомкнутого в онтологическом, онтическом и виртуальном измерениях, традиционализм выступает как виртуализация реальности. Поскольку традиция, будучи социальным механизмом, бессильна преодолеть онтологическую недостаточность человека, и вместе с ней конечность и смертность, то имеет место подмена духовного социальным с целью пропаганды определенной системы ценностей, в которой заинтересованы отдельные социальные группы. Традиционализм как интернациональный феномен глобальной реальности деструктивен и реакционен в отношении общества и антигуманен в отношении человека, т.к. он превращает человека в самодостаточную структуру и противоречит принципиальной онтологической открытости человека.

Список литературы

- Антощенко В.И.* Мифологические персонажи в государственном пантеоне духов во Вьетнаме // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2002. № 4. С. 108–131.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. с фр. О.А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
- Быстров В.Ю.* Человек в мире традиций: монография. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. 159 с.
- Дугин А.Г.* Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002. 624 с.
- Макаров А.И.* Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: Едиториал УРСС, 2001. Вып. 6. С. 275–283.
- Новакова О.В.* Вьетнам: поиск культурной идентичности в новых политических реалиях //

Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность: сб. статей / отв. ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Ключ-С, 2009. Вып. 1. С. 258–275.

Старикова Е.О. Конструирование образа национальной культуры во Вьетнаме // Азия и Африка сегодня. 2020. № 1. С. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.31857/s032150750008525-9>

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. Харьков: Фолио, 2003. 510 с.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций / пер. с англ. С.А. Панарина // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Хоружий С.С. Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 104–120.

Хоружий С.С. Проблематика рисков современности: концептуальные основания и ведущие подходы // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. 2015. № 1. С. 131–157.

Цветов П.Ю. Короли Хунги: от историографической проблемы к государственному культу // Восток (ORIENS). 2004. № 4. С. 109–114.

Элиаде М. Трактат по истории религий: в 2 т. / пер. с фр. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 2000. 394 с., 415 с.

Kelley L.C. The Biography of the Hồng Bàng Clan as a Medieval Vietnamese Invented Tradition // Journal of Vietnamese Studies. 2012. Vol. 7, iss. 2. P. 87–130. DOI: <https://doi.org/10.1525/vs.2012.7.2.87>

Krapchunov D.E. Maximova E.V. Freedom of Belief and Ecological Consciousness in India // Perishable and Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Veliky Novgorod, November 22–23, 2021). London, UK: European Publisher Ltd., 2021. Vol. 1. P. 681–687. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.12.03.91>

Sedgwick M. Against the modern world: Traditionalism and the secret intellectual history of the twentieth century. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 370 p.

Taylor K.W. The Birth of Vietnam. Berkeley, CA: University of California Press, 1983. 397 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520343108>

What is Intangible Cultural Heritage? / UNESCO. 2011. URL: <https://ich.unesco.org/en/collection-00002> (accessed: 21.01.2024).

Zuckerman P. Atheism: Contemporary Numbers and Patterns // The Cambridge Companion to Athe-

ism / ed. by M. Martin. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 47–66. DOI: <https://doi.org/10.1017/ccol0521842700.004>

References

Antoshenko, V. I. (2002). [Mythological characters in the State pantheon of spirits in Vietnam]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie* [Lomonosov Oriental Studies Journal]. No. 4, pp. 108–131.

Baudrillard, J. (2013). *Simulyakr i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Tula, 204 p.

Bystrov, V.Yu. (2001). *Chelovek v mire traditsiy* [A man in the world of tradition]. Veliky Novgorod: NovGU Publ., 159 p.

Eliade, M. (2000). *Traktat po istorii religiy: v 2 t.* [A treatise on the History of Religions: in 2 vols]. St. Petersburg: Aleteya. 394 p., 415 p.

Dugin, A.G. (2002). *Filosofiya traditsionalizma* [The philosophy of traditionalism]. Moscow: Arktogeya-Tsentr Publ., 624 p.

Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov: Folio Publ., 510 p.

Hobsbawm, E. (2000). [The invention of traditions]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia]. No. 1, pp. 47–62.

Kelley, L.C. (2012). The biography of the Hồng Bàng Clan as a medieval Vietnamese invented tradition. *Journal of Vietnamese Studies*. Vol. 7, iss. 2, pp. 87–130. DOI: <https://doi.org/10.1525/vs.2012.7.2.87>

Khoruzhiy, S.S. (2015). [Problematics of risks of modernity: conceptual foundations and leading approaches]. *Fonar' Diogena: chelovek v mnogoobrazii praktik* [Diogenes' Lantern: the Human Being in Diversity of Practice]. No. 1, pp. 131–157.

Khoruzhiy, S.S. (2017). [Misadventures of the tradition or why it is necessary to defend the tradition from traditionalists]. *Voprosy Filosofii*. No. 9, pp. 104–120.

Krapchunov, D.E. and Maximova, E.V. (2021). Freedom of belief and ecological consciousness in India. *Perishable and Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Veliky Novgorod, November 22–23, 2021)*. London, UK: European Publisher Ltd., vol. 1, pp. 681–687. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.12.03.91>

Makarov, A.I. (2001). [Tradition versus history in the philosophy of modern European traditionalism]. *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noy is-*

torii [Dialogue with Time. The Almanac of Intellectual History]. Moscow: Editorial URSS Publ., iss. 6, pp. 275–283.

Novakova, O.V. (2009). [Vietnam: the search for cultural identity]. *Yugo-vostochnaya Aziya: istoricheskaya pamat', etnokul'turnaya identichnost' i politicheskaya realnost', otv. red. N.N. Bektimirova* [N.N. Bektimirova (ed.) Southeast Asia: Historical Memory, Ethnocultural Identity and Political Reality]. Moscow: Klyuch-S Publ., iss. 1, pp. 258–275.

Sedgwick, M. (2004). *Against the modern world: Traditionalism and the secret intellectual history of the twentieth century*. New York: Oxford University Press, 370 p.

Starikova, E.O. (2020). [Constructing the image of national culture in Vietnam]. *Aziya i Afrika segod-*

nya [Asia and Africa Today]. No. 1, pp. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.31857/s032150750008525-9>

Taylor, K.W. (1983). *The birth of Vietnam*. Berkeley, CA: University of California Press, 397 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520343108>

Tsvetov, P.Yu. (2004). [The Hung Kings: from a historiographical problem to a state cult]. *Vostok (ORIENS)* [East (ORIENS)]. No. 4, pp. 109–114.

UNESCO (2011). *What is intangible cultural heritage?* Available at: <https://ich.unesco.org/en/collection-00002> (accessed 21.01.2024).

Zuckerman, P. (2006). Atheism: Contemporary numbers and patterns. *M. Martin (ed.) The Cambridge Companion to Atheism*. New York: Cambridge University Press, pp. 47–66. DOI: <https://doi.org/10.1017/ccol0521842700.004>

Об авторах

Гилл Елена Владимировна
кандидат философских наук,
доцент кафедры теологии

Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
173014, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-
Петербургская, 41;
e-mail: novsu.maximova@mail.ru
ResearcherID: KCY-7291-2024

Крапчунов Даниил Евгеньевич
кандидат философских наук,
и.о. директора Гуманитарного института

Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
173014, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-
Петербургская, 41;
e-mail: krpchnovd@mail.ru
ResearcherID: GLU-3861-2022

About the authors

Elena V. Gill
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Theology

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya st.,
Veliky Novgorod, 173014, Russia;
e-mail: novsu.maximova@mail.ru
ResearcherID: KCY-7291-2024

Daniil E. Krapchunov
Candidate of Philosophy,
Acting Director of the Humanitarian Institute

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya st.,
Veliky Novgorod, 173014, Russia;
e-mail: krpchnovd@mail.ru
ResearcherID: GLU-3861-2022

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-250-259>

EDN: OKMZWX

Поступила: 01.05.2024

Принята: 28.05.2024

Опубликована: 04.07.2024

**ЧАТ-БОТ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОДДЕРЖКИ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ****Фрейманис Инга Федоровна***Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Статья представляет собой обзор теоретических исследований, посвященных использованию чат-ботов в прикладной психологии. Раскрывается понятие чат-бот, описываются разновидности структуры чат-ботов, перечисляются функции данной технологии, рассматриваются преимущества и недостатки. Сформулированы некоторые рекомендации, которые можно использовать разработчикам в дизайне чат-ботов, направленных на психологическую поддержку. Результаты нашего исследования показывают, что чат-боты обладают значительными возможностями для психологической поддержки пользователей. Технология может выступать в качестве виртуальных друзей и помощников, помогает практиковать осознанность, формировать полезные привычки, контролировать и регулировать эмоциональное состояние, осуществлять психообразование, оказывать постреабилитационную психологическую поддержку, а также заниматься диагностикой психологических проблем. Однако на столь раннем этапе технологию не следует рассматривать как альтернативу профессиональной помощи. Психотерапию посредством чат-бота важно сочетать с профессиональной терапией, общением с психологом-человеком. При разработке чат-ботов важно установить границы возможностей технологии. Создателям чат-ботов необходимо четко указывать цели и предполагаемые ограничения чат-бота. Кроме того, технология должна иметь функции, которые планируют профессиональную поддержку и рекомендуют пользователям обращаться за помощью к профессионалам, когда это необходимо.

Ключевые слова: чат-бот, искусственный интеллект, диалоговый агент, прикладная психология, психологическая помощь, психологическое здоровье, психологический чат-бот, цифровая технология, программы, имитирующие работу психотерапевта, ChatGPT, мобильные приложения.

Для цитирования:

Фрейманис И.Ф. Чат-бот, как инструмент психологической поддержки: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 250–259. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-250-259>.
EDN: OKMZWX

CHATBOT AS A PSYCHOLOGICAL SUPPORT TOOL: RESEARCH REVIEW

Inga F. Freimanis

Perm State University (Perm)

This article is a review of theoretical research on the use of chatbots in applied psychology. It articulates the concept of a chatbot, describes the types of chatbot structure, lists the functions of this technology, and discusses its advantages and disadvantages. The paper provides some recommendations for developers concerning the design of chatbots intended for psychological support. The results of the study show that chatbots have significant possibilities for psychological support of users. Technology can act as virtual friends and assistants, help practice mindfulness, form useful habits, control and regulate emotional state, provide psychoeducation and post-rehabilitation psychological support, diagnose psychological problems. However, at this early stage, technology should not be regarded as an alternative to professional help. It is important to combine psychotherapy through chatbots with professional therapy, communication with a «real» therapist. In developing chatbots, it is important to establish the limits of the technology's capabilities. Creators of chatbots should clearly indicate the purpose and expected limitations. In addition, technology should have features that schedule professional support and encourage users to seek professional help when needed.

Keywords: chatbots, artificial intelligence, dialog agent, applied psychology, psychological aid, psychological health, psychological chatbot, digital technology, programs simulating the work of a psychotherapist, ChatGPT, mobile applications.

To cite:

Freimanis I.F. [Chatbot as a psychological support tool: research review]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 250–259 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-250-259>, EDN: OKMZWX

Введение

Обеспокоенность по поводу психологического здоровья общества широко распространена в современном мире в связи с ростом уровня напряжения. Так, например, во время пандемии COVID-19 значительно возросло число случаев депрессии, тревоги и других проблем психологического здоровья. В условиях высокой динамики жизнедеятельности общества, неопределенности, социальных противоречий и конфликтов человек неизбежно сталкивается со многими проблемами, оказывающими существенное влияние на его психологическое здоровье и благополучие. Сопутствующими симптомами растущих проблем личности являются: синдром хронической усталости, неврозы, постоянный стресс, отклонения в поведении и др. Одним из

возможных способов преодоления личностно значимых трудностей может быть обращение за психологической помощью. Причем, чаще всего, речь идет не о серьезных нарушениях психики (на которых специализируются психиатрия), а о временных психологических дисбалансах, тех, которые корректируются с помощью психологического вмешательства.

Такая ситуация отражается на потребности населения в получении квалифицированной психологической помощи. Одним из способов решения данной проблемы является внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сферу прикладной психологии.

Искусственный интеллект (ИИ) — это общий термин для компьютерного программного обеспечения, состоящего из сложного математического алгоритма, который обрабатывает

входную информацию, а затем использует ее для получения конкретного заранее определенного результата.

ИИ представляет собой систему, способную анализировать большие наборы данных, делать выводы и принимать решения, имитируя когнитивную деятельность человека [Adamopoulou E., Moussiades L., 2020]. В последние десятилетия ИИ внедряется во все сферы жизни: экономическую, политическую, социальную и духовную. Но наибольший интерес к искусственному интеллекту возник в 2022 г. после выхода бота ChatGPT. После этого IT-индустрия начала активно внедрять ИИ в свои проекты. Достижения в этой области открывают новые возможности для улучшения качества жизни людей. Одним из перспективных направлений применения ИИ является психологическая поддержка, например, посредством чат-ботов.

Технология чат-бот

Чат-бот — это система, которая может общаться и взаимодействовать с пользователями-людьми с помощью устного, письменного или визуального языков. Она может имитировать поведение человека и выполнять конкретные задачи [Adamopoulou E., Moussiades L., 2020]. В зарубежных источниках такую программу называют диалоговым агентом, виртуальными собеседниками или программами-собеседниками, диалоговыми AI-ботами (Artificial Intelligence), AI-помощниками, интеллектуальными виртуальными помощниками, виртуальными клиентскими помощниками, цифровыми помощниками, диалоговыми агентами, виртуальными агентами, диалоговыми интерфейсами и т.д. [Adamopoulou E., Moussiades L., 2020].

Программа распознает тексты, речь пользователей и на основе этого происходит взаимодействие. Чат-боты обычно используются в различных веб- и мобильных приложениях. Самые известные из них в настоящее время уже прочно вошли в нашу жизнь, например, Google Assistant, разработанный Google, Siri от Apple, Cortana от Microsoft, Watson от IBM, Алиса от Яндекс, Маруся от VK, робот Макс от Госуслуг и т.д. Боты способны взаимодействовать с пользователем на основе текстового и голосового ввода и призваны помогать выполнять множество действий, таких как включение му-

зыки, организация посещений врача, решение всевозможных вопросов.

Наиболее полезные чат-боты разрабатываются на основе технологий машинного обучения и отличаются тем, что их обучает человек, и такие чат-боты предназначены для использования людьми. Таким образом, человек принимает активное участие на всех стадиях разработки программы-собеседника. Чат-бот — это технология, с которой может взаимодействовать не только один пользователь в один момент времени, а гораздо больше, что позволяет охватывать большие аудитории. При этом чат-бот доступен круглосуточно, без перерывов, в отличие от человека-оператора.

Стоит так же учитывать, что чат-боты обладают различной степенью «интеллекта»: от наиболее простых чат-ботов, которые могут быть чуть более чем интерфейсным решением для ответов на стандартные, часто задаваемые вопросы, до продвинутых диалоговых чат-ботов, обладающих интеллектуальными возможностями и способностью понимать то, что пишет им пользователь, а также самообучаться и подстраиваться под особенности конкретного пользователя, например, под его поведение или манеру вести общение [Adamopoulou E., Moussiades L., 2020].

Использование чат-ботов в прикладной психологии

В последнее время наблюдается активное внедрение чат-ботов в область прикладной психологии. Их использование имеет определенные преимущества по сравнению с работой психолога-человека. Прежде всего, это значительное снижение затрат, финансовых и временных. Также их отличает быстрая реакция: чат-боты созданы, чтобы распознавать, понимать, отвечать на конкретные запросы за считанные секунды. Охват большой аудитории, масштабируемость, в отличие от специалиста-человека. Чат-бот может одновременно общаться с несколькими собеседниками и быть круглосуточно на связи. К преимуществам относится и то, что чат-боты разрабатываются для того, чтобы выполнять определенные задачи снова и снова, при исполнении таких задач человек более склонен совершать ошибки, в то время как бот обеспечивает почти 100 %-ную точность и решает их намного быстрее [Battineni G. et al., 2020].

Чат-боты действуют как персональные помощники, благодаря которым у пользователя появляется возможность получить помощь. Их функции достаточно разнообразны: выявление психологических проблем, отслеживание настроения, проведение когнитивно-поведенческой терапии, пропаганда позитивной психологии, помощь в формировании новых привычек и т.д. Рынок чат-ботов в сфере психологических услуг активно развивается, одни из самых известных: «Wysa», «Woebot», «Replika», «Youper», «Tess» и др.

Например, чат-бот «Woebot» был запущен в 2017 г. Открыв данное приложение, люди, страдающие от одиночества, страха, тревоги или стресса, могут начать диалог с виртуальным собеседником. Эта программа со встроенным ИИ основана на техниках когнитивно-поведенческой терапии [Fitzpatrick K.K. et al., 2017]. Было проведено исследование с целью оценки эффективности диалогового агента «Woebot» на выборке студентов колледжей с тревогой и депрессией, в ходе которого обнаружено заметное уменьшение негативных симптомов.

В 2018 г. исследователи подтвердили эффективность «Wysa» [Inkster B. et al., 2018].

В 2023 г. исследовалась эффективность психологической поддержки, получаемой в повседневном контексте при взаимодействии с чат-ботом «Replika». Результаты исследования также оказались положительными [Pentina I. et al., 2023].

Использование чат-ботов, направленных на улучшение эмоционального состояния, особенно результативно для решения следующих проблем: тревоги, депрессии и стресса [Ahmed A. et al., 2021]. Коррекция происходит за счет мгновенного предоставления пользователю предложений по инструментам самопомощи, таких как когнитивно-поведенческие техники, дыхательные упражнения, медитативные практики и т.д.

Существуют также чат-боты для отслеживания настроения и выявления психологических проблем [You Y., Gui X., 2021].

Некоторые программы могут собирать данные, анализируя текстовые сообщения пользователей, а затем доставлять их выбранным специалистам в формате, который можно использовать в диагностических целях [Garg Sh. et al., 2018].

Вмешательства чат-ботов эффективны для формирования новых привычек, увеличения физической активности [Asensio-Cuesta S. et al., 2021; Zhang J. et al., 2020]. Путем отправки ежедневных напоминаний происходит ежедневный мониторинг, пользователи могут отследить свой прогресс в достижении целей, используя аналитику и графики [Fadhil A., 2018; Huang Ch.-Y. et al., 2018].

В последнее время исследовательские сообщества активно занимаются разработкой чат-ботов, направленных на достижение конкретных целей. Например, поддержка жертв школьной травли [Роговец А.Ю. и др., 2023.], обучение самосостраданию [Lee M. et al., 2019], улучшение качества жизни пожилых людей и повышение их активности в борьбе с чувством одиночества [Valtolina S., Hu L., 2021], развитие навыка межличностного общения [Elmasri D., Maeder A., 2016] и т.д.

Таким образом, становится понятным, чат-боты активно применяются в сфере цифровой прикладной психологии отчасти потому, что они, предлагают определенные преимущества, и их функции достаточно разнообразны. Чат-боты могут предоставлять информацию по стратегиям преодоления трудностей, упражнениям на осознанность, методам коррекции психологических проблем, связывать пользователей с профессионалами в области прикладной психологии для получения кризисной помощи [Abd-Alrazaq A.A. et al., 2019; Ahmed A. et al., 2021], предлагать доступ к информации о системах кризисной поддержки и контактах экстренной помощи. Использование чат-ботов в рамках предоставления психологической помощи представляет собой инновационный потенциал, ставший результатом научного прогресса и цифровизации.

Возможность обращаться к чат-ботам в любое время, круглосуточно и без выходных, не встречаясь с осуждением, позволяет пользователям чувствовать себя комфортно, что является очевидным преимуществом, делая услуги в сфере психологического здоровья более доступными.

Проблемы использования чат-ботов

Но, поскольку чат-боты являются все же новой технологией, разработка и их применение в прикладной психологии связано также со значительными проблемами. Согласно недавним

обзорам, безопасность пользователей чат-ботов проверяется крайне редко, последствия взаимодействия с пользователями оценивались только в пилотажных исследованиях [Ahmed A. et al., 2021]. Постепенно накапливается информация, указывающая на риски использования чат-ботов в сфере прикладной психологии. Выявление и анализ таких рисков поможет сформулировать рекомендации по дизайну будущих чат-ботов для их создателей.

Существует две категории чат-ботов: те, которые работают на основе заранее определенных алгоритмов, и те, которые используют ИИ для генерации текстов. Чат-боты, работающие на основе заданных алгоритмов, считаются более простыми и поддающимися контролю создателей. При общении данная технология позволяет отвечать только на конкретно поставленные вопросы, выбирая вариант ответа. Это наиболее распространенный метод, используемый в интерфейсе чат-ботов. Пользователи могут выбирать из предопределенных параметров и даже вводить свой текст. Например, по такому принципу работают все дневниковые чат-боты (Feelings, Mind tracker, Psy и т.д.). Это ограничивает возможность настоящего диалога, но позволяет легко определить ответственность.

Чат-боты, основанные на ИИ, могут имитировать живую речь, генерировать алгоритмы помощи самостоятельно. Такие программы способны поддерживать разговор, основываясь на своем понимании мыслей пользователя, что делает контакт более разнообразным, общение более «человечным». Например, по такому принципу работает программа «Tess», число пользователей которой достигло почти 30 млн чел. И здесь возникает серьезная проблема, связанная с юридической ответственностью, вопрос о том, кто будет нести персональную ответственность, если бот поставит неправильный диагноз, выдаст ошибочные рекомендации.

В функции чат-бота часто входит автоматический сбор и анализ информации о пользователях. Чат-бот может хранить историю разговоров, чтобы показать прогресс в достижении поставленных целей, фиксировать изменения, связанные с симптомами психологической проблемы. В некоторых исследовательских обзорах выражается обеспокоенность пользователей по поводу того, как эта информация защищается [Martinengo L. et al., 2022]. В традиционной психотерапии на эффективность лечения

влияет доверие клиента к своему психологу. Доверие во взаимодействии с чат-ботом также необходимо. Исследования показывают важность установления доверия в общении с чат-ботом для создания безопасной среды и дальнейшего самораскрытия пользователя. Поэтому разработчики должны уделять особое внимание конфиденциальности и безопасности пользователей, т.к. существует высокий риск потери данных в случае плохой защиты. Важно повышать доверие к приложению, например, путем предоставления информации о разработчиках или экспертах, стоящих за системой.

Кроме этого, описание приложения может включать объяснение терапевтических методов и инструментов, используемых для разработки приложения, их предполагаемую эффективность и доказанность. В качестве дополнения нужно изучить «восприятие» людьми дизайнера чат-ботов, для решения таких проблем, как доверие к чат-ботам, пользовательские ценности и требования. Анализ, ориентированный на пользователя, поможет исследователям получить научнообоснованные данные для улучшения работы чат-ботов и минимизировать отрицательные психологические эффекты.

В интерфейсе чат-ботов используются различные типы медиа для общения, например, GIF, смайлы, аббревиатура для изображения юмора и эмоций, используется аудио и видео, цифровые изображения («аватары»). Общение чаще всего происходит посредством текстовых сообщений. Но чат-боты, использующие GIF-изображения, смайлы или веселые ответы как средство демонстрации чуткого поведения и поддержания более человеческого разговора, воспринимаются пользователями не всегда хорошо [Fadhil A. et al., 2018]. Создатели чат-бота должны учитывать целевую возрастную группу пользователей при внедрении смайлов или других графических элементов. Взаимодействие по-человечески приятно, но его необходимо тщательно проектировать. Чат-боты в мобильных приложениях представлены таким образом, что они обладают ярко выраженной индивидуальностью. Это помогает пользователям чувствовать, что они взаимодействуют с кем-то эмоциональным и сопереживающим, помогает устанавливать доверие, что, в свою очередь, может быть опасным для некоторых восприимчивых людей. Недоступность или поломка при-

ложения может привести к тревоге и обострению психологических проблем.

Используя психотехнологии, рекомендованные чат-ботом, пользователи отмечают, что не все терапевтические средства работают одинаково результативно. Причинами этого могут быть различные ограничения самих пользователей. Для решения этой проблемы предлагается персонализация чат-ботов с помощью создания модели пользователя. Например, перед началом взаимодействия с чат-ботом пользователи могут заполнять личностные опросники, которые помогут адаптировать взаимодействие чат-бота в соответствии с типом пользователя.

Анализ исследований показывает, что ежедневные проверки, геймификация, напоминания и контроль со стороны чат-бота воспринимаются пользователями как полезные функции, хотя и носят предписывающий характер. Чем тяжелее симптомы психологической проблемы, тем больше пользователи хотят напоминаний и предложений от чат-бота [Martinengo L. et al., 2022]. Людям с тяжелыми симптомами депрессии помогают многочисленные ежедневные мотивационные сообщения. Однако частый контроль со стороны чат-бота также может вызвать у пользователя чувство вины [Huang Ch.-Y. et al., 2018]. Поэтому разработчики должны учитывать диапазон и тяжесть психологической проблемы, используя методы убеждения в работе чат-бота таким образом, чтобы это не приводило к отстранению пользователей из-за чувства вины.

Согласно исследованиям, ИИ иногда удается создавать более тесные связи с пользователями, чем «живым» терапевтам. Благодаря использованию данной технологии, люди попадают в пространство, свободное от осуждения, где можно самовыражаться, не опасаясь последствий. В некоторых случаях обращение за психологической помощью по-прежнему считается стигмой, и люди чувствуют себя более комфортно, используя анонимные технологии, а не личное общение с психотерапевтом [Bates M., 2019; Denecke K. et al., 2021]. Регулярное, комфортное взаимодействие позволяет пользователям слишком привязываться к чат-ботам. Такая привязанность несет за собой определенную угрозу. Поэтому следует подумать, когда и как ограничить взаимодействие пользователей с чат-ботами, чтобы исключить возможность нездоровой привязанности к технологии.

Как показывает накопленная информация, большинство приложений не способны поддержать пользователя в момент сильного кризиса, чат-боты не всегда способны идентифицировать кризисные ситуации, поскольку не понимают контекст разговоров [Garg Sh. et al., 2018]. Вместо кризисной поддержки предоставляется информация о внешних ресурсах (линии помощи, контактная информация службы экстренной помощи).

«Человекоподобные» чат-боты могут обеспечить социальную поддержку во многих случаях, быть «друзьями», но и здесь могут возникнуть проблемы. Пользователи должны обладать информацией об ограничениях технологии, осознавать четкие различия между людьми и «человекоподобными» ботами. В тех случаях, когда пользователь начинает общаться с приложением слишком часто в течение длительного времени, бот может предлагать рекомендации по социальному взаимодействию, например, выдавать список ближайших социальных мероприятий и т.д.

Заключение

Таким образом, технология «чат-бот» обладает большим потенциалом для оказания социальной и психологической поддержки в ситуациях, когда реальное взаимодействие с друзьями, членами семьи или профессионалами затруднительно или невозможно. Чат-боты помогают повысить доступность психологической поддержки, одновременно снижая финансовые и временные затраты. Психологическая поддержка посредством чат-ботов осуществляется путем психологического информирования, знакомства пользователей с технологиями самопомощи, для снятия психологического напряжения. Через диалог с чат-ботом пользователи могут выражать свои эмоциональные переживания и находить способы их регуляции.

Однако существуют ограничения. Чрезмерная зависимость от технологий может создавать риски для пользователей, такие как изоляция и недостаточная помощь во время кризисных ситуаций. Вместо предоставления общих предложений, чат-боты могут индивидуализировать свой подход, основываясь на потребности и требованиях пользователей [Inkster B. et al., 2018]. При дизайнерской разработке чат-ботов должны учитываться диапазон и тяжесть психологической проблемы. Чат-боты не способны к под-

линному сочувствию или адаптации реакций, отражающих человеческие эмоции, это сравнительное отсутствие аффективных навыков должно осознаваться пользователями.

В сравнительном пилотажном исследовании результативности сеансов терапии с людьми-терапевтами и чат-ботом было выявлено, что по сравнению с взаимодействием с человеком-терапевтом, участники находили терапию, предоставляемую чат-ботом, менее полезной и менее приятной [Denecke K. et al., 2021].

Однако, согласно статистическим данным, из-за удобства и легкого доступа пользователи часто выражают намерение заменить профессиональную психологическую поддержку виртуальной.

Преимущественно чат-боты реализуют научно обоснованные терапевтические инструменты, но исследования по определению их эффективности все еще ограничены.

Согласно многочисленным оценкам пользователей, профессиональные терапевты помогали своим пациентам подобрать подходящие приложения для психологической помощи, поэтому психотерапия становилась результативнее. Психологи могут корректировать любую систему поддержки, если она не подходит, опираясь на информацию, собранную чат-ботом в процессе общения с пользователем.

Результаты нашего исследования показывают, что психологические чат-боты действительно помогают пользователям. Однако на столь раннем этапе их не следует рассматривать как альтернативу профессиональной помощи. При разработке чат-ботов важно установить границы и ограничения этих чат-ботов разработчиками, а цели и предполагаемое использование чат-ботов должны быть четко указаны, чтобы пользователи не обманывались завышенными ожиданиями. Кроме того, чат-боты должны иметь функции, которые планируют профессиональную поддержку и рекомендуют пользователям обращаться за помощью к «живым» профессионалам, когда это необходимо.

Список литературы

Роговец А.Ю., Мазуркевич А., Суворова И.Ю., Винник М., Приходько А.А. Чат-бот как способ поддержки жертв школьной травли // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12, № 3. С. 103–114. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120310>

Abd-Alrazaq A.A., Alajlani M., Alalwan A.A., Bewick B.M., Gardner P., Househ M. An overview of the features of chatbots in mental health: a scoping review // International Journal of Medical Informatics. 2019. Vol. 132. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31622850/> (accessed: 24.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijmedinf.2019.103978>

Adamopoulou E., Moussiades L. An overview of chatbot technology // Proceedings of the 16th International Conference on Artificial Intelligence Applications and Innovations, AIAI '20 (Neos Marmaras, Greece, June 5–7, 2020). Cham, CH: Springer, 2020. P. 373–383. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-49186-4_31 (accessed: 26.04.2024).

Ahmed A., Ali N., Aziz S., Abd-Alrazaq A.A. et al. A review of mobile chatbot apps for anxiety and depression and their self-care features // Computer Methods and Programs in Biomedicine Update. 2021. Vol. 1. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666990021000112?via%3Dihub> (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cmpbup.2021.100012>

Asensio-Cuesta S., Blanes-Selva V., Conejero J.A., Frigola A. et al. A user-centered chatbot (Wakamola) to collect linked data in population networks to support studies of overweight and obesity causes: design and pilot study // JMIR Medical Informatics. 2021. Vol. 9, iss. 4. URL: <https://medinform.jmir.org/2021/4/e17503/PDF> (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.2196/17503>

Bates M. Health care chatbots are here to help // IEEE Pulse. 2019. Vol. 10, iss. 3. P. 12–14. DOI: <https://doi.org/10.1109/mpuls.2019.2911816>

Battineni G., Chintalapudi N., Amenta F. AI chatbot design during an epidemic like the novel coronavirus // Healthcare (Basel). 2020. Vol. 8, iss. 2. URL: <https://www.mdpi.com/2227-9032/8/2/154/pdf?version=1591947503> (accessed: 26.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare8020154>

Denecke K., Vaaheesan S., Arulnathan A. A mental health chatbot for regulating emotions (SERMO) — concept and usability test // IEEE Transactions on Emerging Topics in Computing. 2021. Vol. 9, iss. 3. P. 1170–1182. DOI: <https://doi.org/10.1109/tetc.2020.2974478>

Elmasri D., Maeder A. A conversational agent for an online mental health intervention // Proceedings of the International Conference on Brain Informatics and Health, BIH '16 (Omaha, NE, USA, October 13–16, 2016). Cham, CH: Springer, 2016. P. 243–251. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-47103-7_24

Fadhil A. Can a chatbot determine my diet?: Addressing challenges of chatbot application for meal recommendation. 2018. Feb. 25, URL: https://www.researchgate.net/publication/323410718_Can_a_Chatbot_Determine_My_Diet_Addressing_Challenges_of_Chatbot_Application_for_Meal_Recommendation (accessed: 26.04.2024).

Fadhil A., Schiavo G., Wang Y., Yilma B.A. The effect of emojis when interacting with conversational interface assisted health coaching system // Proceedings of the 12th EAI International Conference on Pervasive Computing Technologies for Healthcare, PervasiveHealth '18 (New York, USA, May 21–24, 2018). N.Y.: Association for Computing Machinery, 2018. P. 378–383. DOI: <https://doi.org/10.1145/3240925.3240965>

Fitzpatrick K.K., Darcy A., Vierhile M. Delivering cognitive behavior therapy to young adults with symptoms of depression and anxiety using a fully automated conversational agent (Woebot): A randomized controlled trial // JMIR Mental Health. 2017. Vol. 4, iss. 2. URL: <https://mental.jmir.org/2017/2/e19/PDF> (accessed: 26.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.7785>

Garg Sh., Williams N.L., Ip A., Dicker A.P. Clinical integration of digital solutions in health care: an overview of the current landscape of digital technologies in cancer care // JCO Clinical Cancer Informatics. 2018. Vol. 2. URL: <https://ascopubs.org/doi/pdfdirect/10.1200/CCI.17.00159> (accessed: 28.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1200/cci.17.00159>

Huang Ch.-Y., Yang M.-Ch., Huang Ch.-Y., Chen Y.-J., Wu M.-L., Chen K.-W. A chatbot-supported smart wireless interactive healthcare system for weight control and health promotion // Proceedings of the 2018 IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management, IEEM '18 (Bangkok, Thailand, December 16–19, 2018). Bangkok, TH: IEEE, 2018. P. 1791–1795. DOI: <https://doi.org/10.1109/ieem.2018.8607399>

Inkster B., Sarda Sh., Subramanian V. An empathy-driven, conversational artificial intelligence agent (Wysa) for digital mental well-being: real-world data evaluation mixed-methods study // JMIR mHealth and uHealth. 2018. Vol. 6, iss. 11. URL: <https://mhealth.jmir.org/2018/11/e12106/PDF> (accessed: 25.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.2196/12106>

Lee M., Ackermans S., As N. van, Chang H., Lucas E., IJsselsteijn W. Caring for Vincent: a chatbot for self-compassion // Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Sys-

tems, CHI '19 (Glasgow, Scotland, UK, May 4–9, 2019). URL: https://minha-lee.github.io/files/lee_vincent_chatbot_CHI2019.pdf (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1145/3290605.3300932>

Martinengo L., Lum E., Car J. Evaluation of chatbot-delivered interventions for self-management of depression: content analysis // Journal of Affective Disorders. 2022. Vol. 319. P. 598–607. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.09.028>

Pentina I., Hancock T., Xie T. Exploring relationship development with social chatbots: A mixed-method study of replica // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 140. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563222004204> (accessed: 24.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107600>

Valtolina S., Hu L. Charlie: a chatbot to improve the elderly quality of life and to make them more active to fight their sense of loneliness // Proceedings of the 14th Biannual Conference of the Italian SIGCHI Chapter, CHIItaly '21 (Bolzano, Italy, July 11–13, 2021). N.Y.: Association for Computing Machinery, 2021. URL: <https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3464385.3464726> (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1145/3464385.3464726>

You Y., Gui X. Self-diagnosis through AI-enabled chatbot-based symptom checkers: user experiences and design considerations // AMIA Annual Symposium Proceedings. 2021. Vol. 2021. URL: <https://arxiv.org/abs/2101.04796> (accessed: 28.04.2024).

Zhang J., Oh Y.J., Lange P., Yu Zh., Fukuoka Y. Artificial intelligence chatbot behavior change model for designing artificial intelligence chatbots to promote physical activity and a healthy diet: viewpoint // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22, iss. 9. URL: <https://www.jmir.org/2020/9/e22845/PDF> (accessed: 28.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.2196/22845>

References

Abd-Alrazaq, A.A., Alajlani, M., Alalwan, A.A., Bewick, B.M., Gardner, P. and Househ, M. (2010). An overview of the features of chatbots in mental health: a scoping review. *International Journal of Medical Informatics*. Vol. 132. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31622850/> (accessed 24.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijmedinf.2019.103978>

Adamopoulou, E. and Moussiades, L. (2020). An overview of chatbot technology. *Proceedings of the*

16th International Conference on Artificial Intelligence Applications and Innovations, AIAI '20 (Neos Marmaras, Greece, June 5–7, 2020). Cham, CH: Springer Publ., pp. 373–383. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-49186-4_31 (accessed 26.04.2024).

Ahmed, A., Ali, N., Aziz, S., Abd-Alrazaq, A.A. et al. (2021). A review of mobile chatbot apps for anxiety and depression and their self-care features. *Computer Methods and Programs in Biomedicine Update*. Vol. 1. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666990021000112?via%3Dihub> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cmpbup.2021.100012>

Asensio-Cuesta, S., Blanes-Selva, V., Conejero, J.A., Frigola, A. et al. (2021). A user-centered chatbot (Wakamola) to collect linked data in population networks to support studies of overweight and obesity causes: design and pilot study. *JMIR Medical Informatics*. Vol. 9, iss. 4. Available at: <https://medinform.jmir.org/2021/4/e17503/PDF> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.2196/17503>

Bates, M. (2019). Health care chatbots are here to help. *IEEE Pulse*. Vol. 10, iss. 3, pp. 12–14. DOI: <https://doi.org/10.1109/mpuls.2019.2911816>

Battineni, G., Chintalapudi, N. and Amenta, F. (2020). AI chatbot design during an epidemic like the novel coronavirus. *Healthcare (Basel)*. Vol. 8, iss. 2. Available at: <https://www.mdpi.com/2227-9032/8/2/154/pdf?version=1591947503> (accessed 26.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare8020154>

Denecke, K., Vaaheesan, S. and Arulnathan, A. (2021). A mental health chatbot for regulating emotions (SERMO) — concept and usability test. *IEEE Transactions on Emerging Topics in Computing*. Vol. 9, iss. 3, pp. 1170–1182. DOI: <https://doi.org/10.1109/tetc.2020.2974478>

Elmasri, D. and Maeder, A. (2016). A conversational agent for an online mental health intervention. *Proceedings of the International Conference on Brain Informatics and Health, BIH '16 (Omaha, NE, USA, October 13–16, 2016)*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 243–251. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-47103-7_24

Fadhil, A. (2018). Can a chatbot determine my diet? *Proceedings of the Addressing Challenges of Chatbot Application for Meal Recommendation*. Feb. 25. Available at: https://www.researchgate.net/publication/323410718_Can_a_Chatbot_Determine_My_Diet_Addressing_Challenges_of_Chatbot_Appli

cation_for_Meal_Recommendation (accessed 26.04.2024).

Fadhil, A., Schiavo, G., Wang, Y. and Yilma, B.A. (2018). *The effect of emojis when interacting with conversational interface assisted health coaching system. Proceedings of the 12th EAI International Conference on Pervasive Computing Technologies for Healthcare, PervasiveHealth '18 (New York, USA, May 21–24, 2018)*. New York, Association for Computing Machinery Publ., pp. 378–83. DOI: <https://doi.org/10.1145/3240925.3240965>

Fitzpatrick, K.K., Darcy, A. and Vierhile, M. (2017). Delivering cognitive behavior therapy to young adults with symptoms of depression and anxiety using a fully automated conversational agent (Woebot): A randomized controlled trial. *JMIR Mental Health*. Vol. 4, iss. 2. Available at: <https://mental.jmir.org/2017/2/e19/PDF> (accessed 26.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.7785>

Garg, S., Williams, N.L., Ip, A. and Dicker, A.P. (2018). Clinical integration of digital solutions in health care: an overview of the current landscape of digital technologies in cancer care. *JCO Clinical Cancer Informatics*. Vol. 2. Available at: <https://ascopubs.org/doi/pdfdirect/10.1200/CCI.17.00159> (accessed 28.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1200/cci.17.00159>

Huang, Ch.-Y., Yang, M.-Ch., Huang, Ch.-Y., Chen, Y.-J., Wu, M.-L. and Chen, K.-W. (2018). *A chatbot-supported smart wireless interactive healthcare system for weight control and health promotion. Proceedings of the 2018 IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management, IEEM '18 (Bangkok, Thailand, December 16–19, 2018)*. Bangkok, TH: IEEE Publ., pp. 1791–1795. DOI: <https://doi.org/10.1109/ieem.2018.8607399>

Inkster, B., Sarda, S. and Subramanian, V. (2018). An empathy-driven, conversational artificial intelligence agent (Wysa) for digital mental well-being: real-world data evaluation mixed-methods study. *JMIR mHealth and uHealth*. Vol. 6, iss. 11. Available at: <https://mhealth.jmir.org/2018/11/e12106/PDF> (accessed 25.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.2196/12106>

Lee, M., Ackermans, S., As, N. van, Chang, H., Lucas, E. and IJsselsteijn, W. (2019). Caring for Vincent: a chatbot for self-compassion. *Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems, CHI '19 (Glasgow, Scotland, UK, May 4–9, 2019)*. Available at: https://minha-lee.github.io/files/lee_vincent_chatbot_CHI2019.pdf

(accessed 23.04.2024). DOI:

<https://doi.org/10.1145/3290605.3300932>

Martinengo, L., Lum, E. and Car, J. (2022). Evaluation of chatbot-delivered interventions for self-management of depression: content analysis. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 319, pp. 598–607. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.09.028>

Pentina, I., Hancock, T. and Xie, T. (2023). Exploring relationship development with social chatbots: A mixed-method study of replica. *Computers in Human Behavior*. Vol. 140. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563222004204> (accessed 24.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107600>

Rogovets, A.Yu., Mazurkevitch, A., Suvo-rova, I.Yu., Vinnik, M. and Prikhodko, A.A. (2023). [Chat-bot as a way to support victims of school bullying]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. Vol. 12, no. 3, pp. 103–114. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120310>

Valtolina, S. and Hu, L. (2021). *Charlie: a chatbot to improve the elderly quality of life and to make them*

more active to fight their sense of loneliness. Proceedings of the 14th Biannual Conference of the Italian SIGCHI Chapter, CHIItaly '21 (Bolzano, Italy, July 11–13, 2021). New York: Association for Computing Machinery Publ. Available at: <https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3464385.3464726> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1145/3464385.3464726>

You, Y. and Gui, X. (2021). Self-diagnosis through AI-enabled chatbot-based symptom checkers: user experiences and design considerations. *AMIA Annual Symposium Proceedings*. Vol. 2021. Available at: <https://arxiv.org/abs/2101.04796> (accessed 28.04.2024).

Zhang, J., Oh, Y.J., Lange, P., Yu, Zh. and Fukuo-ka, Y. (2020). Artificial intelligence chatbot behavior change model for designing artificial intelligence chatbots to promote physical activity and a healthy diet: viewpoint. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22, iss. 9. Available at: <https://www.jmir.org/2020/9/e22845/PDF> (accessed 28.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.2196/22845>

Об авторе

Фрейманис Инга Федоровна

аспирант, старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: inga73-08@mail.ru
ResearcherID: KSL-6854-2024

About the author

Inga F. Freimanis

Postgraduate Student, Senior Lecturer
of the Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: inga73-08@mail.ru
ResearcherID: KSL-6854-2024

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.622

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-260-272>

EDN: SAWCMO

Поступила: 21.07.2023

Принята: 24.05.2024

Опубликована: 04.07.2024

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИНАЦИИ***Стоянов Александр Сергеевич**Академия гражданской защиты МЧС России (Химки)*

Актуальность темы обусловлена растущим уровнем прокрастинации и ее распространенности, на что оказывают влияние ряд социальных факторов, с которыми сталкиваются студенты. Проблема академической прокрастинации тесно связана с категориями социологии, как на теоретическом, так и эмпирическом уровнях. В настоящее время наблюдается усиление внимания к ней. В ходе анализа рассмотрены также противоречия в изучении данного явления, что обусловлено взаимодействием полученного субъективного опыта (ожиданий) с социальными факторами прокрастинации. Опрос показал, что 60,6 % респондентов сталкиваются с прокрастинацией; 47,2 % прокрастинируют при выполнении больших письменных заданий. На дистанционном обучении значимыми причинами прокрастинации оказались: кажущееся увеличение свободного времени и неправильная его оценка, большее количество заданий. 59,6 % респондентов хотят снизить прокрастинацию через планирование и саморегуляцию. Студенты, планирующие свою деятельность, достаточно редко сталкиваются с прокрастинацией, т.е. прокрастинация обратно пропорциональна планированию и саморегуляции, но этого недостаточно, чтобы утверждать, что основной причиной прокрастинации является нарушенная саморегуляция. Рассмотрено влияние социальных факторов, под воздействием которых в структуре академической прокрастинации наблюдаются изменения. Так, уменьшают прокрастинацию отличные оценки, распределение бытовых обязанностей, финансовая помощь родителей и высокий заработок, причем указанные факторы достаточно сильно коррелируют друг с другом. Усугубляют прокрастинацию: отсутствие консультаций со стороны преподавателей; бытовые хлопоты, самостоятельная работа; социальные сети. Выявлена тенденция усиления прокрастинации среди старших курсов во время сессии, а также при увеличении количества самостоятельной работы студентов. Это требует учета социальной составляющей в профилактике прокрастинации и обеспечении учебного планирования и распределения времени студентами.

Ключевые слова: прокрастинация, прокрастинация студентов, подработка, саморегуляция, бытовые обязанности, студенты, социальные факторы прокрастинации, ожидания.

Для цитирования:

Стоянов А.С. Социальные факторы академической прокрастинации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 260–272. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-260-272>. EDN: SAWCMO

SOCIAL FACTORS OF ACADEMIC PROCRASTINATION

Alexander S. Stoyanov

Civil Defence Academy EMERCOM of Russia (Khimki)

The relevance of the topic is due to the growing level of procrastination and its prevalence, which is influenced by a number of social factors that students face. The problem of academic procrastination is closely related to the categories of sociology, both at the theoretical and empirical levels. Currently, attention to this problem is increasing. The paper also analyzes contradictions in the study of this phenomenon, which is due to the interaction of the obtained subjective experience (expectations) with the social factors of procrastination. The survey showed that 60.6 % of respondents experience procrastination, 47.2 % procrastinate when completing large written tasks. In distance learning, significant reasons for procrastination were found to be: a seeming increase in free time and its incorrect assessment, a larger number of tasks. 59.6 % of respondents want to reduce procrastination through planning and self-regulation. Students who plan their activities quite rarely experience procrastination, i.e. procrastination is inversely related to planning and self-regulation, but this is not enough to claim that the main cause of procrastination is impaired self-regulation. The paper looks at social factors under the influence of which there occur changes in the structure of academic procrastination. The factors reducing procrastination are excellent grades and distribution of household responsibilities; financial assistance from parents and high earnings, and these factors are quite strongly correlated with each other. Procrastination is aggravated by lack of consultations by professors; household chores, independent work; social media. A tendency has been revealed for increased procrastination among senior students during the session, as well as with an increase in the amount of independent work of students. This requires taking into account the social component in the prevention of procrastination and ensuring educational planning and time management by students.

Keywords: procrastination, student procrastination, side job, self-regulation, household chores, students, social factors of procrastination, expectations.

To cite:

Stoyanov A.S. [Social factors of academic procrastination]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 260–272 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-260-272>, EDN: SAWCMO

Введение

В последнее десятилетие прокрастинация стала одной из самых проблемных тем, которую изучают социологи, из-за ее неблагоприятных последствий, как среди населения в целом, так и среди студентов. Проблема академической прокрастинации широко распространена в разных странах. Так, в Китае распространенность академической прокрастинации составляет от 4 % до 19 %, в то время как в США она составляет до 46 % [Karimi Moonaghi H., Baloochi Beydokhti T., 2017]. В России распространенность академической прокрастинации достигает 70 % [Далаев С.Б. Бальжинимаева Н.Б., 2018,

с. 410]; т.е. она более распространена, но способы ее минимизации слабо реализованы, хотя данной проблеме в нашей стране уделяется не меньшее внимание. Определенно студенты испытывают нехватку времени [Стоянов А.С., 2021, с. 117], откладывая важные задания «на потом», поэтому прокрастинация все чаще становится объектом исследований общественных наук — быстрые социальные изменения обуславливают появление новых социальных факторов академической прокрастинации, т.к. любая социальная переменная оказывает влияние на студентов и их окружение [Стоянов А.С., 2022, с. 25]. Поэтому изучение социальных

факторов прокрастинации занимает ключевое место в поиске возможностей ее минимизации.

Объект исследования может быть определен как академическая прокрастинация; **предмет** — социальные факторы академической прокрастинации.

Проблема исследования может быть сформулирована следующим образом: какие социальные факторы в наибольшей степени вызывают академическую прокрастинацию. **Цель исследования** является выявление социальных факторов академической прокрастинации.

Обзор литературы

Прокрастинация — «сознательное откладывание выполнения учебных заданий студентами и принятия решений, совершение вместо них непродуктивных действий, приводящее к негативным последствиям» [Колесниченко М.Б., Паршакова О.Ю., 2018, с. 20].

Необходимо выделить следующие характеристики, которые содержатся во всех трактовках этого понятия: осознанность, т.е. субъект умышленно откладывает выполнение задуманного на более поздний срок; иррациональность, т.е. несмотря на понимание того, что откладывание дел приведет к негативным последствиям, субъект переносит их на потом; субъективное ощущение внутреннего дискомфорта и негативные эмоциональные переживания, связанные с ситуацией [Чернышева Н.А., 2016, с. 19–20]. Безусловно, этот аспект напрямую связан с распределением бюджета времени студента, который складывается не в пользу их академической деятельности [Стоянов А.С., 2021, с. 117], что связано с академической прокрастинацией — склонности откладывать академические задания до момента возникновения связанной с этим тревожности, а также негативными последствиями, такими как академическая неуспеваемость [Balkis M., Erdinç D., 2017, p. 108].

Наиболее проблемной формой академической прокрастинации является «откладывание на потом» письменных учебных заданий, для которых требуется большее количество времени в сравнении с подготовкой к итоговой аттестации в устной форме или в форме подготовки небольших письменных работ [Микляева А.В. и др., 2017, с. 61]. Это связано с тем, что студентам гораздо сложнее оценить временные и ресурсные затраты, которые им потребуются

для выполнения этих задач, вследствие чего откладывание дел затягивается и приносит ряд проблем к концу срока сдачи учебной работы [Тронь Т.М., 2018, с. 95].

Кроме того, существует разница в уровне прокрастинации у студентов разных направлений и статусов, определяющих не только адаптивные способности к интенсивному графику обучения, но и самореализации [Стоянов А.С., Калинкина Л.В., 2022, с. 174]. Это также обусловлено личностными и интеллектуальными факторами. Так, отсутствие интереса и импульсивность, провоцирующая легкость переключения с учебных задач на внеучебные, к выполнению заданий в большей степени свойственна студентам гуманитарных специальностей [Микляева А.В. и др., 2018, с. 64].

Академическая прокрастинация обычно измеряется с помощью инструментов самоотчета, фокусирующихся на неоправданной задержке выполнения заданий [Аристова И.Л., Горбач Н.С., 2020, с. 122].

Возникновению прокрастинации способствует ряд факторов:

1) ситуативные факторы (например, время, выделенное на выполнение задания);

2) полученный опыт (например, опыт прошлых неудач в выполнении данной работы может вызвать у человека тревогу, страх, стремление избежать напряжения, связанные с нереализованными ранее ожиданиями [Стоянов А.С., Адаева Е.С., 2021; Стоянов А.С., 2023, с. 20]);

3) личностные факторы (например, наличие страха неудачи и стремление к ее избеганию, боязнь успеха и перспективы стать объектом всеобщего внимания (застенчивость), нежелание выделиться и вызвать зависть у других) [Забродина Л.А., Мухина Ю.Р., 2017, с. 312].

В США было выявлено, что наиболее распространенными факторами прокрастинации являются хронический стресс (87 %), большой объем работы (83 %), отсутствие руководства и консультаций со стороны преподавателей (80%), а также негативное отношение к преподавателям (78 %) и лень учащихся (78 %). Кроме того, отмечены такие факторы, как социальные и семейные проблемы, болезнь, привычка к самостоятельности, отсутствие мотивации и интереса, отсутствие координации и негативные комментарии к студенческой работе [Chang Ch., 2018].

В условиях дистанционного обучения обострилась прокрастинация, основанная на факторах страха неудачи и неприязни к выполнению задания, наличия большего количества свободного времени, которое приводит к неправильной оценке временных ресурсов, а также столкновения с личными и семейными проблемами [Медведева Н.И., 2021, с. 469]. Это, возможно, связано с дефицитом произвольной саморегуляции личности в учебной деятельности [Далаев С.Б. Бальжинимаева Н.Б., 2018, с. 410], которая необходима многим студентам для планирования и решения поставленных перед ними задач. Так, была обнаружена отрицательная связь прокрастинации с планированием, постановкой целей и определением приоритетов, а также с распределением времени на решение поставленной задачи. На основе этого можно сделать вывод, что прокрастинация является одной из форм сбоя саморегуляции, основанной на отсутствии обратной связи [Руднова Н.А., 2018, с. 553].

Так, например, студенты младших курсов больше опасаются негативных последствий прокрастинации, поэтому прикладывают максимум усилий, чтобы их не допустить. Студенты третьего курса, которые уже были неоднократно аттестованы в период сессий, чувствуют большую уверенность в том, что откладывание выполнения определенных заданий «на потом» не повлечет за собой негативных последствий [Савина О.Ю., Щербакова О.Н., 2021, с. 189], рассматривая ее уже как нормальное явление, что может снижать стремление к ее преодолению. Это необходимо учитывать для улучшения качества образовательного процесса и создания условий для преодоления неуверенности в учебных возможностях и в формировании навыков эффективного планирования учебной деятельности [Далаев С.Б. Бальжинимаева Н.Б., 2018, с. 410].

Менее всего выражены те причины прокрастинации, которые связаны с фактором отношений с другими людьми (преподавателями, друзьями и однокурсниками), т.е. студенты в целом видят источник прокрастинации в собственной личности [Микляева А.В. и др., 2017, с. 62]. Следовательно, чтобы уменьшить уровень академической прокрастинации, необходимо увеличить количество групповых заданий, чтобы студенты чувствовали ответственность перед коллегами и могли наблюдать за

другими людьми с более продуктивными навыками саморегуляции и стремиться к тем же результатам [Svardal F. et al., 2020].

Таким образом, проблема изучения распространения академической прокрастинации является актуальной как в России, так и в зарубежных исследованиях, где были предприняты попытки осмысления противоречивости влияющих на нее факторов. Выделенные противоречия здесь обусловлены взаимодействием полученного субъективного опыта (ожиданий) с социальными факторами прокрастинации, а также развитием новых технологий дистанционного обучения, что требует дальнейшей научной проработки.

Материалы и методы

Чтобы определить социальные факторы прокрастинации, авторами был применен метод онлайн-анкетирования. Электронная авторская анкета состоит из 19 вопросов. Исследование проводилось с ноября 2022 г. по февраль 2023 г. Доступная стихийная выборка составила 772 чел. с ограничениями, характерными для данных онлайн-опросов с точки зрения их внешней (External validity), внутренней (Internal validity) и конструктивной (Construct validity) валидности, где по последним двум он может быть даже выше, чем в оффлайн-опросе [Демятко И.Ф., 2010, с. 18], что совершенно оправдано в подобных исследованиях. Были опрошены респонденты с основным признаком — студенты. Расчетная выборка при 95 % доверительном интервале (ДИ) и 3,53 % доверительной вероятности (ДВ) составила 772 респондента при генеральной совокупности 7,728 млн. чел. (СПО¹ — 3,559 млн.; ВПО² — 4,169 млн.). Представляются необходимыми дальнейшие исследования, выполненные на вариативных в социально-демографическом плане выборках.

¹ Сводный отчет по форме федерального статистического наблюдения № СПО-1. 2022 г. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/9414b58a1c802a210ee741197d96d943/> (дата обращения: 08.05.2023).

² Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». 2022 г. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 08.05.2023).

Опрос проведен среди женщин (51,8 %) и мужчин и (48,2 %), проживающих на территории России. Из них опрос прошли преимущественно респонденты студенческого возраста от 20 до 22 лет — 42,5 %, от 18 до 19 лет — 35,8 %, от 23 до 25 лет — 21,8 %. Подавляющее большинство студентов холостые / не замужем (96,9 %) и не имеют детей (99,0 %).

Уровень доходов на каждого члена семьи, включая все поступления, от 20 до 50 тыс. руб. — 23,8 %, от 21 до 30 тыс. руб. — 20,7 %, от 16 до 20 тыс. руб. — 18,7 %. Доход от 10 до 15 тыс. руб. — 14,5 %, свыше 50 тыс. руб. — 11,9 %, до 10 тыс. руб. — 10,4 %.

34,7 % респондентов являются жителями городов с населением свыше 1 млн. чел., Москвы и Московской области — 33,7 %; от 500 тыс. до 1 млн. чел. — 20,2 %; от 100 тыс. до 500 тыс. чел. — 11,4 %.

Большинство респондентов являются студентами 3 курса — 32,6 %, 1 курса — 22,3 %, 2 курса — 22,3 %, выпускных 4–5 курсов — 22,8 %. Получают высшее образование 80,3 % респондентов; среднее профессиональное образование — 7,3 %; обучаются в магистратуре, аспирантуре и получают второе высшее образования 12,4 % респондентов. Не работают 48,7 %, имеют работу и подработку 51,3 % респондентов, в т.ч. 35,8 % имеют гибкий график работы, 15,5 % — полный график.

Статистическая обработка результатов велась при помощи программы IBM SPSS

Statistics 27.0.1, в частности применен непараметрический метод корреляции Спирмена (*r-Spearman's*). Вначале были выявлены значимые факторы на основе распределений и присвоенных баллов, между которыми определена парная корреляция.

Результаты и обсуждение

На вопрос «Как часто вы сталкиваетесь с таким явлением, как прокрастинация — склонность к постоянному откладыванию даже важных и срочных дел, приводящая к жизненным проблемам?» 60,6 % респондентов ответили часто; в т.ч. ежедневно — 32,1 %; несколько раз в неделю — 28,5 %. Несколько раз в месяц с прокрастинацией сталкиваются 16,1 % респондентов. Несколько раз в год и вовремя сессии — 6,2 % и 5,2 % соответственно. Не сталкивались с прокрастинацией всего 11,9 % студентов. Таким образом, большинство студентов — прокрастинаторы.

Ежедневно или несколько раз в неделю прокрастинируют (см. табл. 1) студенты 3 курса — 36,8 %, это, скорее всего, объясняется тем, что полученный студенческий опыт адаптации к формальным требованиям обучения дает им возможность откладывать дела на потом, не боясь за последствия. Но к выпускным курсам процент снижается (20,5 %), что связано с большей ответственностью выпускников, что подтверждено и другими исследователями.

Таблица 1. Тенденция распространенности прокрастинации между студентами разных курсов

Table 1. Procrastination prevalence trend between full-time students of different courses

	1 курс (%)	2 курс (%)	3 курс (%)	4-5 курсы (%)
Не сталкивались с прокрастинацией	34,9	21,7	21,7	21,7
Довольно часто сталкиваются с прокрастинацией (ежедневно, раз в неделю)	19,7	23,1	36,8	20,5
Редко сталкиваются с прокрастинацией (раз в месяц)	29,0	19,4	25,8	25,8
Сталкиваются с прокрастинацией несколько раз в год/во время сессии	13,6	22,7	31,8	31,8

Также есть тенденция усиления прокрастинации среди студентов старших курсов во время сессии, в отличие от студентов младших курсов, которые могут испытывать страх неудачи перед сдачей зачетов и экзаменов, что подтверждено в других исследованиях [Савина О.Ю., Щербакова О.Н., 2021].

При сравнении студентов СПО, ВПО и второго высшего образования (магистратура и аспирантура, т.е. где необходима самостоятельность) было выявлено, что при увеличении самостоятельной работы студентов увеличивается и прокрастинация (см. табл. 2).

Таблица 2. Сравнительная таблица уровня распространения прокрастинации между студентами разного уровня образования

Table 2. Comparative table of the level of spread of procrastination between students of different levels of education

	Студенты, получающие СПО (%)	Студенты, получающие ВПО (%)	Студенты, получающие второе высшее, магистратуру и т.д. (%)
Не сталкивались с прокрастинацией	21,4	11,6	8,3
Сталкиваются ежедневно	28,6	30,3	41,7
Сталкиваются с прокрастинацией несколько раз в неделю	28,6	29,0	29,2
Сталкиваются с прокрастинацией несколько раз в месяц	0,0	16,8	20,8
Сталкиваются несколько раз в год	14,3	6,5	0,0
Сталкиваются во время сессии	7,1	5,8	0,0

Также было выявлено, что 47,2 % респондентов откладывает свои дела «на потом» при выполнении больших письменных заданий (научные статьи, курсовые и т.д.). Одинаково вызывают прокрастинацию выполнение ежедневных домашних заданий (16,6 %) и подготовка к сдаче устных зачетов и экзаменов (16,6 %). Подготовка к онлайн-

тестированиям — 3,1 %, вариант «все перечисленное» — 5,7 %. Следовательно, задания, которые требуют больших усилий и большего времени, гораздо чаще становятся причинами прокрастинации, что было подтверждено и ранее у иностранных коллег [Chang Ch., 2018; Svartdal F. et al., 2020].

Таблица 3. Социальные факторы и уровень их влияния на академическую прокрастинацию (где: -2 — усиливает прокрастинацию, -1 — частично усиливает, 0 — нейтрально, +1 — частично уменьшает уровень прокрастинации, +2 — уменьшает прокрастинацию, +3 — ликвидирует ее, Δ ср, % — отклонение от среднего)

Table 3. Social factors and the level of their influence on academic procrastination (where: -2 - increases procrastination, -1 - partially increases, 0 - neutrally, +1 - partially reduces the level of procrastination, +2 - reduces procrastination, +3 - eliminates it, Δ av, % - deviation from the average)

факторы/индикаторы	- 2 (%)	- 1 (%)	0 (%)	+1 (%)	+2 (%)	+3 (%)	Общий балл	Δ ср, % Δ av, %
болезнь	45,1	29,5	11,9	8,8	2,6	2,0	-99,7	-124,7
большое количество бытовых хлопот	42,5	33,1	17,6	2,0	1,6	3,1	-103,6	-133,5
комфортное распределение бытовых обязанностей	5,7	8,3	20,7	25,9	17,0	22,2	106,8	340,7
большое количество учебных заданий	43,5	31,0	13,5	7,8	1,6	2,6	-99,2	- 123,6
большое количество самостоятельной работы	47,2	25,9	16,0	6,2	2,6	2,1	-102,6	-131,2
работа / подработка	33,7	27,5	26,9	5,7	1,6	4,7	-71,1	-62,0
высокая заработная плата	8,3	11,4	31,6	21,2	11,4	16,0	64	244,2
низкая заработная плата	27,5	30,0	30,6	7,3	2,1	2,6	-65,7	-48,1
существенная финансовая помощь родителя	7,8	9,3	31,1	20,7	18,1	13,0	71	260,0

факторы/индикаторы	-2 (%)	-1 (%)	0 (%)	+1 (%)	+2 (%)	+3 (%)	Общий балл	Δ ср. % Δ av. %
отсутствие финансовой помощи родителей	21,8	27,5	32,7	9,3	3,1	5,7	-38,5	13,2
транспортные издержки	31,1	28,0	29,5	6,7	2,6	2,1	-72	-62,3
дистанционное обучение	37,3	25,9	13,5	9,8	6,2	7,3	-56,4	-27,1
неудовлетворительные оценки	31,6	28,0	25,4	8,3	2,1	4,7	-64,6	-45,6
отличные оценки	5,7	9,8	35,3	26,4	7,3	15,5	66,3	249,4
ожидание неудачи при выполнении заданий	43,5	27,5	19,2	5,7	0,5	3,6	-97	-118,6
отсутствие научного руководства	42,0	29,0	23,8	2,1	0,5	2,6	-102,1	-130,1
отсутствие консультаций со стороны преподавателей	42,5	32,6	23,8	2,6	0,5	3,1	-104,7	-136,0
отсутствие групповой работы	22,8	22,8	35,2	11,9	3,1	4,1	-38	14,4
отсутствие ответственности перед сокурсниками	25,9	29,5	31,1	6,7	2,1	4,7	-56,3	-26,9
интернет-игры	37,8	21,2	31,6	4,1	2,6	2,6	-79,7	-79,6
азартные игры	24,4	17,6	49,7	5,2	1,0	2,1	-52,9	-19,2
просмотр фильмов и видеороликов	42,5	25,4	22,3	3,1	3,1	3,6	-90,3	-103,5
другие развлечения	26,9	36,3	24,9	6,2	2,1	3,6	-68,9	-55,3
социальные сети	42,0	32,6	18,1	1,6	3,6	2,1	-101,5	-128,8
времяпрепровождение с друзьями	21,2	29,5	30,1	8,8	3,1	7,3	-35	21,1
времяпрепровождение с парнем/девушкой	21,2	23,8	39,4	6,2	3,6	5,7	-35,7	19,5
проблемы в личной жизни	45,6	24,4	21,2	5,7	1,0	2,0	-101,9	-129,7
наличие детей	26,9	6,7	56,0	4,7	3,6	2,1	-42,3	4,7
помощь близкими в планировании дня	13,5	10,4	31,6	17,1	14,0	13,5	48,2	208,6
консультации психолога, психиатра	10,4	5,2	26,9	16,6	20,2	20,7	93,1	309,8

Умножением коэффициентов (от -2 до +3) предложенных респондентам социальных факторов прокрастинации (см. табл. 3) на полученное распределение (%) были получены общие баллы. Анализ отклонения (Δ ср, %) предложенных факторов от среднего общего балла (-44,37, что говорит об общем усилении прокрастинации) показал, что в наибольшей степени прокрастинацию вызывают: отсутствие консультаций со стороны преподавателей (-136,0 %), большое количество бытовых хлопот (-133,5 %), большое количество самостоятельной работы (-131,2 %), отсутствие научного руководства (-130,1 %), социальные сети (-

128,8 %). Это в основном факторы, которые связаны с наличием свободного времени, а не с социальным положением или финансами, что объясняет результаты, полученные в предыдущих вопросах (см. табл. 1, 2).

Факторы, значительно уменьшающие прокрастинацию: существенная финансовая помощь родителей (+260,0 %), отличные оценки (+249,4 %), высокая заработная плата (+244,2 %) и помощь близких в планировании дня (+208,6 %). Фактор «комфортное распределение бытовых обязанностей» (+340,7 %) является противоположным фактору «большое количество бытовых хлопот» (-133,5 %), который,

соответственно, является одним из самых усугубляющих. Высокий процент респондентов, выбравших фактор «консультация психолога

или психиатра» (+309,8 %) как снижающий прокрастинацию, говорит о том, что студенты готовы воспользоваться помощью специалиста.

Таблица 4. Парная корреляция выделенных социальных факторов (r-Spearman's)

Table 4. Pair correlation of selected social factors (r-Spearman's)

ФАКТОР	болезнь	большое количество бытовых хлопот	комфортное распределение бытовых обязанностей	большое количество учебных заданий	большое количество самостоятельной работы	высокая заработная плата	существенная финансовая помощь родителя	отличные оценки	отсутствие научного руководства	отсутствие консультаций со стороны преподавателей	социальные сети	проблемы в личной жизни	помощь близких в планировании дня	консультация психолога / психиатра
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2	0,83*	1	*Корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$ (двухсторонняя)											
3	-0,71	-0,66	1	**Корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$ (двухсторонняя)										
4	0,94**	0,94**	-0,60	1										
5	1,0**	0,83*	-0,71	0,94**	1									
6	-0,41	-0,38	0,81*	-0,32	-0,41	1								
7	-0,43	-0,60	0,71	-0,49	-0,43	0,90*	1							
8	-0,31	-0,26	0,77	-0,20	-0,31	0,99**	0,83*	1						
9	0,83*	1,00**	-0,66	0,94**	0,83*	-0,38	-0,60	-0,26	1					
10	0,83*	1,00**	-0,66	0,94**	0,83*	-0,38	-0,60	-0,26	1,00**	1				
11	0,83*	0,83*	-0,94**	0,77	0,80*	-0,61	-0,60	-0,54	0,83*	0,83*	1			
12	0,94**	0,94**	-0,60	1,00**	0,94**	-0,32	-0,49	-0,20	0,94**	0,94**	0,77	1		
13	-0,23	-0,46	0,55	-0,32	-0,23	0,74	0,90*	0,64	-0,46	-0,46	-0,43	-0,32	1	
14	-0,60	-0,43	0,54	-0,54	-0,60	0,70	0,71	0,60	-0,43	-0,43	-0,43	-0,54	0,70	1

В табл. 4 представлена парная корреляция социальных факторов, определенных в табл. 3 по отклонению (Δ ср, %) как наиболее значимых для прокрастинации.

Исходя из анализа (см. табл. 4), хотелось бы отметить, что отрицательное влияние на прокрастинацию наблюдается у факторов 3, 6, 7, причем они достаточно сильно коррелируют друг с другом.

Наиболее актуальными причинами прокрастинации (множественный выбор) на дистанционном обучении оказались: кажущееся увеличение свободного времени, которое приводит к неправильной оценке временных ресурсов (52,3 %), большое количество заданий в сравнении с очным обучением (48,2 %), постоянное нахождение дома (43,5 %), а также большое количество домашних хлопот (32,1 %) и отсут-

ствие визуального контроля со стороны преподавателя (28 %). Эти причины связаны между собой, т.к. из-за постоянного нахождения дома и отсутствия смены локаций и деятельности создается ощущение увеличения количества свободного времени. Поэтому 37,3 % респондентов (см. табл. 3) выбрали «дистанционное обучение» как фактор, усугубляющий прокрастинацию.

На вопрос «Как часто вы планируете свою деятельность и контролируете поставленные цели?» 24,9 % респондентов отметило ежедневно; 33,7 % — несколько раз в неделю, несколько раз в месяц — 16,6 %, несколько раз в год — 3,6 %; во время сессии — 2,6 %. Не планируют свою деятельность 18,7 % респондентов (!) т.е. они осознают наличие проблемы и не пытаются ее решить.

Таблица 5. Взаимосвязь прокрастинации и саморегуляции студентов (n=468)
 Table 5. Relationship between procrastination and self-regulation of students (n=468)

Частота возникновения прокрастинации	Часто планирующие свою деятельность (%)	Редко планирующие свою деятельность (%)	Планируют несколько раз в год, во время сессии (%)	Респонденты, которые не планируют деятельность (%)
от ежедневно до несколько раз в месяц	49,6	21,4	9,4	19,7
несколько раз в месяц	77,4	16,1	3,2	3,2
несколько раз в год, во время сессии	72,7	0,0	0,0	27,3
не сталкивающиеся с прокрастинацией	65,2	8,7	0,0	26,1

Кроме того, была выявлена следующая тенденция (см. табл. 5): студенты, планирующие свою деятельность, также сталкиваются с прокрастинацией, но достаточно редко (около 75 % — от нескольких раз в месяц до несколько раз в год). 49,6 % планирующих сталкиваются с прокрастинацией ежедневно. Таким образом,

прокрастинация обратно пропорциональна планированию и саморегуляции, но этого недостаточно, чтобы утверждать, что основной причиной прокрастинации является нарушенная саморегуляция, что разнится с выводами других исследователей [Руднова Н.А., 2018].

Таблица 6. Работа и подработка как фактор академической прокрастинации (n = 396)
 Table 6. Work and side jobs as a factor in academic procrastination (n = 396)

Доля работающих студентов	%
Всего	100,0
Не откладывают академические задания из-за работы / подработки	20,7
Ежедневно откладывают академические задания из-за работы / подработки	14,5
Откладывают академические задания из-за работы / подработки несколько раз в неделю	36,9
Откладывают несколько раз в месяц	24,3
Откладывают академические задания из-за работы несколько раз в год	3,6

Анализ данных (табл. 6) показывает, что работа и подработка являются социальными факторами прокрастинации, но не основными из них.

На вопрос «Как часто Вам удается соблюдать правило “не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня”?» 40,4 % респондентов указали «несколько раз в неделю», 27,5 % — несколько раз в месяц; ежедневно — 8,3 %, у 5,7 % — несколько раз в год, а 18,1 % не соблюдают это правило вовсе. Поскольку данное правило напрямую связано с прокрастинацией, то это подтверждает полученные в исследовании [Далаев С.Б. Бальжинимаева Н.Б., 2018] результаты о распространенности прокрастинации среди студентов.

Наиболее явными отрицательными последствиями прокрастинации среди студентов (множественный выбор) являются апатия

(59,1 %), проблемы с успеваемостью (51,8 %) и проблемы во взаимодействии с преподавателями (39,9 %). Следовательно, последствия чаще всего связаны с их учебной деятельностью и эмоциональным состоянием.

На вопрос «Хотели бы Вы побороть прокрастинацию (откладывание дел на потом)?» 59,6 % респондентов ответило положительно, 19,7 % затруднились ответить, а 11,9 % не желают бороться с прокрастинацией, т.к. считают, что она не приносит им жизненных трудностей (т.е. нет последствий и это осознанно, что объясняет ее высокий уровень в студенческой среде), а 8,8% не сталкиваются с ней.

На вопрос «Как Вы считаете, какое из этих предложений в большей степени поможет Вам снизить уровень прокрастинации?» 23,3 % респондентов отметили — консультации психолога или психиатра, т.е. не могут справиться с

прокрастинацией собственными силами. 20,7 % — комфортное распределение бытовых обязанностей, что, скорее всего, связано с тем, что «большое количество бытовых хлопот» — один из усугубляющих прокрастинацию факторов (см. табл. 3). 23,1 % отметили помощь преподавателей: их больший контроль (11,9 %) и консультации в выполнении заданий (11,4 %). Также указывали помощь близких в планировании дня (8,3 %) и большее количество групповых заданий (5,2 %).

Заключение

Распространенность прокрастинации приводит к различным негативным последствиям как у отдельных студентов, так и у студенческой молодежи в целом. В ходе исследования было выявлено, что 60,6 % студентов сталкиваются с прокрастинацией достаточно часто, из них ежедневно — 32,1 %, несколько раз в неделю — 28,5 %. Также выявлено, что работа и подработка являются социальными факторами прокрастинации, но не основными. 59,6 % респондентов хотят побороть прокрастинацию, и помогут им в этом планирование и саморегуляция, которые отрицательно коррелируют с прокрастинацией.

Выявлена тенденция возрастания прокрастинации у студентов к 3 курсу — 36,8 %, что, возможно, объясняется их опытом адаптации к формальным требованиям обучения. Уровень прокрастинации во время сессии у старших курсов выше, чем у младших. При сравнении студентов СПО, ВПО и второго высшего образования было выявлено, что при увеличении самостоятельной работы студентов увеличивается и прокрастинация.

Наиболее весомыми причинами прокрастинации на дистанционном обучении оказались: кажущееся увеличение свободного времени и неправильная его оценка (52,3 %) и большее количество заданий (48,2 %).

47,2 % респондентов откладывает свои дела на потом при выполнении больших письменных заданий (научные статьи, курсовые и т.д.), что связано с факторами (Δ ср, %), усугубляющими прокрастинацию; это отсутствие консультаций со стороны преподавателей (-136,0 %), большое количество бытовых хлопот (-133,5 %), большое количество самостоятельной работы (-131,2 %), социальные сети (-

128,8 %), которые напрямую зависят от количества свободного времени.

Также были выявлены факторы, которые уменьшают прокрастинацию: отличные оценки (+249,4 %) мотивируют студентов; консультация психолога или психиатра (+309,8 %) говорит о готовности воспользоваться помощью специалиста. Отрицательное влияние на прокрастинацию наблюдается у факторов, *которые достаточно сильно коррелируют друг с другом* (r_s Spearman's = 0,71–0,90): распределение бытовых обязанностей (+340,7 %), которое поможет распланировать учебную деятельность; существенная финансовая помощь родителей (+260,0 %) и высокая заработная плата (+244,2 %) — это возможность уделять большее время образованию.

На основе результатов исследования были разработаны следующие рекомендации для преодоления прокрастинации:

- со стороны государства — расширить финансовую помощь (стипендии, гранты и т.п.);
- в учебных планах учесть расширение помощи и консультаций со стороны преподавателей;
- уменьшить (разбить на этапы) большие письменные задания и самостоятельную работу;
- студентам — расписать и разделить бытовые хлопоты и обязанности между членами семьи (соседями по жилью);
- планировать свой день с помощью близких;
- установить лимит времени в социальных сетях и других развлечениях.

Выражение признательности

Автор выражает искреннюю признательность Мариненко Надежде Игоревне за помощь в сборе и первичной обработке материалов исследования.

Acknowledgements

The author expresses his sincere gratitude to *Nadezhda Marinenko* for her help in the collection and primary processing of research materials.

Список литературы

- Аристова И.Л., Горбач Н.С.* Исследование академической прокрастинации у студентов вуза // Мир педагогики и психологии. 2020. № 4(45). С. 118–125.

Далаев С.Б., Бальжинимаева Н.Б. Факторы возникновения и способы преодоления прокрастинации в студенческой среде // Медицина завтрашнего дня: материалы XVII межрегион. науч.-практ. конф. (Чита, 17–20 апреля 2018 г.). Чита: РИЦ Читинской гос. мед. акад., 2018. С. 409–410.

Девятко И.Ф. Онлайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности // Онлайн-исследования в России 2.0 / под ред. А.В. Шашкина и др. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010. С. 17–30.

Забродина Л.А., Мухина Ю.Р. Взаимосвязь особенностей прокрастинации с индивидуально-личностными характеристиками студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 3(20). С. 311–315.

Колесниченко М.Б., Паршакова О.Ю. Социологический подход к студенческой прокрастинации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 2. С. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.2.2>

Медведева Н.И. Психологический взгляд на проблему прокрастинации студентов вузов в условиях дистанционного обучения в период пандемии // Человек, экономика, общество в условиях пандемии: региональные, глобальные и федеральные аспекты: сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 12 февраля 2021 г.). Ставрополь: Изд-во Ин-та Дружбы народов Кавказа, 2021. С. 466–469.

Микляева А.В., Безгодова С.А., Васильева С.В., Румянцева П.В., Солнцева Н.В. Академическая прокрастинация в структуре стилевых особенностей учебной деятельности студентов // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 4. С. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2018230406>

Микляева А.В., Реброва Д.С., Савинская А.С. Академическая прокрастинация в студенческой среде: результаты эмпирического исследования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 19. С. 59–66.

Руднова Н.А. Характеристики саморегуляции деятельности как факторы прокрастинации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 550–561. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-4-550-561>

Савина О.Ю., Щербакова О.Н. Академическая прокрастинация при изучении иностранных язы-

ков // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 1. С. 181–192. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2021.1.14>

Стоянов А.С. Бюджет времени студента Академии гражданской защиты МЧС России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 5(74). С. 117–125. DOI: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2021.50.58.015>

Стоянов А.С. Ожидания в социально-воспитательной работе вуза: курсанты vs студенты (на примере АГЗ МЧС России) // Социология. 2022. № 4. С. 24–35.

Стоянов А.С. Ожидания как фактор инициации табакокурения молодежи // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. 2023. Т. 31, № 1. С. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-1-20-28>

Стоянов А.С., Адаева Е.С. Ожидания как фактор потребительской лояльности к фармацевтическому препарату: бренд VS дженерик (на примере ибупрофена) // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. Т. 67, № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1293/30/lang.ru/> (дата обращения: 18.10.2023).

Стоянов А.С., Калинин Л.В. Статус спортсмена как фактор социальной адаптации в студенческой группе // Социология. 2022. № 2. С. 174–185.

Третьяк Т.М. Взаимосвязь параметров академической прокрастинации с личностными чертами студентов-прокрастинаторов // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. № 3(48). С. 88–100.

Чернышева Н.А. Прокрастинация: актуальное состояние проблемы и перспективы изучения // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2016. Вып. 1. С. 17–26.

Balkis M., Erdinç D. Gender differences in the relationship between academic procrastination, satisfaction with academic life and academic performance // Electronic Journal of Research in Educational Psychology. 2017. No. 15(1). P. 105–125. DOI: <https://doi.org/10.14204/ejrep.41.16042>

Chang Ch. Psychological Factors Associated with Procrastination among College Students: dissertation. Chicago, 2018. 186 p. (Unpublished work).

Karimi Moonaghi H., Baloochi Beydokhti T. Academic procrastination and its characteristics: A Narrative Review // Future of Medical Education Jour-

nal. 2017. Vol. 7, iss. 2. P. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.22038/fmej.2017.9049>

Svarddal F., Dahl T.I., Gamst-Klaussen Th., Koppenborg M., Klingsieck K.B. How study environments foster academic procrastination: Overview and recommendations // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2020.540910/pdf?isPublishedV2=false> (accessed: 18.10.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.540910>

References

Aristova, I.L. and Gorbach, N.S. (2020). [Research of academic procrastination in university students]. *Mir pedagogiki i psikhologii* [World of Pedagogy and Psychology]. No. 4(45), pp. 118–125.

Balkis, M. and Erdinç, D. (2017). Gender differences in the relationship between academic procrastination, satisfaction with academic life and academic performance. *Electronic Journal of Research in Educational Psychology*. No. 15(1), pp. 105–125. DOI: <https://doi.org/10.14204/ejrep.41.16042>

Chang Ch. (2018). *Psychological factors associated with procrastination among college students: dissertation*. Chicago, 186 p. (Unpublished work).

Chernysheva, N.A. (2016). [Procrastination: actual condition of the problem and prospects for studying]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences]. Iss. 1, pp. 17–26.

Dalaev, S.B. and Balzhinimaeva, N.B. (2018). [Factors of occurrence and ways to overcome procrastination in the student environment]. *Meditsina zavtrashnego dnya: materialy XVII mezhtregion. nauch.-prakt. konf. (Chita, 17–20 aprelya 2018 g.)* [Medicine of Tomorrow: Proceedings of the 17th International Scientific and Practical conference (Chita, April 17–20, 2018)]. Chita: Chita State Medical Academy Publ., pp. 409–410.

Devyatko, I.F. (2010). [Online research and methodology of social sciences: new horizons, new (and not so new) difficulties]. *Onlayn-issledovaniya v Rossii 2.0, pod red. A.V. Shashkina i dr.* [A.V. Shashkin et al. (eds.) Online research in Russia 2.0]. Moscow: Severo-Vostok Publ., pp. 17–30.

Karimi Moonaghi, H. and Baloochi Beydokhti, T. (2017). Academic procrastination and its characteristics: A Narrative Review. *Future of Medical Education Journal*. Vol. 7, iss. 2, pp. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.22038/fmej.2017.9049>

Kolesnichenko, M.B. and Parshakova, O.Yu. (2018). [Sociological approach to student procrastination]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 2, pp. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.2.2>

Medvedeva, N.I. (2021). [Psychological view on the problem of procrastination of university students in the context of distance learning during the pandemic]. *Chelovek, ekonomika, obshchestvo v usloviyakh pandemii: regional'nyye, global'nyye i federal'nyye aspekty: sb. materialov XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Stavropol', 12 fevralya 2021 g.)*. [Person, Economy, Society in a Pandemic: Regional, Global and Federal Aspects: collection. materials of the XV International. scientific-practical conf. (Stavropol, February 12, 2021)]. Stavropol: IDNK Publ., pp. 466–469.

Miklyaeva, A.V., Bezgodova, S.A., Vasil'eva, S.V., Rumyantseva, P.V. and Solntseva, N.V. (2018). [Academic procrastination in the structure of learning activity styles in students]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological Science and Education]. Vol. 23, no. 4, pp. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2018230406>

Miklyaeva, A.V., Rebrova, D.S. and Savinskaya, A.S. (2017). [Academic procrastination among students: the results of empirical study]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Psychology]. Vol. 19, pp. 59–66.

Rudnova, N.A. (2018). [Self-regulation's characteristics of activity as factors of procrastination]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 550–561. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-4-550-561>

Savina, O.Yu. and Scherbakova, O.N. (2021). [Academic procrastination in the study of foreign languages]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin]. No. 1, pp. 181–192. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2021.1.14>

Stoyanov, A.S. (2021). [Budget of the time of a student of Academy of Civil Defense EMERCOM of Russia]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. No. 5(74), pp. 117–125. DOI: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2021.50.58.015>

Stoyanov, A.S. (2022). [Expectations in the socio-upbringing work of the university: cadets vs students (on the example of the AGZ EMERCOM of Russia)]. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 4, pp. 24–35.

Stoyanov, A.S. (2023). [Expectations as a factor of tobacco smoking initiation in youth]. *Zdorov'ye naseleniya i sreda obitaniya - ZNiSO* [Public Health and Life Environment]. Vol. 31, no. 1, pp. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-1-20-28>

Stoyanov, A.S. and Adaeva, E.S. (2021). [Expectations as a factor of consumer loyalty to a pharmaceutical drug: brand vs generic (using the example of ibuprofen)]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Population Health]. Vol. 67, no. 4. Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1293/30/lang.ru/> (accessed 18.10.2023).

Stoyanov, A.S. and Kalinkina, L.V. (2022). [The status of an athlete as a factor of social adaptation in a student group]. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 2, pp. 174–185.

Svartdal, F., Dahl, T.I., Gamst-Klaussen, Th., Koppenborg, M. and Klingsieck, K.B. (2020). How study environments foster academic procrastination: Overview and recommendations. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2020.540910/pdf?isPublishedV2=false> (accessed 18.10.2023). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.540910>

Tron', T.M. (2018). [Correlation between the personal aspect of «active procrastinators» and studying efficiency]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual Problems of Psychological Knowledge]. No. 3(48), pp. 88–100.

Zabrodina, L.A. and Mukhina, Yu.R. (2017). [Interconnection features procrastination with individual and personal characteristics of students]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology]. Vol. 6, no. 3(20), pp. 311–315.

Об авторе

Стоянов Александр Сергеевич
кандидат социологических наук,
доцент кафедры рекламы и связей
с общественностью

Академия гражданской защиты МЧС России,
141435, Московская обл, Химки,
ул. Соколовская, 1А;
e-mail: stoianoff@mail.ru
ResearcherID: IYJ-2697-2023

About the author

Alexander S. Stoyanov
Candidate of Sociology, Associate Professor
of the Department of Advertising and Public Relations
Civil Defence Academy EMERCOM of Russia,
1A, Sokolovskaya st., Khimki, Moscow region,
141435, Russia;
e-mail: stoianoff@mail.ru
ResearcherID: IYJ-2697-2023

УДК 316.016
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-273-285>
EDN: SBILII

Поступила: 30.11.2023
Принята: 04.04.2024
Опубликована: 04.07.2024

ЛИЧНОСТНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА РУКОВОДИТЕЛЕЙ, КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА

Левицкая Александра Николаевна

Санкт-Петербургский институт экономики и управления (Санкт-Петербург)

Борисов Александр Федосеевич

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Шелонаев Сергей Игоревич

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)*

Проанализирована взаимосвязь личностных и профессиональных качеств руководителей с их возможностями влиять на процесс социального регулирования взаимодействия участников трудового процесса. Рассмотрены различные подходы к классификации качеств руководителей, на основании анализа сформулировано собственное видение авторов о тех личностных и профессиональных качествах, которые необходимы для эффективной работы современного руководителя. Проанализированы понятия «лидерство» и «руководство» в контексте поиска сходств и отличий между ними. Раскрыт процесс социального регулирования, что позволило оценить влияние различных социальных регуляторов на построение взаимоотношений в трудовых коллективах. Изучены различные подходы к описанию функций руководителей и возможных способов поведения, которые руководители принимают на себя в процессе управления. Сформулировано собственное видение функционала руководителей, обозначены ожидаемые результаты их деятельности посредством описания управленческих процессов, необходимых для реализации руководящего функционала. Рассмотрены социальные регуляторы, влияющие на взаимодействие в трудовых коллективах. По результатам анализа выявлена взаимосвязь личностных и профессиональных качеств руководителей и возможностей использования ими различных социальных регуляторов взаимодействия. Построение логической цепочки связи качеств руководителей, их функционала, ожидаемых результатов их деятельности, необходимых для этого управленческих процессов и социальных регуляторов взаимодействия в трудовой среде, позволило сформулировать возможные способы поведения руководителей в системе социального регулирования, которые могут применяться в практике управления персоналом.

Ключевые слова: руководитель, лидер, личностные и профессиональные качества, управленческие роли, функции руководителей, результаты деятельности, управленческие процессы, социальное взаимодействие, социальное регулирование, социальные регуляторы трудовой деятельности.

Для цитирования:

Левицкая А.Н., Борисов А.Ф., Шелонаев С.И. Личностные и профессиональные качества руководителей, как элемент системы социального регулирования взаимодействия участников трудового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 273–285. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-273-285>. EDN: SBILII

**PERSONAL AND PROFESSIONAL QUALITIES OF MANAGERS
AS AN ELEMENT OF THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATION
OF INTERACTION BETWEEN PARTICIPANTS
IN THE LABOR PROCESS**

Alexandra N. Levitskaya

Saint Petersburg Institute of Economics and Management (Saint Petersburg)

Alexander F. Borisov

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg)

Sergey I. Shelonaev

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint Petersburg)

The study analyzes the relationship between the personal and professional qualities of managers and their ability to influence the process of social regulation of interaction between participants in the labor process. Various approaches to classifying the qualities of managers are considered. The authors formulate their own vision of those personal and professional qualities that are necessary for the effective work of a modern manager. The concepts of «leadership» and «management» are analyzed in the context of searching for similarities and differences between them. The process of social regulation is revealed, which made it possible to assess the influence of various social regulators on building relationships in work teams. Having studied various approaches to describing the functions of managers and possible modes of behavior that managers assume in the process of management, the authors not only formulate their own vision of the functionality of managers but also identify the expected results of managers' activities by describing the management processes necessary for the implementation of management functionality. Social regulators influencing interaction in work teams are considered. The analysis revealed the relationship between the personal and professional qualities of managers and the possibilities of using various social regulators of interaction by them. The construction of a logical chain of connections between the qualities of managers, their functionality, the expected results of their activities, the necessary management processes, and social regulators of interaction in the work environment made it possible to formulate possible ways of managers' behavior in the system of social regulation, which can be used in the practice of personnel management.

Keywords: manager, leader, personal and professional qualities, managerial roles, functions of managers, performance results, management processes, social interaction, social regulation, social regulators of labor activity.

To cite:

Levitskaya A.N., Borisov A.F., Shelonaev S.I. [Personal and professional qualities of managers as an element of the system of social regulation of interaction between participants in the labor process]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 273–285 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-273-285>, EDN: SBILII

Введение

Исследование личностных и профессиональных качеств руководителей вызывает интерес у представителей многих научных направлений и дисциплин. Такие исследования можно встре-

тить в социологии, психологии, управлении персоналом, организационном поведении, менеджменте, политологии, истории, философии и литературе. Обусловлен этот интерес в первую очередь поиском взаимосвязи между

особенностями руководства и эффективностью функционирования организации, корпорации, холдинга, либо государства в целом. Однако существует и иная причина подобного интереса, которая носит прикладной характер, — общество представляет собой взаимосвязь управляющей и управляемой систем, и в первых системах, независимо от их размеров и выполняемых функций, всегда есть лицо, занимающее руководящую позицию. Таким образом, *актуальность* интереса к исследованию личностных и профессиональных качеств руководителей связана с тем, что от руководства зависит социальная стабильность, гармоничное течение всех общественных процессов и поддержание равновесия в социальных системах.

Целью настоящей работы является определение роли руководителя в системе социального регулирования взаимодействия участников трудового процесса. Были определены *объект* изучения — руководящие кадры организаций, занимающие различные ступени в иерархии управления, и *предмет* — личностные и профессиональные качества руководителей. Для реализации цели настоящей работы сформулированы следующие *задачи*:

1) Определить критерии оценки личности руководителей, алгоритмы их классификации и выявить их значимые личностные и профессиональные качества.

2) Определить социальное регулирование с позиции системного подхода.

3) Установить, каким образом личностные и профессиональные качества руководителей могут оказывать влияние на социальное регулирование взаимодействия участников трудового процесса.

Оценка личностных и профессиональных качеств руководителей

Прежде чем определить значимые личностные и профессиональные качества руководителей, необходимо задать критерии оценки таких качеств и алгоритмы их классификации. Современные исследования рынка труда показали, что передовые российские компании, ориентируясь на успешный иностранный опыт, входят в этап гуманизации управления человеческими ресурсами, когда профессиональные навыки работника уходят на второй план [Сметани-

на Т.В. и др., 2021, с. 60], отдавая первое место «мягким навыкам» (soft skills). Такая модель управления начала развиваться на базе классической японской системы менеджмента, которая строилась не на принципах формального руководства, а на принципах управленческого лидерства. Сотруднику организации дается общая картина требований к результатам и свобода действий по выбору способов достижения цели, подход позволяет развивать на местах инициативу и творческие способы решения поставленных задач. Эта модель больше ориентирована на человека, и направлена на то, чтобы растить профессиональные кадры и руководящий состав внутри организации [Куликов Ю.А., 2015, с. 88]. В переводе с английского языка понятие «soft skills» трактуется как «способности людей общаться друг с другом и хорошо работать вместе». «Мягкие навыки» — это «коммуникативные и управленческие таланты. К ним относятся умение убеждать, лидировать, управлять, делать презентации, находить нужный подход к людям, способность разрешать конфликтные ситуации, ораторское искусство — т.е., те качества и навыки, которые можно было бы назвать общечеловеческими, а не те, которые присущи людям определенной профессии» [Сосницкая О., 2012].

Существуют и иные современные подходы к определению значимых качеств руководителя, однако все они сходятся в едином мнении о том, что на первое место в портрете современного руководителя выходят именно личностные характеристики. Здесь опять следует обратиться к японской модели менеджмента, одним из современных идеологов которой является Ли Якокка. В своих работах он акцентирует внимание на том, что эффективная модель управления становится возможной только при создании благоприятной атмосферы в коллективе, которая достигается за счет повышения уровня «человечности» руководителей [Якокка Л., 1991, с. 99–101]. В данном случае человечность становится синонимом гуманности и определяет высокий уровень культуры руководителей, уважение к подчиненным и стремление к развитию человеческих ресурсов посредством личного примера. Такой подход способствовал развитию идей о значимости эмоционального интеллекта как одной из составляю-

щих личности эффективного руководителя, отвечающей за способность руководителя управлять собственными эмоциями, а также распознавать и использовать на практике эмоциональные проявления, мотивацию и намерения окружающих.

Ряд исследований значимых личностных качеств руководителей выделяет харизму как обязательную составляющую имиджа управленца [Сабат Э.М., 2004, с. 114]. Такой подход не противоречит мнению той группы ученых, которые подчеркивают значимость «мягких навыков» для личности руководителя, а скорее подтверждает его. Одной из современных западных тенденций, нашедших применение и в российской практике, в рамках этого подхода является использование технологии *face building*, в основе которой лежит идея о необходимости руководителя работать над собственной мимикой и выдавать эмоции в соответствии со сложившейся ситуацией [Рогачева М.И., 2004, с. 61].

Признавая описанные выше подходы в выделении и классификации значимых качеств руководителей как адекватные современным реалиям и уже зарекомендовавшие себя на практике, стоит обратить внимание и на иные способы их оценки, которые были разработаны и применялись в предыдущих исторических периодах. Так, представитель классической школы управления А. Файоль в конце XIX – начале XX в. выделял следующие группы качеств, которыми должен обладать эффективный руководитель:

- физиологические: здоровье, сила;
- нравственные: ответственность, чувство собственного достоинства, чувство долга, тактичность, мужество;
- интеллектуальные: легкое усвоение информации, рассудительность, гибкость мышления, понятливость;
- общий уровень развития: широта знаний о сферах, не относящихся к области приложения функционала руководителя, владение информацией об окружающем мире;
- профессиональные знания: владение информацией о наборе выполняемых функций;
- профессиональный опыт: база знаний, основанная на личной практике [Файоль А., 1923, с. 94].

Британские исследователи М. Вудкок и В. Фрэнсис, изучавшие вопрос личных и профессиональных качеств руководителей в середине XX в., среди необходимых для занятия руководящей должности качеств выделили способность управлять собой, способность к инновациям, четкие личные ценности и разумные цели, самосовершенствование, решение проблем, способность влиять на других, способность руководить другими [Вудкок В., Фрэнсис М., 1991, с. 20].

Анализируя разные подходы к оценке значимых качеств руководителей, можно сделать вывод о том, что в любые времена на первые места выходят те специфические знания, умения, навыки, ценностные ориентиры и особенности психики, которые в современном подходе образуют группу «мягких навыков», т.е. не связаны напрямую с уровнем профессионализма, а скорее характеризуют личность с позиции наличия способностей. Рассматривая такую характеристику, важно уделить внимание социально-психологическим особенностям личности руководителя, к которым можно отнести свойства характера и темперамента. Личность руководителя формируется под влиянием особенностей его психики, которые оказывают прямое воздействие на поведение и особенности построения отношений с окружающими; в этом и проявляется характер как формирующая основа личностных качеств. Влияние темперамента как совокупности индивидуальных психических свойств человека предопределяет не только его поведение, но и возможности саморегуляции во взаимодействии с внешним миром. Однако, если обратиться к классификации Файоля, можно сделать вывод, что в индустриальный период развития общества значимость профессиональных знаний и опыта были важны для руководителей. Это может быть связано, в первую очередь, с тем, что причиной перехода к индустриальному периоду развития стала промышленная революция, обозначившая переход к машинному производству, ставшая следствием развития научно-технического прогресса и породившая высокую степень конкуренции в капиталистических странах. На фоне этого владение профессиональными знаниями и опытом среди руководителей являлось необходимым условием понимания технологиче-

ских процессов и необходимости формирования новых форм управления человеческими ресурсами. Осознание этого имеет ценность и для современного общества, вступившего в информационный этап развития, ввиду того, что информационный этап развития имеет схожие с индустриальным этапом черты, например, развитие новых технологий, рост конкуренции в высокотехнологичной среде, как следствие, развитие новых рынков товаров и услуг и необходимость изменения моделей управления. Следовательно, из современных критериев оценки руководителей не следует исключать профессиональные знания и опыт, хотя стоит признать, что они находятся не на ключевых позициях в рейтинге адекватных текущей ситуации навыков управления. Отметим, что в классификации Файоля в отдельную группу выделены физиологические показатели, которым не уделяется внимание в более современ-

ных классификациях ввиду того, что рост качества жизни и развитие медицины сделали такой критерий, как «здоровье» менее значимым и более базово доступным широким слоям общества, однако, на наш взгляд, преждевременным было бы исключать этот критерий из оценки качеств руководителей, поскольку в современном мире высоких технологий, увеличения скорости всех жизненных процессов и необходимости существования руководителей в режиме многозадачности [Захаров Н.Л. и др., 2022, с. 14] речь уже может идти не столько о физическом, сколько о ментальном здоровье руководителей.

Определив критерии оценки и алгоритмы классификации значимых личностных и профессиональных качеств руководителей, можно нарисовать портрет современного руководителя, основанный на его качественном описании (табл. 1).

Таблица 1. Личностные и профессиональные качества современного руководителя

Table 1. Personal and professional qualities of a modern leader

№	Признак группировки	Качества
1	Лидерство	Целеустремленность; стратегическое мышление; доминантность; умение находить подход к людям; умение вдохновлять; настойчивость; самодисциплина; саморазвитие; владение ораторским искусством; харизматичность; инициативность; трудолюбие
2	Интеллектуальные способности	Обучаемость; гибкость мышления; легкое усвоение информации; открытость новым знаниям; рассудительность; понятливость; адаптивность; аналитические способности; прагматизм; творческий подход
3	Моральные и нравственные ценности	Ответственность; чувство собственного достоинства; чувство долга; честность; принципиальность; справедливость; сдержанность; требовательность к себе и другим; обязательность; склонность к эмпатии
4	Широта кругозора	Широкая база знаний об окружающем мире; развитые коммуникативные навыки; умение видеть целостную картину; системный подход
5	Профессионализм	Знания, умения и навыки, основанные на личном опыте; самостоятельность в принятии решений; целеполагание; владение функциями управления; совмещение инновационного и традиционного в управлении; умение применять на практике инструменты управления; умение решать конфликтные ситуации
6	Здоровье	Крепкое физическое и ментальное здоровье; стрессоустойчивость
7	Социально-психологические особенности	Свойства характера и темперамента

Для целей настоящей работы немаловажным будет исследовать такое понятие, как «лидерство». В ней это понятие является группировочным признаком, т.е. представляет собой набор тех личностных и профессиональных качеств руководителей, которые описывают характерные особенности личностей, способных оказывать влияние на межличностные взаимодействия в трудовом коллективе, однако у это-

го понятия существуют и другие определения. Социология рассматривает лидерство как оказание влияния или осуществление власти в социальных коллективах [Аберкромби Н. и др., 2004, с. 232–233]. В психологии лидерство — это отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в группе [Психология..., 1990, с. 190–191]. В науках об управлении лидерство

рассматривается с нескольких позиций, во-первых, это управленческий статус, социальная позиция, связанная с принятием властных решений [Жовтун Д.Т., 2005, с. 49]; во-вторых, это система взаимоотношений в группе, при которой одно лицо способно брать на себя ответственность за деятельность всей группы, а группа готова ему подчиняться; в-третьих, это функциональная составляющая управленческой деятельности, выраженная в основных функциях управления. Для выявления роли руководителей в системе социального регулирования взаимодействия участников трудового процесса все эти определения являются актуальными.

В ходе исследования взаимосвязи эффективности функционирования организации с типом руководства, проведенного Левицкой А.Н. на базе крупного торгового предприятия ОАО «Единая Европа – Холдинг», подтвердилась гипотеза о том, что при управленческом лидерстве организация функционирует более эффективно, чем при формальном руководстве. В исследовании приняли участие руководители шестнадцати филиалов организации, оценка проводилась по двум блокам критериев: во-первых, оценивались экономические показатели — рентабельность, активная дистрибуция, ежегодный прирост оборота, во-вторых, социально-психологические критерии — климат в коллективе, межличностные отношения и конфликтность, удовлетворенность сотрудников трудом. Для проведения исследования были использованы методы экспертной оценки, психодиагностические методы, анкетирование по модифицированной методике Е. Жарикова «Администратор или лидер». Результаты исследования показали следующее: в группе экономических критериев показатели «активная дистрибуция» и «ежегодный прирост оборота» положительно связаны с управленческим лидерством, в группе социально-психологических критериев была подтверждена положительная связь снижения конфликтности и установления гармоничных межличностных отношений в коллективе в случае управленческого лидерства, и обратная ситуация в случае формального руководства. Подтвердилась отрицательная связь удовлетворенности трудом и конфликтности, однако доказать зависимость

между формой руководства и удовлетворенностью трудом не удалось.

Следует отметить, что в научном сообществе вопрос разделения понятий лидерства и руководства до сих пор вызывает споры. Зачастую руководителей наделяют качествами лидеров и наоборот, однако это не одно и то же: можно занимать главную позицию в иерархии управления организацией, но не быть в ней лидером. Основное отличие лидера от руководителя заключается в сущности выстраиваемых им взаимосвязей: в отличие от руководства, лидерство подразумевает наличие в организации последователей, т.е. взаимодействие «руководитель – подчиненные», свойственное традиционному взгляду на управление человеческими ресурсами, заменяется на взаимодействие «лидер – последователи». Таким образом, лидерство характеризует социальное взаимодействие в коллективе, группе, обществе посредством личного влияния лидера на его последователей, тогда как руководство представляет собой процесс организации деятельности группы и управления им.

Социальное регулирование взаимоотношений участников трудового процесса

Любые взаимодействия участников трудового процесса носят социальный характер в силу того, что они обладают направленностью действий и целеполаганием, однако необходимо отметить, что в современных российских реалиях взаимодействия в трудовой среде имеют двойственную природу. Предпосылками проявления двойственной природы социального взаимодействия стали переход от планово-централизованной экономической системы СССР к рыночной системе Новой России, замена социалистической идеологии на идеологию потребления и, как следствие, изменение типа мировоззрения русского человека с коллективизма на индивидуализм [Захаров Н.Л. и др., 2020, с. 52]. Таким образом, поколения носителей советской идеологической парадигмы коллективизма взаимодействуют в трудовой среде с новыми поколениями, чьей идеологией является индивидуализм, что создает точки напряженности и вызывает необходимость

применения новых методов социального регулирования взаимоотношений в трудовой среде.

Многообразие определений понятия «социальное регулирование» принято связывать с широтой его применения в различных сферах человеческой деятельности. Если рассматривать *социальное регулирование* в трудовой среде, определить его с позиции системного подхода можно как установление и поддержание нормативных правил поведения участников процесса [Захаров Н.Л. и др., 2023, с. 253], осуществляемое с целью придания трудовой деятельности, направленной на достижение желаемого результата. Социальное регулирование трудовой деятельности осуществляется посредством социальных регуляторов различной направленности — организационных, поведенческих и этических [Захаров Н.Л., 2024, с. 45]. Организационный регулятор определяет позиции всех участников трудового процесса, типичные для этих позиций способы действия и формирует структуру взаимодействия отдельных индивидов. Поведенческий регулятор отвечает за формирование устойчивых стереотипов поведения индивидов и алгоритма совместных действий. Этический регулятор направлен на формирование социальной структуры внутри трудового коллектива посредством формирования нормативных стандартов и правил, регулирующих поведение участников трудовой деятельности.

Обусловленность построения системы социального регулирования взаимодействий в трудовом коллективе функционалом руководителей

Рассматривая личностные и профессиональные качества руководителей как элементы системы социального регулирования, необходимо изучить каждую группу качеств руководителей с позиции их возможного практического применения как функциональную основу «процесс — результат». Для этого обратимся к изучению функций руководителей.

Классическая теория управления наделяет руководителей пятью основными функциями — планированием, организацией, координацией, мотивацией и контролем, однако существуют и иные подходы к определению функций руководителей. Среди них можно выделить модель

И. Ансоффа, построенную на наделении руководителей определенными социальными ролями: лидер, администратор, планировщик и предприниматель. Функционал лидера проявляется в необходимости руководителей вести за собой последователей посредством влияния на них силой собственного авторитета. Функционал администратора тождественен предложенным Файолем функциям организации, координации и контроля, но не по отдельности, а в виде единого процесса управления всей деятельностью организации. Функционал планировщика реализуется через принятие руководителями стратегических решений, выбора управленческих альтернатив и рационального использования ресурсов. Функционал предпринимателя подразумевает в руководителях наличие предпринимательской инициативы и умение брать на себя риски [Ансофф И., 1989, с. 201].

Одна из популярных современных моделей, которая также построена на взаимосвязи функций руководителей с социальными ролями, — модель Г. Минцберга. Автор наделяет руководителей тремя функциями, в рамках которых реализуются их социальные роли:

– Межличностная функция — роли «номинальный глава», «лидер», «связующее звено». Функция объединяет в себе уставные обязанности руководителей организации, роль неформального лидера и задачу выстраивания связей организации с внешней средой.

– Информационная функция — роли «наблюдатель», «распространитель», «оратор». Функция сводится к постоянному сбору и анализу информации о внешней и внутренней среде организации, построению эффективных коммуникационных процессов внутри организации и представительству идей своей организации на рынке.

– Функция принятия решений — роли «предприниматель», «укротитель конфликтов и проблем», «распределитель ресурсов», «переговорщик». В основе этой функции лежит инновационная деятельность, анализ рисков, разрешение внутренних разногласий и конфликтов в коллективе, рациональное использование ресурсов для максимального получения прибыли, проведение переговоров с представителями внешней среды, влияющими на деятельность организации.

А.А. Козлов предлагает свой набор ключевых функций руководителей, среди которых в качестве основной он выделяет стратегическую, сводящуюся к построению стратегии организации, выбору целей и прогнозированию результатов. Помимо стратегической функции, он подчеркивает важность экспертно-инновационной функции, направленной на разработку новых продуктов и усовершенствование системы управления. Административная функция включает в себя весь функционал, связанный с оперативным управлением: организационная, распределение полномочий, контроль выполнения поставленных задач, координирующая, кадровая, мотивационная. Отдельно

Козлов выделяет коммуникационную функцию, сводящуюся к поиску, обработке и распределению информации, а также деловому представительству. Социальная функция отвечает за создание благоприятного климата в коллективе, формирует организационную и корпоративную культуру [Козлов А.А., 2000, с. 37].

Изучив ряд подходов к распределению функций руководителей, можно сформулировать свое видение на функциональную основу деятельности руководящих кадров и то, какими могут быть ожидания от реализации этого функционала. Модель построена по принципу «функция – процесс – результат» (табл. 2).

Таблица 2. Взаимосвязь функционала и ожидаемого результата деятельности руководителей

Table 2. Relationship between functionality and expected performance results of managers

№	Функция руководителей	Управленческие процессы	Результат деятельности
1	Стратегическая	– Планирование общей стратегии организации; – Прогнозирование достижения финансовых целей организации; – Оценка состояния ресурсов и планирование достижения целей организации с учетом минимизации затрат ресурсов	Достижение организацией собственных финансовых целей с минимизацией затрат во временных диапазонах тактического и стратегического планирования
2	Инновационно-аналитическая	– Анализ внешней среды организации с целью постоянного владения информацией о конъюнктуре рынка	Постоянное поддержание актуального портфеля товаров и/или услуг организации
3	Организационно-контролирующая	– Оперативное управление деятельностью организации посредством построения эффективной иерархии управления; – Контроль показателей эффективности	Система контроля функционирования организации в любых временных интервалах и возможность оперативного вмешательства руководства в управление любыми процессами
4	Коммуникативная	– Выстраивание системы коммуникации внутри организации таким образом, чтобы между руководством и персоналом организации всегда была обратная связь	Прогнозирование точек напряженности в трудовом коллективе и поиски путей разрешения возможных или существующих разногласий
5	Социально-мотивационная	– Формирование и поддержание структуры управления организацией с учетом наиболее эффективного использования человеческих ресурсов; – Формирование эффективной системы мотивации персонала	Снижение затрат на персонал организации посредством эффективного управления им

Выявив ожидания от деятельности эффективных руководителей через выполнение ими своих профессиональных функций, важно понять, какие социальные регуляторы, получившие применение в сфере управления внутриорганизационными процессами взаимодействия, могут способствовать построению руководите-

лями эффективной системы управления. За достижение организацией собственных финансовых целей с минимизацией затрат во временных диапазонах тактического и стратегического планирования отвечает группа организационных социальных регуляторов. К ним относятся *правовые регуляторы*, т.е. вся масса

внешних и внутренних документов, законодательно регулирующих деятельность организации. *Структура управления* организацией отвечает за формирование иерархической либо плюралистской системы взаимодействия, т.е. определяет структуру подчиненности и отчетности внутри трудового коллектива. *Организационная культура* определяет систему ценностей организации и призвана регулировать поведение сотрудников в соответствии с этой системой. Этический регулятор *«ответственность»* формирует у всех участников трудового процесса, включая руководителей, необходимость оценки своих действий в контексте последствий не только для себя, но и для коллектива в целом.

Достижение постоянного поддержания актуального портфеля товаров и/или услуг организации реализуется через формирование и поддержание *кадровой политики* организации, которая направлена на раскрытие потенциала ее сотрудников и *организационной культуры*, в рамках которой каждому специалисту отводится возможность через реализацию собственных идей внести вклад в развитие организации в любых аспектах.

Построение эффективной системы контроля функционирования организации в любых временных интервалах и возможность оперативного вмешательства руководства в управление любыми процессами реализуемы при использовании социальных регуляторов *карьерного роста*, отвечающего за стимулирование повышения профессионального уровня сотрудников, *мотивации персонала*, отвечающей за добросовестный труд сотрудников и возможности применения к ним системы санкций в обратном случае, и построения *системы коммуникации*, регулирующей иерархию взаимодействия разных уровней структуры подчиненности. Немаловажную роль в достижении этого результата играет этический регулятор *неформального распределения ролей в коллективе*, который позволяет максимально раскрыть и использовать имеющийся у сотрудников потенциал.

Прогнозирование точек напряженности в трудовом коллективе и поиски путей разрешения возможных или существующих разногласий становятся возможны также при применении регулирующей *системы коммуникации*, построенной на принципах прозрачности

предоставления информации внутри трудового коллектива, однако можно судить о том, что за достижения этого результата отвечает также поведенческий регулятор *адаптивности*, который позволяет повышать возможность адаптации персонала и создавать механизмы социальной мобильности посредством формирования поведенческих стереотипов, и *самоорганизации* сотрудников, позволяющий снижать контроль за работой лояльной организации части трудового коллектива.

Снизить затраты на персонал организации и построить эффективную систему управления им руководители могут при помощи использования регуляторов *мотивации персонала*, позволяющей дать возможность сотрудникам получения личных материальных и нематериальных выгод в долгосрочной перспективе [Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л., 1999, с. 441], тем самым обеспечив страхование от текучести кадров. Однако наиболее эффективным является построение *кадровой политики*, в рамках которой регулируется кадровый ресурс и человеческий потенциал организации.

Взаимосвязь личностных и профессиональных качеств руководителей с эффективностью социального регулирования взаимодействий в трудовой среде

Достижение руководителями ожидаемых результатов деятельности становится возможным при эффективном подходе к социальному регулированию управленческой деятельности посредством применения социальных регуляторов. Необходимо установить взаимосвязь между описанными выше социальными регуляторами и выявленными характерными личностными и профессиональными качествами руководителей. Важно понимать, что социальный регулятор, в практическом смысле, — это инструмент, который позволяет нормировать поведение участников процесса и поддерживать соответствие этим нормам. Таким образом, нужно понять, какие качества руководителей способны обеспечить использование инструментов социального регулирования взаимодействия участников трудового процесса, для этого предложенные социальные регуляторы будут соотнесены с группами качеств руководителей (табл. 3).

Таблица 3. Соотнесение личностных и профессиональных качеств руководителей с теми социальными регуляторами, через которые они реализуются

Table 3. Correlation of personal and professional qualities of managers with the social regulators through which they are implemented

Социальные регуляторы взаимодействия	Личностные и профессиональные качества руководителей (по группам)
Правовые регуляторы	– Профессионализм; – Широта кругозора
Структура управления	– Профессионализм; – Широта кругозора
Организационная культура	– Моральные и нравственные ценности; – Интеллектуальные способности; – Социально-психологические особенности
Ответственность	– Моральные и нравственные ценности; – Лидерство
Кадровая политика	– Профессионализм; – Широта кругозора
Карьерный рост	– Лидерство; – Широта кругозора; – Профессионализм
Мотивация персонала	– Лидерство; – Моральные и нравственные ценности; – Профессионализм
Система коммуникации	– Лидерство; – Широта кругозора
Неформальное распределение ролей в коллективе	– Широта кругозора; – Профессионализм; – Социально-психологические особенности
Адаптивность	– Лидерство; – Моральные и нравственные ценности; – Здоровье
Самоорганизация	– Лидерство – Социально-психологические особенности

Анализ данных о соотнесении необходимых для реализации социального регулирования через систему социальных регуляторов личностных и профессиональных качеств руководителей показал, что в системе социального регулирования задействованы все группы качеств, присущие руководителям. Ранее было сделано предположение о том, что профессионализм как группа качеств, характеризующих наличие у руководителей компетенций, приобретенных в результате опыта работы, имеет высокое значение для управления человеческими ресурсами в целом, и для социального регулирования взаимоотношений участников трудового процесса в частности. Это предположение подтвердилось посредством оценки необходимого для руководителей набора профессиональных навыков для выстраивания системы социального регулирования. Однако лидерство, поставленное автором на первое место в иерархии необходимых для руководителей качеств, требуется далеко не во всех аспектах социального

регулирования. Например, при применении правовых регуляторов гораздо важнее, чтобы руководители обладали базовыми знаниями в области юриспруденции и имели опыт использования этих знаний, а в случае построения организационной культуры куда более значимым будет наличие у руководителей устойчивых моральных и нравственных ориентиров, которые можно транслировать на всю организацию. Тем не менее, стоит отметить, что современные классификации качеств руководителей, в которых на передний план выходят «мягкие навыки», тоже имеют право на существование применительно к системе социального регулирования; это становится очевидным, когда среди значимых групп руководящих качеств применение находит группа «широта кругозора», которая, по сути, и отвечает за умение использовать в работе «мягкие навыки».

Заключение

Изучив различные подходы к определению личностных и профессиональных качеств руководителей, проанализировав управленческий функционал и выстроив взаимосвязь характеристик руководителей с социальными регуляторами взаимодействия в трудовой среде, следует обратиться к цели настоящего исследования, а именно определить роль руководителя в системе социального регулирования трудовых отношений. В данном случае роль подразумевает не отношение к одной из описанных ролевых моделей руководства, а определяет способ поведения, отвечающий принятым нормам, предлагаемыми обстоятельствам и зависящий от статуса в конкретной группе.

Руководители, независимо от того, к какому звену они относятся в управленческой иерархии — высокому, среднему или низкому, могут выбирать различные способы поведения в системе социального регулирования взаимодействия участников трудового процесса. Первый способ поведения определяется лидерским функционалом и наличием лидерских качеств руководителя. Он будет доступен не каждому, кто является носителем высокой должности и имеет подчиненных: лишь признанные управленческие лидеры смогут посредством использования инструментов социального регулирования построить эффективную систему взаимодействия в трудовой коллективе, основанную на личной ответственности, умении применять регуляторы адаптивности и самоорганизации, выстраивая систему взаимодействия на том, чтобы методы мотивации персонала и механизмы карьерного роста формировали из подчиненных последователей и стимулировали коллектив к развитию собственного потенциала и следованию системе ценностей организации.

Второй возможный вариант поведения руководителя — это руководитель-аналитик, который способен аккумулировать, обрабатывать, анализировать всю информацию о внешней и внутренней среде организации и направлять информационные потоки внутри организации в построенной им системе управления и организационной культуре таким образом, чтобы социальное регулирование любых взаимодействий внутри коллектива выстраивалось в рам-

ках кадровой политики и имело своей целью наиболее полное использование потенциалов сотрудников.

Третий способ поведения руководителя строится вокруг высокого уровня его профессионализма. В этом случае «руководитель» равно «профессионал». В основе его подхода к социальному регулированию взаимоотношений в трудовом коллективе лежат организационные регуляторы — формирование законодательной базы, структуры управления и кадровой политики таким образом, чтобы система приобрела характер жесткой конструкции, для таких руководителей часто характерен авторитарный стиль управления.

Можно сделать вывод о том, что система социального регулирования взаимоотношений в трудовых коллективах зависит от личностных и профессиональных качеств руководителей в части применения их для поддержания равновесия системы управления организацией и формирования направленности ее деятельности на заданный стратегический результат.

Список литературы

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь / пер. с англ. И.Г. Ясавеева; под ред. С.А. Ерофеева. М.: Экономика, 2004. 620 с.
- Ансофф И.* Стратегическое управление: пер. с англ. М.: Экономика, 1989. 519 с.
- Вудкок М., Фрэнсис В.* Раскрепощенный менеджер / пер. с англ. А.В. Верникова, А.Ф. Ковалева. М.: Дело, 1991. 320 с.
- Жовтун Д.Т.* Личность руководителя в системе социального управления // Социология власти. 2005. № 5. С. 46–57.
- Захаров Н.Л.* Теория социальных регуляторов: монография. М.: Инфра-М, 2024. 241 с.
- Захаров Л.Н., Кузнецов А.Л.* Мотивация труда работников промышленных предприятий // Проблемы региональной экономики (г. Ижевск). 1999. № 1–4. С. 439–450.
- Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л., Перфильева М.Б.* Становление современной системы трудовых отношений. Ижевск: Изд-во ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, 2020. 168 с.
- Захаров Н.Л., Покровская Н.Н., Сметанина Т.В., Чечулин А.В. и др.* Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиа-коммуникациями. СПб.: Изд-во ВВМ, 2022. 198 с.

Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л., Воронцов А.В., Перфильева М.Б., Прокофьева А.В., Внут-ских А.Ю. Методологические основания социологии управления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 251–267. DOI:

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-251-267>

Козлов А.А. Функции и качества руководителя // Интеграция образования. 2000. № 1. С. 37–40.

Куликов Ю.А. Модели управления персоналом организации // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 7(37). С. 85–89.

Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

Рогачева М.И. Имидж — составляющая успеха руководителя // Управление персоналом. 2004. № 17. С. 60–62.

Сабат Э.М. Бизнес-этикет / пер. с англ. Б.Н. Осетрова. М.: Фаир-пресс, 2004. 240 с.

Сметанина Т.В., Кузнецов А.Л., Перфильева М.Б. Бизнес-модели и их роль в интеграции международных стандартов менеджмента качества в деятельность организации // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. Т. 10, № 6. С. 58–62. DOI: <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-10-6-58-62>

Сосницкая О. SOFT SKILLS: мягкие навыки твердого характера / EXRUS.eu: соц.-эконом. портал. 2012. 14 сент. URL: <https://ru.exrus.eu/Soft-Skills-Myagkiye-navyki-tverdogo-kharaktera-id50530e696ccc19a0150001fb> (дата обращения: 23.12.2023).

Файоль А. Общее и промышленное управление / пер. с фр. Б.В. Бабина-Кореня. М.: Кн-во Центр ин-та труда, 1923. 124 с.

Якокка Л. Карьера менеджера / пер. с англ. Р.И. Столпера. М.: Прогресс, 1991. 384 с.

References

Abercrombie, N., Hill, S. and Turner, B.S. (2004). *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological Dictionary]. Moscow: Ekonomika Publ., 620 p.

Ansoff, I. (1989). *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow: Ekonomika Publ., 519 p.

Fayol, A. (1923). *Obschee i promyshlennoe upravlenie* [General and industrial management]. Moscow: Tsentral'nyy Institut Truda Publ., 124 p.

Iacocca, L. (1991). *Kar'era menedzhera* [Management career]. Moscow: Progress Publ., 384 p.

Kozlov, A.A. (2000). [Functions and qualities of a leader]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education]. No. 1, pp. 37–40.

Kulikov, Yu.A. (2015). [Models of personnel management in an organization]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. No. 7(37), pp. 85–89.

Petrovsky, A.V. and Yaroshevsky, M.G. (1990). *Psikhologiya: slovar'* [Psychology: dictionary]. Moscow: Politizdat Publ., 494 p.

Rogacheva, M.I. (2004). [Image is a component of the success of a leader]. *Upravlenie personalom* [Personnel management]. No. 17, pp. 60–62.

Sabat, E.M. (2004). *Biznes-etiket* [Business etiquette]. Moscow: Fair-press Publ., 240 p.

Smetanina, T.V., Kuznetsov, A.L. and Perfil'eva, M.B. (2012) [Business models and their role in the integration of international quality management standards in the activities of the organization]. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii* [Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia]. Vol. 10, no. 6, pp. 58–62. DOI: <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-10-6-58-62>

Sosnitskaya, O. (2012). *SOFT SKILLS: myagkie navyki tverdogo kharaktera* [SOFT SKILLS: soft skills of a strong character]. EXRUS.eu: socio-economic portal, Sep. 14. Available at: <https://ru.exrus.eu/Soft-Skills-Myagkiye-navyki-tverdogo-kharaktera-id50530e696ccc19a0150001fb> (accessed 23.12.2023).

Woodcock, M. and Francis, V. (1991). *Raskreposhennyy menedzher* [The unblocked manager]. Moscow: Delo Publ., 320 p.

Zhovtun, D.T. (2005). [Personality of the leader in the system of social management]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 5, pp. 46–57.

Zakharov, N.L. (2024). *Teoriya sotsial'nykh regulyatorov* [Theory of social regulators]. Moscow: In-fra-M Publ., 241 p.

Zakharov, N.L. and Kuznetsov, A.L. (1999). [Labor motivation of workers at industrial enterprises]. *Problemy regional'noy ekonomiki (Izhevsk)* [Problems of the Regional Economy (Izhevsk)]. No. 1–4, pp. 439–450.

Zakharov, N.L., Kuznetsov, A.L. and Perfil'eva, M.B. (2020). *Stanovlenie sovremennoy sistemy trudovykh otnosheniy* [The formation of a modern system of labor relations]. Izhevsk: Kalashnikov ISTU Publ., 168 p.

Zakharov, N.L., Pokrovskaya, N.N., Smetanina, T.V., Chechulin, A.V. et al. (2022). *Sotsial'no-*

ekonomicheskiy analiz innovatsionnogo upravleniya tsifrovymi media-kommunikatsiyami [Socio-economic analysis of innovative management of digital media communications]. St. Petersburg: VVM Publ., 198 p.

Zakharov, N.L., Vorontsov, A.V., Kuznetsov, A.L., Perfileva, M.B., Prokofyeva, A.V. and

Vnutskikh, A.Yu. (2023). [Methodological foundations of the sociology of management]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 251–267. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-251-267>

Об авторах

Левицкая Александра Николаевна
преподаватель кафедры менеджмента

Санкт-Петербургский институт
экономики и управления,
194044, Санкт-Петербург, Крапивный пер., 5;
e-mail: alexandra_levitskaya@mail.ru
ResearcherID: JQV-3698-2023

Борисов Александр Федосеевич
доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социологии

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: borisovaf@ Herzen.spb.ru
ResearcherID: N-3023-2013

Шелонаев Сергей Игоревич
доктор социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой журналистики
и медиатехнологий СМИ

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18;
e-mail: shelonaev@mail.ru
ResearcherID: HZH-5663-2023

About the authors

Alexandra N. Levitskaya
Lecturer of the Department of Management

Saint Petersburg Institute of Economics
and Management,
5, Krapivny In., Saint Petersburg, 194044, Russia;
e-mail: alexandra_levitskaya@mail.ru
ResearcherID: JQV-3698-2023

Alexander F. Borisov
Doctor of Sociology, Professor,
Professor of the Department of Sociology

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika river emb., Saint Petersburg,
191186, Russia;
e-mail: borisovaf@ Herzen.spb.ru
ResearcherID: N-3023-2013

Sergey I. Shelonaev
Doctor of Sociology, Docent,
Head of the Department of Journalism
and Media Technologies Media

Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design,
18, Bolshaya Morskaya st., Saint Petersburg,
191186, Russia;
e-mail: shelonaev@mail.ru
ResearcherID: HZH-5663-2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать 0 (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Берсенева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «>», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatsti», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-21062024.pdf>.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2024 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	11 апреля
в № 2 — до 01 мая	4 июля
в № 3 — до 01 августа	3 октября
в № 4 — до 01 октября	27 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2024

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 11
No 2 May 1	July 4
No 3 August 1	October 3
No 4 October 1	December 27

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Исправление:

Выпуск 1 за 2024 г.

На стр. 5 ошибочно указан УДК 141.3; верный УДК 1(091).

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2024
Выпуск 2

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 28.06.2024
Дата выхода в свет 04.07.2024
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 18,1
Тираж 52 экз. Заказ 1154.

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Философско-социологический факультет.
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Управление издательской деятельности.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке